

29957

РУССКИЕ ПОЭТЫ

РУССКИЕ ПОЭТЫ

XVIII-XIX В.В.

АНТОЛОГИЯ

*Редакция текста,
статьи и примечания
Цезаря Вольпе, Г. Гуковского, Вл. Орлова
и И. Ямпольского*

29957.

Т О М
В Т О Р О Й

ЦК ВЛКСМ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1941 Ленинград

Подбор иллюстраций
Н. АНДРОНИКОВА и А. ЧЕГОДАЕВА

Переплет М. Ильина

Ответств. редактор *Г. Эйхлер.*
Подписано к печати 24/IV 1941 г.
29⁸/₈ печ. л. (46,71 уч.-изд. л.) 48160
зн. в печ. л. Тираж 2000 экз.
А37278. Заказ № 2034.
Цена в переплете 14 р.

Фабрика детской книги Изд-ва
детской литературы ЦК ВЛКСМ.
Москва, Суцевский вал, 49.

Александр Сергеевич Пушкин родился 26 мая 1799 года. Его отец, отставной майор Сергей Львович Пушкин, происходил из старинного обедневшего дворянского рода; мать, Надежда Осиповна Ганнибал, была внучкой знаменитого арапа Петра Великого.

Родители сына не любили. Он был сдан на руки бабушке Ганнибал и отпущенной на волю крепостной Пушкиных Арине Родионовне, знаменитой «няне Пушкина». Затем, когда мальчик немного подрос, он перешел под надзор гувернеров-французов.

В раннем детстве, на прогулке, маленький Пушкин встретился с императором Павлом. Павел накричал на сопровождавшую мальчика няньку и велел снять с мальчика картуз. Впоследствии Пушкин говорил, что с этой встречи начались его недоразумения с русскими царями.

В 1811 году дядя Пушкина, поэт Василий Львович Пушкин, отвез мальчика в Петербург и при помощи своих влиятельных друзей, главным образом Александра Ивановича Тургенева, устроил его в только что созданное учебное заведение — Царскосельский лицей.

19 октября 1811 года лицей открылся.

Лицей находился под особым покровительством Александра I. Поступление в лицей сулило в будущем блестящую придворную карьеру. Это учебное заведение должно было готовить крупных государственных деятелей. Вот почему русские дворяне так стремились устроить туда своих детей. Попасть в лицей можно было только при помощи влиятельных протекций. Состав лицеистов поэтому оказался очень разнообразным: в лицей попали дети некоторых богачей-аристократов, как князь Горчаков, дети обедневших родовитых дворян, как Пушкин и барон Дельвиг, наконец, и такие бедняки, как Кюхельбекер, у которого родственником оказался главнокомандующий русской армии Барклай-де-Толли.

Молодые лицеисты быстро сблизились между собой. Здесь, в лицее, завязались дружеские отношения, сохранившиеся на всю жизнь. Здесь Пушкин нашел своих лучших друзей в талантливом чудеке, критике и поэте Кюхельбекере, в человеке неподкупной прямоты и честности — Пущине, в поэте Дельвиге. Вместе они шалили на уроках, вместе участвовали во всяческих проделках и выдумках лицеистов, вместе писали стихи, вместе радовались успехам и удачам друг друга.

Постепенно разнообразные взгляды, пристрастия и навыки, принесенные из дома, вытеснялись товарищеской солидарностью,

A. Nyman

общим влиянием «лицейского духа». Впоследствии этот «лицейский дух» характеризовали как «дух политического вольнолюбия».

В лицее был прекрасно подобран состав профессоров и преподавателей. Это были передовые ученые своего времени, прививавшие лицеистам навыки самостоятельного мышления, критического отношения к крепостнической действительности, передовые и либеральные идеи времени. Характерно, например, что французский язык в лицее преподавал де-Будри, родной брат знаменитого деятеля Французской революции Марата. Из лицейских профессоров особенно следует выделить Куницына, оказавшего на лицеев огромное влияние.

Первые годы учения совпали с великими потрясениями, обрушившимися на Россию. Поход Наполеона 1812 года, взятие Москвы, общее национальное воодушевление, взятие русскими Парижа и возвращение победоносного русского войска, прошедшего в течение кампании через всю Европу, — вот исторические события, потрясавшие тогда мир и оказавшие глубочайшее влияние на развитие молодых лицеев.

В лицее среди воспитанников все время шли политические споры. В этих спорах Пушкин, воспитанный на французской культуре, проявляет себя особенным знатоком французской литературы. Ему даже и кличку дали в лицее: «Француз». Любимым его

мыслителем и писателем в это время был Вольтер.

В 1815 году в Царское Село возвратились из заграничного похода Александр I и гвардия. Лицеисты стали посещать вечеринки гвардейских офицеров. На этих вечеринках говорили о политике.

Русские офицеры, только что возвратившиеся из культурной Европы, с негодованием говорили о крепостнической действительности России. Особенное влияние на Пушкина в это время оказал гвардейский офицер, выдающийся русский мыслитель Чаадаев, который своими рассказами о Европе и своими политическими суждениями способствовал расширению политического кругозора Пушкина.

Еще в лицейские годы стихи Пушкина обратили на него внимание. На публичном экзамене в 1815 году, при переходе на старший курс, Пушкин читал в присутствии Державина свое стихотворение «Воспоминания в Царском Селе». Державин пришел от стихов Пушкина в восхищение и предсказывал ему блестящую будущность.

Вскоре Пушкин был принят в литературное общество «Арзамас».

К моменту выхода из лицея политические симпатии Пушкина уже вполне определились. Почитатель Вольтера, защитник европейского просвещения и свободолюбия, Пушкин выступает в своих стихах прямым противником русского монархического строя.

В стихотворении «Вольность» выразились его конституционные идеалы, в «Нюэле» Пушкин, один из первых людей в России, точно определил лицемерие «либеральных» речей Александра I, в «Деревне» высказался против крепостного права (а вскоре затем в эпиграммах Пушкин заклеил Александра I и его сподвижников — Аракчеева и др.).

В этих своих стихах Пушкин предвосхитил основные политические взгляды декабристов.

Вот почему впоследствии декабристы и воспользовались пушкинскими стихами как агитационным материалом, в котором блестяще сформулированы их основные требования.

В 1819 году Пушкин вступил в кружок «Зеленая лампа», который играл роль литературного отделения декабристского общества.

В эти годы Пушкин много читает и пишет.

За годы 1817—1820 он написал поэму «Руслан и Людмила», основанную на русских «богатырских сказках».

Стихи Пушкина приобретают широкую славу. Антиправительственные его произведения расходятся в списках.

Держит себя Пушкин смело и независимо.

Весь Петербург говорит о его остроумии и веселых выходках, поражавших все светское общество. Так, однажды, придя в

театр, Пушкин, почувствовав жару, снял парик (он был обрит по случаю перенесенной болезни) и тут же на глазах у публики начал им обмахиваться. Один из его друзей говорил про веселость и откровенную жизнерадостность Пушкина: «Пушкин так смеется, что у него все кишки видны».

Смелость и независимость Пушкина выражались не только в выходках против приличий светского общества, но и в сознательных выступлениях против политического режима. Эти выступления начинают пугать правительство. За оду «Вольность» Александр I решает сослать Пушкина в Сибирь или Соловецкий монастырь. Благодаря заступничеству влиятельных друзей, главным образом губернатора Петербурга графа Милорадовича, ссылка в Соловецкий монастырь была заменена высылкой на юг, официально оформленной как назначение Пушкина на службу в Кишинев; 6 мая 1820 года Пушкин выехал из Петербурга в распоряжение наместника Бессарабии генерала Инзова.

* * *

С мая 1820 года начинается новый период жизни Пушкина. До 1826 года он пробыл в ссылке.

Выехав из Петербурга, Пушкин прибыл в Екатеринослав. Здесь он заболел. Его, больного, нашла семья генерала Раевского, направлявшаяся на Кавказ. Н. Н. Раевский взял с собой на Кавказ и Пушкина.

Вместе с Раевскими Пушкин попал на Минеральные Воды, а затем оттуда в Крым. Кавказ и Крым произвели самое сильное, романтическое впечатление на Пушкина. На Кавказе же Раевские познакомили Пушкина и с поэзией Байрона, которой Пушкин долго увлекается. Поэзия Байрона с этого времени оказывает на творчество Пушкина огромное влияние.

Кавказские и крымские впечатления отражаются и в творчестве Пушкина этой поры, и он создает ряд произведений, в которых изображена природа Крыма и Кавказа, произведений, открывших в русской литературе целую эпоху романтизации Кавказа и Крыма.

Приехав в Крым, Пушкин расстался с Раевскими и отправился к месту своей «службы», в Кишинев. Прибыл он в Кишинев 21 сентября 1820 года.

Генерал Инзов, в распоряжение которого прибыл Пушкин, отнесся к нему по-отечески доброжелательно. Инзов предоставил Пушкину полную свободу. За годы жизни в Кишиневе (1820—1823) Пушкин много путешествовал, изучая край. В годы кишиневской ссылки Пушкин сблизился со многими деятелями революционного крыла декабристского движения, так называемого «Южного общества». В эти годы он встречался с Пестелем, М. Ф. Орловым, В. Раевским и другими декабристами.

Революционные настроения Пушкина здесь

значительно крепнут и становятся более зрелыми. Этому способствуют и революционные события в Европе: испанская и неаполитанская революции, греческое восстание. Кажется, еще немного — и наступит очередь России.

В эти годы Пушкин делает попытки вступить в общество декабристов.

В июле 1823 года Пушкина переводят из Кишинева в Одессу, под начальство к графу М. С. Воронцову.

Воронцов был человек совершенно другого склада, чем Инзов. Это был англоман, высокомерный аристократ, любитель чиновничества и низкопоклонства. Вскоре отношение Воронцова к Пушкину стало враждебным; он стал писать в Петербург доносы на Пушкина.

В свою очередь, Пушкин написал на Воронцова несколько эпиграмм, из которых особенно популярной сделалась следующая:

Полу-милорд, полу-купец.
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полный наконец.

Сохранилась легенда о том, будто Пушкин, посланный Воронцовым в командировку обследовать пораженные саранчою посевы, вместо рапорта представил издевательские стихи:

Саранча
Летела, летела —
И села.
Сидела, сидела,
Всё съела
И вновь улетела.

Наконец, Воронцов перехватил письмо, в котором Пушкин писал, что «берет уроки атеизма» у одного старого англичанина.

За это письмо Пушкин был выслан из Одессы в июле 1824 года в принадлежавшее его отцу псковское село Михайловское. Отец взял на себя обязательство наблюдать за поведением сына. Он стал всячески стеснять Пушкина, и отношения в семье сделались тягостными и неприятными. Чтобы избавиться от оскорбительной опеки, Пушкин написал прошение губернатору Пскова, в котором просил перевести его из дому в крепость «для спокойствия отца и его собственного». К этой эпохе относятся две неудачные попытки Пушкина бежать за границу.

Наступил 1825 год. К этому времени Пушкин уже написал ряд произведений, причисших ему славу величайшего русского поэта.

Он создал первые русские байронические поэмы: «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан» и «Цыганы». Кроме того, он работал над романом в стихах «Евгений Онегин», начатым еще в Кишиневе. К 1825 году он написал уже три главы и начал четвертую.

В своем стремлении глубже понять совре-

менную политическую обстановку Пушкин обращается к изучению русской истории, особенно народных революционных движений. Его исторические интересы приводят его к замыслу политической трагедии. В 1825 году он создает «Бориса Годунова». Образцом для него теперь становится Шекспир, у которого он учится изображению исторических характеров. В «Борисе Годунове» отразились размышления Пушкина над вопросом об отношениях народа и власти и о роли народа в революционных движениях.

Наступило 14 декабря 1825 года. На Сенатской площади в Петербурге было разгромлено восстание декабристов. На престол вступил новый царь — Николай I.

Друзья Пушкина, декабристы, были арестованы, осуждены. Пятеро из них было казнено, остальных сослали на каторгу в Сибирь или, разжаловав в солдаты, отправили на Кавказ.

Новый царь велел привезти к нему Пушкина из ссылки. «Пушкину, — было сказано в предписании Николая, — позволяется ехать в своем экипаже, свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта».

8 сентября 1826 года Пушкин был доставлен в Москву, в Кремль, прямо в комнату, где его ждал Николай I.

* * *

Уже в дороге Пушкин должен был размышлять о том, почему его везут в Москву

свободно, «не как арестанта». Очевидно, не для того, чтобы поступить с ним, как с декабристами. Значит, хотят с ним договориться. И Пушкин имел возможность обдумать свою позицию в предстоящем разговоре с царем. В сущности, ему предстояло ответить на два вопроса: об его отношении к декабристам и об его отношении к самодержавию.

И когда Николай спросил его, что бы он, Пушкин, делал, если бы был 14 декабря в Петербурге, Пушкин отвечал откровенно, что он был бы «с мятежниками на площади». Этот ответ означал: я также декабрист!

Николай был заинтересован в примирении с Пушкиным. Положение нового царя было непрочным. Вопрос об отношениях с Пушкиным был для Николая вопросом далеко не безразличным. Пушкин был большой и влиятельной общественной силой. Николай был вынужден признать право Пушкина сохранить свои убеждения. Вот почему в разговоре с Пушкиным Николай не потребовал от поэта отказа от его прошлого, а только отказа от борьбы с правительством. За это он предлагал, в свою очередь, возратить Пушкину свободу и, кроме того, обещал ему полное освобождение от цензуры («Пиши свободно, я сам буду твоим цензором»). Кроме того, Николай в разговоре старался внушить Пушкину мысль, что он вовсе не враждебен взглядам декабристов и что он сам поведет Россию путем реформ и преобразований.

Так Пушкину было возвращено право жить в столицах.

Пушкин, несмотря на поражение восстания декабристов, продолжал считать, что Россия должна пойти по пути реформ и преобразований. В своих стихах этого времени Пушкин обращается к образу Петра I, великого преобразователя России. Он пишет стихотворение «Стансы», в котором указывает на Петра как на образец, которому Николаю должен подражать.

Пока что правительство уже извлекало выгоды из «прощения» Пушкина. Это «прощение» было воспринято с необычайной радостью русским обществом, и враждебное отношение к Николаю в кругах русского либерального дворянства было несколько смягчено.

Однако вскоре же после возвращения из ссылки Пушкин испытал, что значит печататься «без цензуры». Когда он представил Николаю своего «Годунова», царь возвратил трагедию с резолюцией, в которой рекомендовал переделать «Годунова» в исторический роман на манер Вальтер Скотта. Резолюция эта была просто выписана Николаем из рапорта-доноса, который написал при представлении «Бориса Годунова» Николаю агент тайной полиции и личный враг Пушкина литератор Булгарин. Так цензура царя на практике означала выдачу Пушкина его политическим врагам. Получив «Годунова», Пушкин оказался перед необходимостью или

переделать трагедию в роман, то есть, по существу, ее уничтожить, или отказаться от ее печатания, ибо пожелание царя было законом. И трагедия оказалась фактически на ряд лет запрещенной.

Положение Пушкина становилось все более затруднительным. Данное царю слово связывало его. В обществе же распространились слухи, что Пушкин изменил убеждениям молодости.

Личные обстоятельства Пушкина оказались к этому времени сильно запутанными. Источником существования для него был литературный заработок, а препятствия, чинимые ему цензурой царя, затрудняли возможность печататься.

Вскоре правительству стало ясно, что переманить Пушкина на сторону существовавшего режима не удастся. А между тем этот человек был слишком значителен, чтобы оно могло действительно предоставить ему свободу. Опасаясь Пушкина, правительство стремилось его связать. Для этого против него был возбужден ряд политических дел. Его обвинили в том, что он будто бы написал стихи на казнь декабристов. После допросов Пушкин был отдан под секретный надзор полиции. Вслед за тем было возбуждено дело о написании им поэмы «Гавриилиада», высмеивавшей христианскую мифологию.

Чтобы вырваться из тягостного и трудного положения, Пушкин в апреле 1828 года

просил у Николая разрешения вступить добровольцем в русскую армию, действовавшую против турок. Николай ответил отказом. На следующий же день после получения ответа царя Пушкин подал прошение разрешить ему поездку за границу. И на эту просьбу последовал отказ.

К этому присоединились и личные неудачи. 1 мая 1829 года Пушкин сделал предложение Н. Н. Гончаровой, но оно не было принято, так как у Пушкина не было ни денег, ни чинов, ни поместий.

Удрученный этой последней неудачей, Пушкин, не спрашивая уже ничего разрешения, выехал на Кавказ.

Приехав в Тифлис, он принял участие в походе русской армии к Эрзеруму и написал об этом походе очерк «Путешествие в Арзрум».

Его встречи на Кавказе с сосланными декабристами и его независимое поведение привели к тому, что он должен был уехать обратно в Петербург.

В Петербурге его встретили неприятные объяснения с начальником тайной полиции генералом Бенкендорфом по поводу самовольной поездки на Кавказ.

Возвратившись в Петербург, Пушкин снова попал в ту самую обстановку, от которой он бежал на Кавказ.

Он возобновил предложение Н. Н. Гончаровой. Для этого он привел в порядок свои

материальные дела, продал собрание своих стихотворений. Отец выделил ему небольшую часть наследства. Составилась в итоге довольно значительная сумма денег, и в мае 1830 года мать Н. Н. Гончаровой дала согласие на брак Пушкина с ее дочерью.

Перед женитьбой, в начале сентября 1830 года, Пушкин уехал в село Болдино Нижегородской губернии, чтобы привести дела по имению в окончательный порядок.

Выехать оттуда ему удалось уже не скоро. Россия была охвачена эпидемией холеры. Всюду были расставлены карантинные посты. Пушкину пришлось просидеть в Болдине всю осень (попал он в Москву только в начале декабря). За время вынужденного сидения в Болдине Пушкин напряженно и много писал. Он закончил все свои начатые произведения и написал ряд новых: «маленькие трагедии» («Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Каменный гость»), «Повести Белкина», «Историю села Горюхина», сказку о Балде и много стихотворений. В Болдине был закончен и «Евгений Онегин», выросший в большой реалистический роман о поколении дворянской интеллигенции — поколении, судьба которого, тесно связанная с декабристским движением, после 14 декабря 1825 года сделалась трагической. Десятую главу «Евгения Онегина», в которой речь шла о декабристах, Пушкин, опасаясь преследований, почти всю уничтожил.

J. G. Wood

By Advertiser -

В феврале 1831 года Пушкин женился на Н. Н. Гончаровой, переехал с женой в Петербург и поселился в Царском Селе (ныне город Пушкин).

* * *

1830—1831 годы в истории России были временем тяжелых испытаний. Эпидемия холеры, распространившаяся по всей стране, неурожай и голод, страшный режим военных поселений, вызвавший крестьянские восстания, подавленные с особенной жестокостью, польское восстание и неудачи русской армии в войне с поляками, общее усиление политической реакции в стране — все это заново поставило перед Пушкиным вопрос о его общественном поведении.

Обстановку Пушкин считал исключительно грозной. Он сравнивал ее со временем нашествия Наполеона на Россию, в 1812 году. Под влиянием этих настроений он написал свои антипольские патриотические стихотворения 1831 года: «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» и др.

В то же время Пушкин в организованной им совместно с группой друзей (Жуковский, Дельвиг, Вяземский) «Литературной газете» ведет борьбу по всему фронту литературы за передовое и подлинно общенародное искусство.

Сам он в это время особенно увлечен народным творчеством, изучает русские сказки и создает собственные, соревнуясь с Жуковским.

* * *

Между тем условия его жизни с каждым месяцем делаются все более трудными.

После женитьбы материальные обстоятельства Пушкина сложились весьма неблагоприятно. Расходы сильно возросли. Молодая жена выезжала на придворные балы. Это требовало средств. Сестры жены также переехали в Петербург и поселились у Пушкина.

Отец, бестолковым управлением доведя имение до полного разорения, просил Пушкина взять на себя управление всеми его делами и уплату долгов. Множество забот обрушилось на Пушкина. Он сам ездил закладывать в ломбард старинную шаль, для того чтобы уплатить срочные долги. К концу его жизни оказалось, что его долги составили огромную сумму — восемьдесят тысяч рублей.

Пушкин должен был булочнику, мяснику, портному, зеленщику, домовладельцу, извозчику, переплетчику и т. д.

Когда он лежал у себя дома умирающий, ему давали морошку, которую он очень любил, — и эта морошка также была куплена в долг, как явствует из записи в долговой книге торговца.

Размышления о судьбе России, мысли об историческом смысле происходящих общественных событий — все заставляло Пушкина обращаться к изучению русской истории. Исторические занятия открывали Пушкину

более глубокое понимание особенностей исторического развития России, отвечали на интересующие его политические запросы.

В эти годы все более крепнет интерес Пушкина к истории.

Пушкин решает специально заняться историей России. Он работает в архивах, изучает историю Пугачева и Петра I и создает на основе этой своей работы ряд художественных произведений (поэму «Медный всадник», повесть «Капитанская дочка» и др.), а также большое исследование о Пугачеве.

Свои исторические занятия Пушкин предполагал сделать и своей профессиональной работой, приносящей заработок, служащей источником дохода, обеспечивающей возможность честного, свободного и не зависящего от правительства труда.

Царское правительство продолжало относиться к новым интересам Пушкина с таким же недоверием, как и к прежним.

«Медный всадник» был написан Пушкиным так, что было ясно, что Пушкин окончательно отбросил всякие иллюзии относительно того, что Николай может быть Петром Великим. Никакого сходства между Петром — преобразователем России — и Николаем I Пушкин не находит. По поводу «Медного всадника» Николай I сделал столько возражений, что Пушкин отказался печатать поэму.

Самый характер исторических интересов Пушкина (эпоха Петра I и эпоха пугачевских

восстаний) не мог не казаться правительству знаменательным.

Шефу жандармов Бенкендорфу принадлежала идея, которая показывает, насколько правительство страшилось Пушкина: лучше его иметь на службе, чем на свободе.

И для Пушкина была придумана «служба». В декабре 1834 года он получил звание камер-юнкера, дававшееся молодым дворянам, начинавшим придворную карьеру.

Пушкин воспринял это звание как прямое оскорбление. Он писал об этом назначении, что «ни шутком, ни холопом» у русского царя он быть не может и не будет. При встрече с Николаем он, единственный из вновь назначенных камер-юнкеров, не благодарил за звание, а рассказывал, какие он нашел интересные документы по истории Пугачева. «Имейте в виду: я — историк России, а не камер-юнкер» — вот смысл этого разговора с Николаем, записанного Пушкиным в дневник.

И Николай не забыл этого разговора. Когда, не желая надевать на себя оскорбительный для него мундир камер-юнкера, Пушкин подал в отставку, Николай велел отставку дать и одновременно запретить Пушкину работать в архивах. Жуковскому Николай сказал: «Если Пушкин выйдет в отставку, то между ним и мною все разорвано». Жуковский, испугавшись царской угрозы, поехал к Пушкину, убеждал его, что он погубит себя и своих друзей, и уговорил Пушкина взять

отставку обратно. Так Пушкин и остался камер-юнкером.

Пушкин был глубоко оскорблен и искал прямых путей для открытой борьбы с правительством.

Пушкин задумывает издание журнала, через который можно будет воздействовать на широкие круги читателей и активно бороться с продажной реакционной литературой. В 1836 году он начал издавать журнал «Современник».

В «Современнике» Пушкин писал, что период русской литературы, когда ее делали писатели-дворяне, заканчивается, что сейчас приходит более широкий слой демократических писателей, которому и принадлежит будущее.

Экземпляр своего «Современника» Пушкин повез в Москву, в подарок Белинскому, которого он хотел пригласить руководящим критиком в свой журнал.

Враждебность правительственных кругов к Пушкину становится все более активной. С другой стороны, и в прогрессивных кругах русского общества возрастает непонимание политической позиции поэта. Его отношения со двором перетолковываются неблагоприятно для него и используются для его общественного осуждения. Новые его произведения принимаются холодно или враждебно. Его замечательные повести и новеллы, написанные в эти годы, предугазывали пути дальнейшего развития русской прозы: в «Станци-

онном зрителе» предугадана «Шинель» Гоголя, с ее сочувствием к униженным и оскорбленным, в «Истории села Горюхина» — сатира Салтыкова-Щедрина, в «Капитанской дочке» — романы Льва Толстого, в «Пиковой даме» — социальная философия Достоевского. Эту пушкинскую прозу современная критика оценила как полное падение его таланта, и даже такой глубокий критик, как В. Г. Белинский, через несколько лет написавший замечательный разбор произведений Пушкина, в это время писал, что в повестях Пушкина только фамилия автора напоминает ему о великом Пушкине. Так параллельно с ростом враждебности к Пушкину правительственных кругов растет в те же годы отчуждение от Пушкина и либерально-демократических слоев русской литературы. Наконец, друзья Пушкина (Карамзины, Вяземский и даже В. А. Жуковский), чувствуя все растущее нерасположение к нему правительства, постепенно, один за другим, от Пушкина отходят. Пушкин остается в совершенном одиночестве, в тяжелых материальных обстоятельствах, в трудной и сложной общественной обстановке. Лермонтов в стихах на смерть Пушкина очень точно писал об этом идейном одиночестве великого поэта, противостоящего своей реакционной эпохе:

Восстал он против мнений света,
Один, как прежде — и убит!

Пушкин задумывал в это время уехать на-

долго из Петербурга в деревню, чтоб порвать со всеми теми обстоятельствами своей петербургской жизни, которые делали его судьбу все более трагической. На эту тему «побега» из царского Петербурга написаны все его стихи 1835—1836 годов. Но Наталия Николаевна не желала уезжать из столицы, и Пушкин принужден был отказаться от мечты о свободном творчестве в деревне. Тогда он сам стал стремиться к конфликту и катастрофе, которые изменили бы его жизнь и принесли какой угодно выход из положения.

Эти трагические обстоятельства судьбы поэта и были использованы правительственными кругами, которые искали повода, чтобы уничтожить Пушкина. Правительство, страшась этого человека, значительности которого оно не могло не понимать, не знало еще, как его окончательно обезвредить.

Увлечение кавалергардского офицера Дантеса женой Пушкина и оказалось таким поводом для уничтожения поэта. Всеобщее сочувствие в высшем обществе было на стороне Дантеса. Пушкин вызвал Дантеса на дуэль. Дантес, для того чтобы отклонить дуэль, женился на сестре Наталии Николаевны. Однако и став свойственником Пушкина, он не изменил своего поведения. Пушкин снова вызвал его на дуэль. Пушкин искал этой дуэли, ибо он знал, что так или иначе (убьют ли его или будут потом за нее судить и, быть может, сошлют) она положит конец этому периоду его жизни. Вот почему он настаи-

вал на самых суровых условиях дуэли. 27 января 1837 года на дуэли с Дантесом, вблизи Черной речки, Пушкин был смертельно ранен.

Когда известие о том, что раненый Пушкин умирает у себя на квартире, облетело Петербург, тогда только стало ясно всем, какое огромное трагическое событие произошло, стало ясно, что умирает величайший русский поэт.

Десятки тысяч людей приходили на Мойку, к дому Пушкина, чтобы узнать о здоровье умирающего поэта. Многие плакали. В столице было такое возбуждение, что казалось, Петербург накануне народного возмущения.

Гибель Пушкина была воспринята в самых широких кругах русского общества как утрата национального гения, как общенародное горе. Один иностранный дипломат сообщал своему правительству, что «в последние дни в Петербурге произносятся самые странные речи, подтверждающие, что Пушкин был чуть ли не единственной опорой, единственным представителем народной воли».

И правительство перепугалось. Во дворце показалось, что забыли в свое время уничтожить одного из главарей декабристской революции. Вот теперь он лежит у себя на квартире беспомощный, умирающий, а завтра его гроб поведет массы против царского режима.

29 января 1837 года Пушкин умер.

И хотя, по приказу царя, еще шли приготовления к торжественному отпеванию Пушкина в Исаакиевском соборе, похороны его уже были засекречены. Ночью, тайно, в маленькой церкви на Конюшенной произошло отпевание тела. Десять друзей Пушкина: Жуковский, Вяземский и др., были допущены, и около каждого из них стояли жандармы с саблями.

Александру Тургеневу, который некогда устроил Пушкина в лицей и который был близким его другом в последние месяцы его жизни, было поручено похоронить тело поэта подальше от столицы, в селе Михайловском.

Гроб был поставлен на простые сани, покрыт рогожей и в сопровождении жандармов тайно вывезен из Петербурга.

Ц. В.

ВОСПОМНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Навис покров угрюмой ночи
На своде дремлющих небес;
В безмолвной тишине почили дол и рощи,
В седом тумане дальний лес;
Чуть слышится ручей, бегущий в сень
дубравы,
Чуть дышит ветерок, уснувший на листьях,
И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывет в серебристых облаках.

Плывет — и бледными лучами
Предметы осветила вкруг.
Аллеи древних лип открылись пред очами,
Проглянули и холм и луг;
Здесь, вижу, с тсолом сплелась молодая ива
И отразилась в кристалле зыбких вод;
Царицей средь полей лилея горделива
В роскошной красоте цветет.

С холмов кремнистых водопады
Стекают бисерной рекой,
Там в тихом озере плескаются наяды
Его ленивою волной;
А там в безмолвии огромные чертоги,
На своды опершись, несутся к облакам.

Не здесь ли мирны дни вели земные боги?
Не се ль Минервы росской храм?

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орел России мощный
На лоне мира и отрад?
Промчались навсегда те времена златые,
Когда под скипетром великия жены
Венчалась славою счастливая Россия,
Цветя под кровом тишины.

Здесь каждый шаг в душе рождает
Воспоминанья прежних лет;
Возрев вокруг себя, со вздохом росс вещает:
«Исчезло всё, великой нет!»
И в думу углублен, над злачными берегами
Сидит в безмолвии, склоня ветрам слух;
Протекшие лета мелькают пред очами,
И в тихом восхищеньи дух.

Он видит: окружен волнами,
Над твердой мшистою скалой
Вознесся памятник. Ширяся крылами,
Над ним сидит орел молодой.
И цепи тяжкие, и стрелы громовые
Вкруг грозного столпа трикратно обвились;
Кругом подножия, шумя, валы седые
В блестящей пене улеглись.

В тени густой угрюмых сосен
Воздвигся памятник простой.

Царское Село. Чесменская колонна.

О, сколь он для тебя, кагульский брег,
поносен,

И славен родине драгой!

Бессмертны вы вовек, о росски исполины,
В боях воспитанны среди бранных непогод!

О вас, сподвижники, друзья Екатерины,
Пойдет молва из рода в род.

О громкий век военных споров,
Свидетель славы россиян!

Ты видел, как Орлов, Румянцев и Суворов,
Потомки грозные славян,

Перуном Зевсовым победу похищали;
Их смелым подвигам, страхась, дивился мир;

Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громозвучных лир.

И ты промчался, незабвенный!

И вскоре новый век узрел

И брани новые, и ужасы военны;
Страдать — есть смертного удел.
Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя.
Восстал вселенной бич — и вскоре новой
брани
Зарделась грозная заря.

И быстрым понеслись потоком
Враги на русские поля.
Пред ними мрачна степь лежит во сне
глубоком,
Дымится кровию земля;
И селы мирные, и грады в мгле пылают,
И небо заревом оделось вокруг,
Леса дремучие бегущих укрывают,
И праздный в поле ржавит плуг.

Идут — их силе нет препоны,
Всё рушат, всё свергают в прах,
И тени бледные погибших чад Беллоны,
В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрестанно
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...
Но клики раздались!.. Идут в дали туманной!
Звучат кольчуги и мечи!..

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад, летят
на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.

Востренещи, тиран! уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить иль пасть в пылу
сраженья
За Русь, за святость алтаря.

Ретивы кони бранью пышут,
Усеян ратниками дол,
За строем строй течет; все мезью, славой
дышут,
Восторг во грудь их перешел;
Летят на грозный пир; мечам добычи ищут,
И се — пылает брань; на холмах гром гремит,
В сгущенном воздухе с мечами стрелы
свищут,
И брызжет кровь на щит.

Сразились. Русский — победитель!
И вспять бежит надменный галл;
Но сильного в боях небесный вседержитель
Лучом последним увенчал;
Не здесь его сразил воитель поседелый;
О бородинские кровавые поля!
Не вы неистовству и гордости пределы!
Увы! на башнях галл Кремля!..

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!

И в жертву не принес я мщенья вам
и жизни,
Вотще лишь гневом дух пылал!..

Где ты, краса Москвы стоголовой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни.
Москва, сколь русскому твой зрак унылый
страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Всё пламень истребил. Венцы затмились
башен,
Чертоги пали богачей.

И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной, летней ночи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях брега и светлы
рощи:
Всё мертво, всё молчит.

Утешься, мать градов России,
Возри на гибель пришлеца.
Отяготела днесь на их надменны выи
Десница мстящая творца.
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,
Их кровь не престаёт в снегах реками течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад и смерть
сретают,
А с тыла гонит русский меч.

РОЗА

Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Так вянет младость!
Не говори:
Вот жизни радость!
Цветку скажи:
Прости, жалею!
И на лилею
Нам укажи.
1815(?)

НЕВЕЦ

Слышали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слышали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?
Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
Встречали вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?

А. С. Пушкин

Когда в лесах вы юношу видали;
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

1816

ЖЕЛАНИЕ

Медлительно влекутся дни мои
И каждый миг в увядшем сердце множит
Все горести несчастливой любви
И тяжкое безумие тревожит;
Но я молчу; не слышен ропот мой;
Я слезы лью; мне слезы утешенье,
Моя душа, объятая тоской,
В них горькое находит наслажденье.
О жизни сон! лети, не жаль тебя,
Исчезни в тьме, пустое привиденье;
Мне дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру любя!

1816

ВОЛЬНОСТЬ

Ода

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру —
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

Е. П. Бакунина.

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор —
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела — Рабства грозный гений
И Славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью Святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждán над равными главами
Их меч без выбора скользит

И преступленье с висока
Сражает праведным размахом;
Где неподкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не Природа —

Стоите выше вы Народа,
Но вечный выше вас Закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль Народу иль царям
Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства.
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе Вероломства.
Молчит Закон — Народ молчит,
Падет преступная секира...
И се — злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает,
И беззаботную главу

Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец —

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит — в лентах и звездах,
Вином и Злобой упоены,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери вторглись янычары!..
Падут бесславные удары —
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

П. Я. Чаадаев.

К ЧААДАЕВУ

Любви, надежды, тихой славы
Не долго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой

Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуту верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

1818

К ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКОГО

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

1818

ДЕРЕВНЯ

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья!

Я твой: я променял порочный двор цирцей,
 Роскошные пиры, забавы, заблужденья
 На мирный шум дубров, на тишину полей,
 На праздность вольную, подругу

размышленья.

Я твой: люблю сей темный сад

С его прохладой и цветами,

Сей луг, уставленный душистыми

скирдами,

Где светлые ручьи в кустарниках шумят.

Везде передо мной подвижные картины:

Здесь вижу двух озер лазурные равнины,

Где парус рыбака белеет иногда,

За ними ряд холмов и нивы полосаты,

Вдали рассыпанные хаты,

На влажных берегах бродящие стада,

Овины дымные и мельницы крылаты;

Везде следы довольства и труда.

Я здесь, от суетных оков освобожденный,

Учуся в истине блаженство находить,

Свободною душой закон боготворить,

Роптанью не внимать толпы

непросвещенной,

Участьем отвечать застенчивой мольбе

И не завидовать судьбе

Злодея иль глупца в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!

В уединеньи величаю

Слышнее ваш отрадный глас;

Он гонит лени сон угрюмый,

К трудам рождает жар во мне,

И ваши творческие думы

В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:

Среди цветущих нив и гор
 Друг человечества печально замечает
 Везде невежества губительный позор.

Не видя слез, не внемля стона,
 На пагубу людей избранное судьбой,
 Здесь барство дикое, без чувства,
 без закона,

Присвоило себе насильственной лозой
 И труд, и собственность, и время
 земледельца.

Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
 Здесь рабство тощее влачится по браздам
 Неумолимого владельца.

Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
 Надежд и склонностей в душе питать
 не смая,

Здесь девы юные цветут
 Для прихоти бесчувственной злодея;
 Опора милая стареющих отцов,
 Младые сыновья, товарищи трудов,
 Из хижины родной идут собой умножить
 Дворовые толпы измученных рабов.
 О, если б голос мой умел сердца тревожить!
 Почто в груди моей горит бесплодный жар
 И не дан мне в удел витийства грозный дар?
 Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
 И рабство, падшее по манию царя,
 И над отечеством свободы просвещенной
 Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Гравюра к «Руслану и Людмиле» (1820).

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок незаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

1819

* * *

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края:
С волнением и тоской туда стремлюся я,
Воспоминаньем упоенный...
И чувствую, в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;

*Портрет В. А. Жуковского, подаренный им
А. С. Пушкину.*

Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу
мило,

Желаний и надежд томительный обман...

Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам
дальным

По грозной прихоти обманчивых морей,

Но только не к берегам печальным

Туманной родины моей,

Страны, где пламенем страстей

Впервые чувства разгорались,

Где музы нежные мне тайно улыбались,

Где рано в бурях отцвела

Моя потерянная младость,

Где легкокрылая мне изменила радость

И сердце хладное страданью предала.

Искатель новых приключений,

Я вас бежал, отчески края;

Я вас бежал, питомцы наслаждений,

Минутной младости минутные друзья;

И вы, наперсницы порочных заблуждений,

Которым без любви я жертвовал собой,

Покоем, славою, свободой и душой,

И вы забыты мной, изменницы молодые,

Подруги тайные моей весны златая,

И вы забыты мной... Но прежних сердца

ран,

Глубоких ран любви, ничто не излечило...

Шуми, шуми, послушное ветрило,

Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

* * *

Редет облаков летучая гряда.
 Звезда печальная, вечерняя звезда!
 Твой луч осеребрил увядшие равнины
 И дремлющий залив и черных скал вершины.
 Люблю твой слабый свет в небесной вышине;
 Он думы разбудил, уснувшие во мне:
 Я помню твой восход, знакомое светило,
 Над мирною страной, где всё для сердца
мило,
 Где стройны тополи в долинах вознеслись,
 Где дремлет нежный мирт и темный
кипарис,
 И сладостно шумят полуденные волны.
 Там некогда в горах, сердечной думы
полный,
 Над морем я влачил задумчивую лень,
 Когда на хижину сходила ночи тень
 И дева юная во мгле тебя искала
 И именем своим подругам называла.
 1820

НЕРЕИДА

Среди зеленых волн, лобзающих Тавриду,
 На утренней заре я видел Нереиду.
 Сокрытый меж дерев, едва я смел дохнуть:
 Над ясной влагою полубогиня грудь
 Младую, белую как лебедь, воздымала
 И пену из власов струею выжимала.
 1820

ВИНОГРАД

Не стану я жалеть о розах,
Увядших с легкою весной;
Мне мил и виноград на лозах,
В кистях созревший под горой,
Краса моей долины злачной,
Отрада осени златой,
Продолговатый и прозрачный,
Как персты девы молодой.

1820

ДОРИДЕ

Я верю: я любим; для сердца нужно верить.
Нет, милая моя не может лицемерить;
Всё непритворно в ней: желаний томный
жар,
Стыдливость робкая, харит бесценный дар,
Нарядов и речей приятная небрежность
И ласковых имен младенческая нежность.

1820

* * *

О дева-роза, я в оковах;
Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живет

И нежно песни ей поет
Во мраке ночи сладострастной.

1820

* * *

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец;
Живу печальный, одинокой,
И жду: придет ли мой конец?

Так поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист.

1821

* * *

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидела в шушуне,

В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заморозила.
Младенчество прошло как легкий сон;
Ты отрока беспечного любила,
Средь важных муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила;
Но тот ли был твой образ, твой убор?
Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась!
Каким огнем блеснул приветный взор!
Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осенял твой стан полувоздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала...
1821

МУЗА

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила;
Она внимала мне с улыбкой; и слегка
По звонким скважинам пустого тростника
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов.
С утра до вечера в немой тени дубов

Прилежно я внимал урокам девы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала:
Тростник был оживлен божественным
дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

1821

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хозарам.
Их села и нивы, за буйный набег,
Обрек он мечам и пожарам.
С дружиной своей, в цареградской броне
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им ненужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,
И холод и сеча ему ничего:
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся, однако чело
И взор омрачились думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;

И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время:
Теперь отдыхай; уж не ступит нога
В твоё позлащенное стремя.
Прощай, утешайся, да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном;
Водой ключевую поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

«А где мой товарищ, — промолвил Олег: —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? Всё так же ль лёгок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлют ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?»

Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня». —
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят: на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!»

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обвилась;
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые запенясь шипят
На тризне плачевной Олега:
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

УЗНИКЪ

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

1822

* * *

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой;

Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой!
Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор:
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.
1823

* * *

Ненастный день потух; ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Как привидение, за рощею сосновой
Луна туманная взошла..
Всё мрачную тоску на душу мне наводит.

Далеко, там, луна в сиянии восходит;
 Там воздух напоен вечерней теплотой;
 Там море движется роскошной пеленой
 Под голубыми небесами...

Вот время: по горе теперь идет она
 К брегам, потопленным шумящими волнами;

Там, под заветными скалами,
 Теперь она сидит печальна и одна...
 Одна... никто пред ней не плачет,

не тоскует;

Никто ее колен в забвеньи не целует;

Одна... ничьим устам она не предает

Ни плеч, ни влажных уст, ни персей

белоснежных.

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Никто ее любви небесной не достоин.

Не правда ль: ты одна... ты плачешь...

я спокоен;

. . . . .
 Но если . . . . .

1823

ДЕМОН

В те дни, когда мне были новы
 Все впечатленья бытия —
 И взоры дев, и шум дубровы,
 И ночью пенье соловья, —
 Когда возвышенные чувства,
 Свобода, слава и любовь,

А. Н. Раевский.

И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь,
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.
Печальны были наши встречи:

Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.
Неистошимый клеветою,
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.
1823

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы погоняем с ямщиком
И, презирая лень и негу,
Кричим: валяй по всем по трем!

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит попрежнему телега.
Под вечер мы привыкли к ней,

От сарско-сельских лип до башен
Гибралтара:

Всё молча ждет удара,
Всё пало — под ярем склонились все главы.

Свершилось! молвил он. Давно ль народы
мира

Паденье славили Великого Кумира

. . . . .
. . . . .
. . . . .

Давно ли ветхая Европа свирепела?
Надеждой новою Германия кипела,
Шаталась Австрия, Неаполь восставал,
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Уж правила свобода,
И самовластие лишь север укрывал?

Давно ль — и где же вы, зиждители
свободы?

Ну что ж? витийствуйте, ищите прав
природы,

Волнуйте, мудрецы, безумную толпу —
Вот Кесарь — где же Брут? О грозные

витии,

Целуйте жезл России
И вас поправшую железную стопу.

Он рек, и некий дух повеял невидимо,
 Повеял и затих и вновь повеял мимо,
 Владыку севера мгновенный хлад объял,
 На царственный порог вперил смутясь он
 очи —

Раздался бой полночи —
 И се внезапный гость в чертог царя
 предстал.

То был сей чудный муж, посланник
 провиденья,
 Свершитель роковой безвестного веленья,
 Сей всадник, перед кем склонилися цари,
 Мятежной Вольности наследник и убийца,
 Сей хладный кровопийца,
 Сей царь — исчезнувший как сон, как тень
 зари.

Ни тучной праздности ленивые морщины,
 Ни поступь тяжкая, ни ранние седины,
 Ни пламя бледное нахмуренных очей
 Не обличали в нем изгнанного героя,
 Мучением покоя
 В морях казненного по манию царей.

Нет, чудный взор его живой, неуловимый,
 То вдаль затерянный, то вдруг неотразимый,
 Как боевой перун, как молния сверкал
 Во цвете здравия, и мужества, и мощи,
 Владыке полунощи
 Владыка запада, грозящий, предстоял.

В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор;
Но фронт герою надоел:
Теперь коллежский он ассессор
По части иностранных дел.

<1823 или 1824>

К МОРЮ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум
призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,

Одесса. Порт.

Скользит отважно средь зыбей,
Но ты взыграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег.

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я.

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений,
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставляя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем неукротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где благо, там уже на страже
Иль просвещенье иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы

И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы
И блеск, и тень, и говор волн.
1824

* * *

Сказали раз царю, что наконец
Мятежный вождь Риэго был удушен.
«Я очень рад, — сказал усердный льстец: —
От одного мерзавца мир избавлен».
Все смолкнули, все потупили взор,
Всех рассмешил проворный приговор.
Риэго был пред Фердинандом грешен,
Согласен я, но он за то повешен.
Пристойно ли, скажите, сгоряча
Ругаться нам над жертвой палача?
Сам государь такого доброхотства
Не захотел улыбкой наградить:
Льстецы, льстецы! старайтесь сохранить
И в подлости осанку благородства.
1824

<ПРОЛОГ ИЗ «РУСЛАНА И ЛЮДМИЛЫ»>

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;

Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой;
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет:
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

ИЗ «ПОДРАЖАНИЙ КОРАНУ»¹

Посвящено П. А. ОСИПОВОЙ

1

Клянусь четой и нечетой,
 Клянусь мечом и правой битвой,
 Клянуся утренней звездой,
 Клянусь вечернею молитвой :

Нет, не покинул я тебя.
 Кого же в сень успокоенья
 Я ввел, главу его любя,
 И скрыл от зоркого гоненья?

Не я ль в день жажды напоил
 Тебя пустынными водами?
 Не я ль язык твой одарил
 Могучей властью над умами?

Мужайся ж, презирай обман,
 Стезею правды бодро следуй,
 Люби сирот и мой коран
 Дрожащей твари проповедуй.

¹ «Нечестивые, — пишет Магомет (глава *Награды*), — думают, что коран есть собрание новой лжи и старых басен». Мнение сих нечестивых, конечно, справедливо, но, несмотря на сие, многие нравственные истины изложены в коране сильным и поэтическим образом. Здесь предлагается несколько вольных подражаний. В подлиннике Алла везде говорит от своего имени, а о Магомете упоминается только во втором или третьем лице. — *Примеч. Пушкина.*

² В других местах корана Алла клянется копытами кобылиц, плодами смоковницы, среброю Мекки, добродетелию и пороком, ангелами и человеком и проч. Страшный сей риторический оборот встречается в коране поминутно. — *Примеч. Пушкина.*

2

О жены чистые пророка,
 От всех вы жен отличены:
 Страшна для вас и тень порока.
 Под сладкой сенью тишины
 Живите скромно: вам пристало
 Безбрачной девы покрывало.
 Храните верные сердца
 Для нег законных и стыдливых,
 Да взор лукавый нечестивых
 Не узрит вашего лица.

А вы, о гости Магомета,
 Стекаясь к вечера его,
 Брегитесь суетами света
 Смутить пророка моего.
 В пареньи дум благочестивых,
 Не любит он велеречивых
 И слов нескромных и пустых:
 Почтите пир его смиреньем,
 И целомудренным склоненьем
 Его невольниц молодых¹.

3

Смутясь, нахмурился пророк,
 Слепца послушав приближенье²:

¹ «Мой пророк, — прибавляет Алла, — вам этого не скажет, ибо он весьма учтив и скромен; но я не имею нужды с вами чиниться», и проч. Ревность а,аба так и дышит в сих заповедях. — *Примеч. Пушкина.*

² Из книги Слепец. — *Примеч. Пушкина.*

Бежит, да не дерзнет порок
Ему являть недоуменье.

С небесной книги список дан
Тебе, пророк, не для строптивых;
Спокойно возвещай коран,
Не понуждая нечестивых!

Почто ж кичится человек?
За то ль, что наг на свет явился,
Что дышит он недолгий век,
Что слаб умрет, как слаб родился?

За то ль, что бог и умертвит
И воскресит его по воле?
Что с неба дни его хранит
И в радостях и в горькой доле?

За то ль, что дал ему плоды
И хлеб и финик и оливу,
Благословив его труды
И вертоград и холм и ниву?

Но дважды ангел вострубит;
На землю гром небесный грянет:
И брат от брата побежит,
И сын от матери отпрянет.

И все пред бога притекут,
Обезображенные страхом:
И нечестивые падут,
Покрыты пламенем и прахом.

4

С тобою древле, о всесильный,
Могучий состязаться мнил,
Безумной гордостью обильный:
Но ты, господь, его смирил.
Ты рек: я миру жизнь дарую,
Я смертью землю наказую,
На всё подъята длань моя.
Я также, рек он, жизнь дарую
И также смертью наказую:
С тобою, боже, равен я.
Но смолкла похвальба порока
От слова гнева твоего:
Подъемлю солнце я с востока;
С заката подыми его.

9

И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,
И кладязь под пальмою видит он вдруг.

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы:
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит несведомый глас:

Оазис в пустыне.

«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.

Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал;
Уж пальма истлела, а кладязь холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей,
И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...

И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладязь наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.

1824

АКВИЛОН

Зачем ты, грозный аквилон,
Тростник болотный долу клонишь?
Зачем на дальний небосклон
Ты облачко столь гневно гонишь?

Недавно черных туч грядой
Свод неба глухо облекался,
Недавно дуб над высотой
В красе надменной величался...

Но ты поднялся, ты взыграл,
Ты прошумел грозой и славой —
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый.

Пускай же солнца ясный лик
Отныне радостью блистает,
И облачком зефир играет,
И тихо зыблется тростник.

1824

ЦЫГАНЫ.

(Писано въ 1824 году).

Александр Семенов
МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Мед.-Хирург. Академіи.

1827.

ЦЫГАНЫ

Поэма

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Как вольность весел их ночлег
И мирный сон под небесами.
Между колесами телег,
Полузавешанных коврами,
Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.
Всё живо посреди степей:
Заботы мирные семей,
Готовых с утром в путь недалёкий,
И песни жен, и крик детей,
И звон походной наковальни.
Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное молчанье,
И слышно в тишине степной
Лишь лай собак да коней ржанье.
Огни везде погашены,
Спокойно всё, луна сияет
Одна с небесной вышины
И тихий табор озаряет.
В шатре одном старик не спит;
Он перед углями сидит,
Согретый их последним жаром,
И в поле дальное глядит,
Ночным подернутое паром.

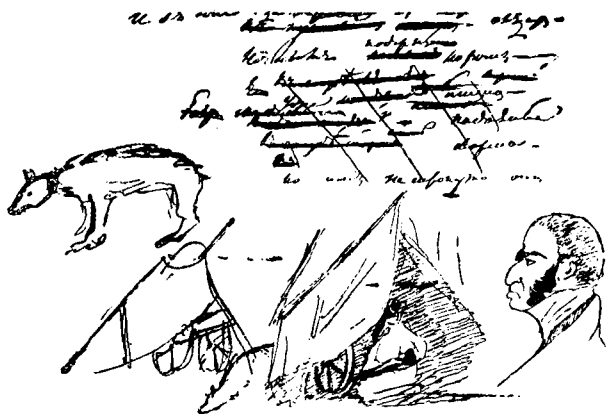

Рисунок А. С. Пушкина в рукописи поэмы «Цыганы».

Его молоденькая дочь
 Пошла гулять в пустынном поле.
 Она привыкла к резвой воле,
 Она придет; но вот уж ночь,
 И скоро месяц уж покинет
 Небес далеких облака;
 Земфиры нет как нет, и стынет
 Убогий ужин старика.

Но вот она. За нею следом
 По степи юноша спешит;
 Цыгану вовсе он неведом.
 «Отец мой, — дева говорит, —
 Веду я гостя: за курганом
 Его в пустыне я нашла
 И в табор на́ ночь зазвала.

Он хочет быть как мы цыганом;
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду.
Его зовут Алеко; он
Готов итти за мною всюду».

С т а р и к

Я рад. Остаься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь. Я готов
С тобой делить и хлеб и кров.
Будь наш, привыкни к нашей доле.
Бродящей бедности и воле;
А завтра с утренней зарей
В одной телеге мы поедем;
Примись за промысел любой:
Железо куй иль песни пой
И села обходи с медведем.

А л е к о

Я остаюсь.

З е м ф и р а

Он будет мой:
Кто ж от меня его отгонит?
Но поздно... месяц молодой
Зашел, поля покрыты мглой,
И сон меня невольно клонит...

Светло. Старик тихонько бродит
Вокруг безмолвного шатра.

«Вставай, Земфира, солнце всходит,
Проснись, мой гость, пора, пора!
Оставьте, дети, ложе неги».
И с шумом высыпал народ,
Шатры разобраны, телеги
Готовы двинуться в поход;
Всё вместе тронулось: и вот
Толпа валит в пустых равнинах.
Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих несут;
Мужья и братья, жены, девы,
И стар и млад вослед идут;
Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собак и лай и завыванье,
Волюнки говор, скрип телег,
Всё скудно, дико, всё нестройно;
Но всё так живо-непокойно,
Так чуждо мертвых наших нег,
Так чуждо этой жизни праздной,
Как песнь рабов однообразной.

Уныло юноша глядел
На опустелую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себе не смел.
С ним черноокая Земфира,
Теперь он вольный житель мира,
И солнце весело над ним
Полуденной красою блещет.

Что ж сердце юноши трепещет?
Какой заботой он томим?

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда,
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдет,
Птичка гласу бога внемлет,
Встрепенется и поет.
За весной, красой природы,
Лето знойное пройдет —
И туман и непогоды
Осень поздняя несет:
Людям скучно, людям горе;
Птичка в дальние страны,
В теплый край, за сине море
Улетает до весны.

Подобно птичке беззаботной
И он, изгнанник перелетный,
Гнезда надежного не знал
И ни к чему не привыкал.
Ему везде была дорога,
Везде была ночлега сень;
Проснувшись поутру, свой день
Он отдавал на волю бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лень.
Его порой волшебной славы
Манила дальняя звезда,
Нежданно роскошь и забавы

К нему являлись иногда;
Над одинокой головою
И гром нередко грохотал;
Но он беспечно под грозою
И в ведро ясное дремал.
И жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой;
Но, боже, как играли страсти
Его послушною душой!
С каким волнением кипели
В его измученной груди!
Давно ль, на долго ль усмирели?
Они проснутся: погоди.

Земфира

Скажи, мой друг, ты не жалеешь
О том, что бросил навсегда?

Алеко

Что ж бросил я?

Земфира

Ты разумеешь:
Людей отчизны, города.

Алеко

О чем жалеть? Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душевных городов!
Там люди в кучах, за оградой
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;

Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своею,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волнение,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.

Земфира

Но там огромные палаты,
Там разноцветные ковры,
Там игры, шумные пиры,
Уборы дев там так богаты!

Алеко

Что шум веселий городских?
Где нет любви, там нет веселий;
А девы... Как ты лучше их
И без нарядов дорогих,
Без жемчугов, без ожерелий!
Не изменись, мой нежный друг!
А я... одно мое желанье
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное изгнанье.

Старик

Ты любишь нас, хоть и рожден
Среди богатого народа;
Но не всегда мила свобода
Тому, кто к неге приучен.

Овидий у скифов.

Меж нами есть одно преданье:
Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье.
(Я прежде знал, но позабыл
Его мудреное прозванье.)
Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной:
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный.
И полюбили все его,
И жил он на берегах Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя.
Не разумел он ничего
И слаб и робок был как дети;
Чужие люди за него

Зверей и рыб ловили в сети;
Как мерзла быстрая река
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика;
Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог;
Скитался он иссохший, бледный,
Он говорил, что гневный бог
Его карал за преступленье,
Он ждал: придет ли избавленье.
И всё несчастный тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал,
Свой дальный град вспоминая,
И завещал он умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли
Не успокоенные гости.

А л е к о

Так вот судьба твоих сынов,
О Рим, о громкая держава!
Певец любви, певец богов,
Скажи мне: что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий
Или под сенью дымной кущи
Цыгана дикого рассказ?

Прошло два лета. Так же бродят
Цыганы мирною толпой;

Везде, попржнему, находят
Гостеприимство и покой.
Презрев оковы просвещения,
Алеко волен как они:
Он без забот и сожаленья
Ведет кочующие дни.
Всё тот же он, семья всё та же;
Он, прежних лет не помня даже,
К бытию цыганскому привык.
Он любит их ночлегов сени
И упоенье вечной лени
И бедный, звучный их язык.
Медведь, беглец родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
В селеньях, вдоль степной дороги,
Близ молдаванского двора,
Перед толпою осторожной
И тяжко пляшет и ревет,
И цепь докучную грызет.
На посох опершись дорожный,
Старик лениво в бубны бьет,
Алеко с пеньем зверя водит,
Земфира поселян обходит
И дань их вольную берет;
Настанет ночь; они все трое
Варят нежатое пшено;
Старик уснул — и всё в покое...
В шатре и тихо и темно.

Старик на вешнем солнце греет
Уж остывающую кровь;
У люльки дочь поет любовь.
Алеко внемлет и бледнеет.

Земфира

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Алеко

Молчи. Мне пенье надоело,
Я диких песен не люблю.

Земфира

Не любишь? Мне какое дело!
Я песню для себя пою.

Режь меня, жги меня:
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

А л е к о

Молчи, Земфира, я доволен...

З е м ф и р а

Так понял песню ты мою?

А л е к о

Земфира!..

З е м ф и р а

Ты сердиться волен,

Я песню про тебя пою.

(Уходит и поет: «Старый муж...» и проч.)

С т а р и к

Так, помню, помню: песня эта
Во время наше сложена,
Уже давно в забаву света
Поется меж людей она.
Кочуя на степях Кагула,
Ее бывало в зимню ночь
Моя певала Мариула,
Перед огнем качая дочь.
В уме моем минувши лета
Час от часу темней, темней;
Но заронилась песня эта
Глубоко в памяти моей.

Всё тихо; ночь; луной украшен
Лазурный юга небосклон,
Старик Земфирой пробужден.
«О мой отец, Алеко страшен:

Послушай, сквозь тяжелый сон
И стонет и рыдает он».

Старик

Не тронь его, храни молчанье.
Слышал я русское преданье:
Теперь полуночной порой
У спящего теснит дыханье
Домашний дух; перед зарей
Уходит он. Сиди со мной.

Земфира

Отец мой! шепчет он: Земфира!

Старик

Тебя он ищет и во сне:
Ты для него дороже мира.

Земфира

Его любовь постыла мне,
Мне скучно, сердце воли просит,
Уж я... но тише! слышишь? он
Другое имя произносит.

Старик

Чье имя?

Земфира

Слышишь? хриплый стон
И скрежет ярый!.. Как ужасно;
Я разбужу его..

Старик

Напрасно,
Ночного духа не гони —
Уйдет и сам.

My dear Mother
I am very much
afflicted

Байрон.

Земфира

Он повернулся;
Привстал; зовет меня; проснулся.
Иду к нему. — Прощай, усни.

Алеко

Где ты была?

Земфира

С отцом сидела.
Какой-то дух тебя томил,
Во сне душа твоя терпела
Мученья. Ты меня страшил:
Ты сонный скрежетал зубами
И звал меня.

Алеко

Мне снилась ты.
Я видел, будто между нами...
Я видел страшные мечты!

Земфира

Не верь лукавым сновиденьям.

Алеко

Ах, я не верю ничему:
Ни снам, ни сладким увереньям,
Ни даже сердцу твоему.

Старик

О чем, безумец молодой,
О чем вздыхаешь ты всечасно?

Здесь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубит.

А л е к о

Отец! она меня не любит.

С т а р и к

Утешься, друг; она дитя,
Твое унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя.
Взгляни; под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она.
Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит,
И вот, уж перешла в другое
И то недолго посетит.
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись!
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись...
Утешься!

А л е к о

Как она любила!
Как, нежно преклонясь ко мне,
Она в пустынной тишине
Часы ночные проводила!
Веселья детского полна,
Как часто милым лепетаньем

Иль упоительным лобзаньем
Мою задумчивость она
В минуту разогнать умела!
И что ж? Земфира неверна!
Моя Земфира охладела!..

С т а р и к

Послушай, расскажу тебе
Я повесть о самом себе.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожал еще москаль
(Вот видишь: я припоминаю,
Алеко, старую печаль) —
Тогда боялись мы султана;
А правил Буджаком паша
С высоких башен Аккермана —
Я молод был; моя душа
В то время радостно кипела,
И ни одна в кудрях моих
Еще сединка не белела;
Между красавиц молодых
Одна была... и долго ею
Как солнцем любовался я
И наконец назвал моею.

Ах, быстро молодость моя
Звездой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрее: только год
Меня любила Мариула.

Однажды, близ кагульских вод
Мы чуждый табор повстречали;

Цыганы те, свои шатры
Разбив близ наших у горы,
Две ночи вместе ночевали.
Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спал; заря блеснула;
Проснулся я: подруги нет!
Ищу, зову — пропал и след.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакал!.. с этих пор
Постыли мне все девы мира;
Меж ними никогда мой взор
Не выбирал себе подруги,
И одинокие досуги
Уже ни с кем я не делил.

А л е к о

Да как же ты не поспешил
Тотчас вослед неблагодарной
И хищнику и ей, коварной,
Кинжала в сердце не вонзил?

С т а р и к

К чему? вольнее птицы младость.
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость, —
Что было, то не будет вновь.

А л е к о

Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь;
Или хоть мщеньем наслажусь.

О нет! когда б над бездной моря
 Нашел я спящего врага,
 Клянусь, и тут моя нога
 Не пощадила бы злодея;
 Я в волны моря, не бледнея,
 И беззащитного б толкнул;
 Внезапный ужас пробужденья
 Свирепым смехом упрекнул,
 И долго мне его паденья
 Смешон и сладок был бы гул.

Молодой цыган
 Еще одно, одно лобзанье!

Земфира
 Пора: мой муж ревнив и зол.

Цыган
 Одно... но доле!.. на прощанье.

Земфира
 Прощай, покамест не пришел.

Цыган
 Скажи — когда ж опять свиданье?

Земфира
 Сегодня; как зайдет луна,
 Там, за курганом над могилой...

Цыган
 Обманет! не придет она.

Земфира

Беги — вот он. Приду, мой милый.

Алеко спит. В его уме
Виденье смутное играет;
Он, с криком пробудясь во тьме,
Ревниво руку простирает;
Но обробелая рука
Покровы хладные хватает —
Его подруга далека...
Он с трепетом привстал и внемлет...
Всё тихо: страх его объемлет,
По нем текут и жар и хлад;
Встает он, из шатра выходит,
Вокруг телег, ужасен, бродит;
Спокойно всё; поля молчат;
Темно; луна зашла в туманы,
Чуть брезжит звезд неверный свет,
Чуть по росе приметный след
Ведет за дальные курганы:
Нетерпеливо он идет,
Куда зловещий след ведет.

Могила на краю дороги
Вдали белеет перед ним,
Туда слабеющие ноги
Влачит, предчувствием томим.
Дрожат уста, дрожат колени,
Идет... и вдруг... иль это сон?
Вдруг видит близкие две тени
И близкий шопот слышит он
Над обесславленной могилой.

А. С. Пушкин

1 - й г о л о с

Пора —

2 - й г о л о с

Постой!

1 - й г о л о с

Пора, мой милый.

2 - й г о л о с

Нет, нет! постой, дождемся дня.

1 - й г о л о с

Уж поздно.

2 - й г о л о с

Как ты робко любишь.

Минуту!

1 - й г о л о с

Ты меня погубишь.

2 - й г о л о с

Минуту!

1 - й г о л о с

Если без меня

Проснется муж...

А л е к о

Проснулся я.

Куда вы? не спешите оба;

Вам хорошо и здесь у гроба.

З е м ф и р а

Мой друг, беги, беги!

А л е к о

Постой!

Куда, красавец молодой?

Лежи!

(Вонзает в него нож.)

З е м ф и р а

Алеко!

Цыган

Умираю...

З е м ф и р а

Алеко! ты убьешь его!

Взгляни: ты весь обрызган кровью!

О, что ты сделал?

А л е к о

Ничего.

Теперь дыши его любовью.

З е м ф и р а

Нет, полно, не боюсь тебя,

Твои угрозы презираю,

Твое убийство проклиная...

А л е к о

Умри ж и ты!

(Поражает ее.)

З е м ф и р а

Умру любя.

Восток, денницей озаренный,
Сиял. Алеко за холмом,
С ножом в руках, окровавленный,
Сидел на камне гробовом.
Два трупа перед ним лежали;
Убийца страшен был лицом;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу в стороне копали,
Шли жены скорбной чередой
И в очи мертвых целовали.
Старик отец один сидел
И на погибшую глядел
В немом бездействии печали;
Подняли трупы, понесли
И в лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрел
На всё. Когда же их закрыли
Последней горстию земной,
Он молча, медленно склонился
И с камня на траву свалился.

Тогда старик, приближась, рек:
«Оставь нас, гордый человек!
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казним,
Не нужно крови нам и стонов;
Но жить с убийцей не хотим.
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас:

Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел; — оставь же нас,
Прости! да будет мир с тобою».

Сказал, и шумною толпою
Поднялся табор кочевой
С долины страшного ночлега,
И скоро всё в дали степной
Сокрылось. Лишь одна телега,
Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом.
Так иногда перед зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подьется с полей
Станица поздних журавлей
И с криком вдаль на юг несется,
Пронзенный гибельным свинцом
Один печально остается,
Повиснув раненым крылом.
Настала ночь; в телеге темной
Огня никто не разложил,
Никто под крышею подъемной
До утра сном не опочил.

ЭПИЛОГ

Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей

Так оживляются виденья
То светлых, то печальных дней.
В стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал,
Где старый наш орел двуглавый
Еще шумит минувшей славой,
Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.
За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы —
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны,
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые
И от судеб защиты нет.
1823-- 1824

EX UNGUE LEONEM¹

Недавно я стихами как-то свиснул
 И выдал их без подписи моей;
 Журнальный шут о них статейку
тиснул,
 Без подписи ж пустив ее, злодей.
 Но что ж? Ни мне, ни площадному
шуту
 Не удалось прикрыть своих проказ:
 Он по когтям узнал меня в минуту,
 Я по ушам узнал его как раз.
 1825

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Что смолкнул веселия глас?
 Раздайтесь, вакхальны припевы!
 Да здравствуют нежные девы
 И юные жены, любившие нас!
 Полнее стакан наливайте!
 На звонкое дно
 В густое вино
 Заветные кольца бросайте!

Подыдем стаканы, содвинем их разом!
 Да здравствуют музы, да здравствует разум!
 Ты, солнце святое, гори!
 Как эта лампада бледнеет

¹ Льва узнают по когтям.

Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!
1825

* * *

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.
1825

К А. П. КЕРН

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Автопортрет А. С. Пушкина.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.
19 июля 1825

ЖЕНИХ

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на двор на третью ночь
Без памяти вбежала.
С вопросами отец и мать
К Наташе стали приступать.
Наташа их не слышит,
Дрожит и еле дышит.

Тужила мать, тужил отец,
И долго приступали,
И отступились наконец,
А тайны не узнали.
Наташа стала, как была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла с сестрами
Сидеть за воротами.

Раз у тесовых у ворот,
С подружками своими,
Сидела девица — и вот
Промчалась перед ними
Лихая тройка с молодцом.
Конями, крытыми ковром,

В саях он стоя правит
И гонит всех и давит.

Он, поровнявшись, поглядел,
Наташа поглядела,
Он вихрем мимо пролетел,
Наташа помертвела.
Стремглав домой она бежит.
Он! он! узнала! говорит,
Он, точно он! держите,
Друзья мои, спасите!

Печально слушает семья,
Качая головою;
Отец ей: «Милая моя,
Откройся предо мною.
Обидел кто тебя, скажи,
Хоть только след нам укажи».
Наташа плачет снова.
И более ни слова.

Наутро сваха к ним на двор
Нежданая приходит.
Наташу хвалит, разговор
С отцом ее заводит:
«У вас товар, у нас купец;
Собою парень молодец,
И статный, и проворный, —
Не вздорный, не зазорный.

Богат, умен, ни перед кем
Не кланяется в пояс,

А как боярин между тем
Живет, не беспокоясь;
А подарит невесте вдруг
И лисью шубу, и жемчуг,
И перстни золотые,
И платья парчевые.

Катаясь, видел он вчера
Ее за воротами;
Не по рукам ли, да с двора,
Да в церковь с образами?»
Она сидит за пирогом
Да речь ведет обиняком,
А бедная невеста
Себе не видит места.

«Согласен, — говорит отец; —
Ступай благополучно,
Моя Наташа, под венец:
Одной в светелке скучно.
Не век девицей вековать,
Не всё косатке распевать,
Пора гнездо устроить,
Чтоб детушек покоить».

Наташа к стенке уперлась
И слово молвить хочет —
Вдруг зарыдала, затряслась,
И плачет и хохочет.
В смятеньи сваха к ней бежит,
Водой студеною поит
И льет остаток чаши
На голову Наташи.

Крушится, охает семья.
Опомнилась Наташа
И говорит: «Послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пир,
Пеките хлебы на весь мир,
Наславу мед варите,
Да суд на пир зовите».

«Изволь, Наташа, ангел мой!
Готов тебе в забаву
Я жизнь отдать!» — И пир горой;
Пекут, варят наславу.
Вот гости честные нашли,
За стол невесту повели;
Поют подружки, плачут,
А вот и сани скачут.

Вот и жених — и все за стол.
Звенят, гремят стаканы,
Заздравный ковш кругом пошел;
Всё шумно, гости пьяны.

Ж е н и х

«А что же, милые друзья,
Невеста красная моя
Не пьет, не ест, не служит:
О чем невеста тужит?»

Невеста жениху в ответ:
«Откроюсь наудачу.
Душе моей покоя нет,
И день и ночь я плачу.

Недобрый сон меня крушит».
 Отец ей: «Что ж твой сон гласит?
 Скажи нам, что такое,
 Дитя мое родное?»

«Мне снилось, — говорит она, —
 Зашла я в лес дремучий,
 И было поздно; чуть луна
 Светила из-за тучи;
 С тропинки сбилась я: в глуши
 Не слышно было ни души,
 И сосны лишь да ели
 Вершинами шумели.

И вдруг, как будто наяву,
 Изба передо мною.
 Я к ней; стучу — молчат. Зову —
 Ответа нет; с мольбою
 Дверь отворила я. Вхожу —
 В избе свеча горит; гляжу —
 Везде серебро да золото;
 Всё светло и богато».

Жених

«А чем же худ, скажи, твой сон?
 Знать, жить тебе богато».

Невеста

«Постой, сударь, не кончен он.
 На серебро, на золото,
 На сукна, коврики, парчу,
 На новгородскую камчу
 Я молча любовалась
 И диву дивовалась.

Вдруг слышу крик и конский топ...
Подъехали к крылечку.
Я поскорее дверью хлоп
И спряталась за печку.
Вот слышу много голосов...
Взошли двенадцать молодцов,
И с ними голубица
Красавица-девица.

Взошли толпой, не поклонясь,
Икон не замечая;
За стол садятся, не молясь
И шапок не снимая,
На первом месте брат большой,
По праву руку брат меньшей,
По леву голубица
Красавица-девица.

Крик, хохот, песни, шум и звон.
Разгульное похмелье...»

Ж е н и х

«А чем же худ, скажи, твой сон?
Вещает он веселье».

Н е в е с т а

«Постой, сударь, не кончен он.
Идет похмелье, гром и звон,
Пир весело бушует,
Лишь девица горюет.

Сидит, молчит, не ест, не пьет
И током слезы точит,

А старший брат свой нож берет,
Присвистывая точит;
Глядит на девицу-красу
И вдруг хватает за косу,
Злодей девицу губит,
Ей праву руку рубит».

«Ну, это, — говорит жених, —
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сон не лих, —
Поверь, душа девица».
Она глядит ему в лицо.
«А это с чьей руки кольцо?»
Вдруг молвила невеста,
И все привстали с места.

Кольцо катится и звенит,
Жених дрожит бледнея;
Смутились гости. — Суд гласит:
«Держи, вязать злодея!»
Злодей окован, обличен
И скоро смертию казнен.
Прославилась Наташа!
И вся тут песня наша.
1825

* * *

Вертоград моей сестры,
Вертоград уединенный;
Чистый ключ у ней с горы
Не бежит запечатленный.
У меня плоды блестят
Наливные, золотые,

У меня бегут, шумят
Воды чистые, живые.
Нард, алой и киннамон
Благовонием богаты:
Лишь повеет аквилон,
И закаплют ароматы.

1825

* * *

Цветы последние милей
Роскошных первенцов полей,
Они унылые мечтанья
Живее пробуждают в нас.
Так иногда разлуки час
Живее сладкого свиданья.

1825

19 ОКТЯБРЯ

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружающих гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье,
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвеньё горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку

И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;
Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской переключке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полуночных морей?
Счастливым путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О волн и бурь любимое дитя!

Усадьба Пушкина в селе Михайловском.

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: на долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он как душа неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,

И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой преданся нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,
В обители пустынных вьюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из вас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пущин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнанья день печальный,
Ты в день его Лицея превратил.

Ты, Горчаков, счастливец с первых дней,
Хвала тебе — фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,

Под бурею главою поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты гордый пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся — но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг —
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;
Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует Лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честью, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье,
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редеет;
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,

Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Докучный гость и лишний и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пускай же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,
Его провел без горя и забот.

1825

СЦЕНА ИЗ «ФАУСТА»

Берег моря. Фауст и Мефистофель.

Фауст

Мне скучно, бес.

Мефистофель

Что делать, Фауст?

Таков вам положон предел,
Его ж никто не преступает:
Вся тварь разумная скучает,
Иной от лени, тот от дел;
Кто верит, кто утратил веру;
Тот насладиться не успел,
Тот насладился через меру,
И всяк зевает да живет —
И всех вас гроб, зевая, ждет.
Зевай и ты.

Фауст

Сухая шутка!

Найди мне способ как-нибудь
Рассеяться.

Мефистофель

Доволен будь

Ты доказательством рассудка.
В своем альбоме запиши:
Fastidium est quies — скука
Отдохновение души.
Я психолог... о, вот наука!..
Скажи, когда ты не скучал?
Подумай, поищи. Тогда ли,
Как над *Виргилием* дремал,
А розги ум твой возбуждали?
Тогда ль, как розами венчал
Ты благосклонных дев веселья,
И в буйстве шумном посвящал
Им пыл вечернего похмелья?
Тогда ль, как погрузился ты
В великодушные мечты,
В пучину темную науки?
Но, помнится, тогда со скуки,
Как *арлекина*, из огня
Ты вызвал наконец меня.
Я мелким бесом извивался,
Развеселить тебя старался,
Возил и к ведьмам и к духам,
И что же? всё по пустякам.
Желал ты славы — и добился,
Хотел влюбиться — и влюбился.

Père.

Ты с жизни взял возможну дань,
А был ли счастлив?

Ф а у с т

Перестань,
Не растравляй мне язвы тайной.
В глубоком знаньи жизни нет —
Я проклял знаний ложный свет,
А слава... луч ее случайный
Неуловим. Мирская честь
Бессмысленна как сон... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двух душ...

М е ф и с т о ф е л ь

И первое свиданье,
Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
Кого изволишь поминать,
Не Гретхен ли?

Ф а у с т

О сон чудесный!
О пламя чистое любви!
Там, там—где тень, где шум древесный!
Где сладко-звонкие струи —
Там, на груди ее прелестной
Покою томную главу,
Я счастлив был...

М е ф и с т о ф е л ь

Творец небесный!
Ты бредишь, Фауст, наяву!
Услужливым воспоминаньем
Себя обманываешь ты.

Не я ль тебе своим стараньем
Доставил чудо красоты?
И в час полуночи глубокой
С тобою свел ее? Тогда
Плодами своего труда
Я забавлялся одинокой,
Как вы вдвоем — всё помню я.
Когда красавица твоя
Была в восторге, в упоенье,
Ты беспокойною душой
Уж погружался в размышленья
(А доказали мы с тобой,
Что размышленья — скуки семя).
И знаешь ли, философ мой,
Что думал ты в такое время,
Когда не думает никто?
Сказать ли?

Ф а у с т

Говори. Ну, что?

М е ф и с т о ф е л ь

Ты думал: агнец мой послушный!
Как жадно я тебя желал,
Как хитро в деве простодушной
Я грезы сердца возмущал!
Любви невольной, бескорыстной
Невинно предалась она...
Что ж грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслаждением,
С неодолимым отвращеньем:

Так безрасчетный дуралей,
Вотще решаешь на злое дело,
Зарезав нищего в лесу,
Бранит ободранное тело;
Так на продажную красу,
Насытясь ею торопливо,
Разврат косится боязливо...
Потом из этого всего
Одно ты вывел заключение...

Ф а у с т

Сокройся, адское творенье!
Беги от взора моего!

М е ф и с т о ф е л ь

Изволь. Задай лишь мне задачу:
Без дела, знаешь, от тебя
Не смею отлучаться я —
Я даром времени не трачу.

Ф а у с т

Что там белеет? говори.

М е ф и с т о ф е л ь

Корабль испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.

Ф а у с т

Всё утопить.

М е ф и с т о ф е л ь

Сейчас.

(Исчезает.)

1825

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя:
То как зверь она завоет,
То заплачет как дитя.
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,
То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка
И печальна и темна. —
Что же ты, моя старушка,
Приумолкла у окна?
Или бури завываньем
Ты, мой друг, утомлена,
Или дремлешь под жужжаньем
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?

Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя:
То как зверь она завоет,
То заплачет как дитя.
Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
1825

* * *

Всё в жертву памяти твоей:
И голос лиры вдохновенной,
И слезы девы воспаленной,
И трепет ревности моей,
И славы блеск, и мрак изгнанья,
И светлых мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенного страданья.
1825

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим

Шекспир.

На перепутьи мне явился;
Перстами легкими, как сон,
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп, в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты...
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадаютя одне.

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.
1826

* * *

Под небом голубым страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы, в душе моей
Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
Не нахожу ни слез, ни пени.
1826

И. И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг бесценный,
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,

Н. И. Пушин.

Твой колокольчик огласил,
Молю святое провиденье,
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье!
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!
1826

В СИБИРЬ

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье.
Придет желанная пора.

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

1827

СТАНСЫ

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,

Вечерняя

Умывание
Умывание

Вечерняя
Умывание
Умывание
Умывание

Умывание

Умывание

Умывание

Умывание

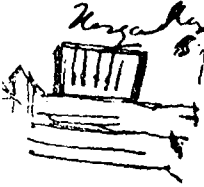
Умывание

Умывание

Умывание

Умывание

Умывание

Повешенные декабристы. Рисунок А. С. Пушкина.

И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал земли родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

1827

АРПОН

Нас было много на челне;
Иные парус натягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный челн;
А я — беспечной веры полн,
Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный...
Погиб и кормщик и пловец! —

Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.
1827

ТРИ КЛЮЧА

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча;
Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит;
Последний ключ, холодный ключ забвенья...
Он слаще всех жар сердца утолит.
1827

ПОЭТ

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,

Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикий и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...
1827

19 ОКТЯБРЯ

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!
1827

ТАЛИСМАН

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,

А. С. Пушкин.

Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
«Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман...

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя
Иль уста во мраке ночи
Поцелуют не любя:
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!»

* * *

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя,
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые ворота
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь —
То чудится тебе...

1827

ЧЕРНЬ

*Procul este, profani!*¹

Поэт на лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел — а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
«Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,

¹ Подите прочь, невежды!

Как своенравный чародей?
Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?»

Поэт

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий.
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерский.
Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!.. так что же?
Печной горшок тебе дороже;
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки:
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!

В разврате каменейте смело:
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор — полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.
1828

УТОПЛЕННИК

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца».
«Врите, врите, бесенята»,
Заворчал на них отец;
«Ох, уж эти мне ребята!
Будет вам ужко мертвец!

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;

Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?» — «Вон, тятя, э-вот!»
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод.
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец, —

Мужику какое дело?
Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл качаясь, как живой:
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
«Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу».

В ночь погода зашумела,
Взволновалась река,
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатах муж лежит,
Буря воет; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.

«Кто там?» — Эй, впусти, хозяин! —
«Ну, какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Чорт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно».
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится —
Что же? голый перед ним:
С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Всё в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул:
Гостя голого узнав,
Так и обмер: «Чтоб ты лопнул!»
Прошептал он задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясса ночь он напролет,

И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настает,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

1828

ВОСПОМИНАНИЕ

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток:
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуясь и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

. . . . .

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
В безумстве гибельной свободы,
В неволе, в бедности, в изгнании, в степях
Мои утраченные годы.
Я слышу вокруг меня жужжанье клеветы,
Решенья глупости лукавой
И шопот зависти, и легкой суеты
Укор жестокой и кровавой.
Я слышу вновь друзей предательский привет
На играх Вакха и Киприды,
Вновь сердцу моему наносит хладный свет
Неотразимые обиды,
И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые.
Но оба с крыльями и с пламенным мечом
И стерегут... и мстят мне оба,
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба.

1828

* * *

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон, где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и отчего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милого,
Не убитого, живого.

1828

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: прости,

А. С. Пушкин

Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

1828

ЦВЕТОК

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положён сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

1828

* * *

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

1828

* * *

(26 мая, 1828)

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомнением взволновал?..

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

1828

* * *

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:

Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы, напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь, и при луне
Черты далекой, бедной девы!..

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.
1828

ПОРТРЕТ

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены Севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил
1828

АНЧАР¹

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит, один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой, прозрачную смолою.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набежит —
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горючий.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом:
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

¹ Древо яда.—Примеч. Пушкина.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

1828

* * *

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт бывало тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.

На нити праздного веселья
Низал он хитрою рукой
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.

Любили Крым птенцы Саади:
Порой восточный краснойбай
Здесь развивал свои тетради
И удивлял Бахчисарай.

Его рассказы расстилались,
Как эриванские ковры,
И ими ярко украшались
Гиреев ханские пиры.

Но ни один волшебник милый,
Владелец умственных даров,
Не вымышлял с такою силой
Так хитро сказок и стихов,

Как прозорливый и крылатый
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.

1828

ПРИМЕТЫ

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны...
Душе влюбленной грустно было;
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

1829

* * *

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

1829

* * *

На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

1829

* * *

Зóрю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих —
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,

Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
Я давнишнею порой.

Июль 1829

ЭХО

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом, —
    На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
    Родишь ты вдруг.

Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
    И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
    И ты, поэт!

1829

ДЕЛИБАШ

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к лаве,
Пожалей свое житье;

*А. С. Пушкин встречает гроб с телом
А. С. Грибоедова.*

Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копьё.

Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблюю кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! каковы?..
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,

На камнях под копытом,
На горе под колесом
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантинé.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,

О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!
Ну, пошел же, погоняй!..

4 октября 1829

КАВКАЗ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущельи,
Где Терек играет в свирепом весельи;

Играет и воеет, как зверь молодой,
 Завидевший пищу из клетки железной;
 И бьется о берег в вражде бесполезной,
 И лижет утесы голодной волной...
 Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады;
 Теснят его грозно немые громады¹.

1829

ОБВАЛ

Дробясь о мрачные скалы,
 Шумят и пенятся валы,
 И надо мной кричат орлы,
 И ропщет бор,
 И блещут средь волнистой мглы
 Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
 И с тяжким грохотом упал,
 И всю теснину между скал
 Загородил,
 И Терека могущий вал
 Остановил.

Вдруг, истощась и присмирив,
 О Терек, ты прервал свой рев;

¹ В черновой рукописи стихотворение не окончено. Оно имеет еще одну строфу, из которой написано четыре стиха:

Так буйную вольность законы теснят,
 Так дикое племя под властью тоскует,
 Так ныне безмолвный Кавказ негодует,
 Как чуждые силы его тяготят...

. . . . .
 . . . . .

Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, осwirепев,
Свои брега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудю лежал,
И Терек злой под ним бежал,
И пылью вод,
И шумной пеной орошал
Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вел
Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол,
Небес жилец.

1829

ДОН

Блеща средь полей широких,
Вон он льется!.. здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

1829

К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин,
К противучувствиям привычен,
В лице и в жизни Арлекин.

1829

* * *

Как сатирой безымянной
Лик Зоила я пятнал,
Признаюсь: на вызов бранный
Возражений я не ждал.
Справедливы ль эти слухи?

Отвечал он? Точно ль так?
В полученьи оплеухи
Расписался мой дурак?
1829

САПОЖНИК

Притча

Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
«Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?..»
Тут Апеллес прервал нетерпеливо:
Суди, дружок, не свыше сапога!

Есть у меня приятель на примете:
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах;
Но чорт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!
1829

* * *

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,

Рыцарь.

И глубоко впечатленью
В сердце врезалось ему.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
Он до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

Он себе на шею четки
Вместо шарфа навязал
И с лица стальной решетки
Ни пред кем не подымал.

Полон чистою любовью,
Верен сладостной мечте,

А. М. D.¹ своею кровью
Начертал он на щите.

И в пустынях Палестины,
Между тем как по скалам
Мчались в битву паладины,
Именуя громко дам, —

Lumen coeli, sancta rosa!²
Восклицал он, дик и рьян,
И как гром его угроза
Поражала мусульман.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он, строго заключен,
Всё безмолвный, всё печальный,
Как безумец умер он.

1829

* * *

(2 ноября)

Зима. Что делать нам в деревне? я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?

¹ А. М. D.— первые буквы слов: «Ave Mater Dei!»—
Да будет слава матери божьей!

² Свет небес, святая роза!

Пороша. Мы встаем и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами,
Глядим на бледный снег прилежными

глазами:

Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! вот вечер: вьюга воет,
Свеча темно горит. Стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу. Глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю,
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею

странной:

Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор
О близких выборах, о сахарном заводе.
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идет в уединенье!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданная семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы),
Как оживляется глухая сторона,
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,

Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шопот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцелуй пылает на морозе,
Как дева русская свежа в пыли снегов!
1829

ЗИМНЕЕ УТРО

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,

И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь —
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И наведем поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.
3 ноября 1829

* * *

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? забытое давно
В волненьях новых и мятежных,

Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя,
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.
1829

* * *

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И вспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежню следу
В ваши мирные края

Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.
1829

* * *

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую минуту
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?

Или соседняя долина
 Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
 Равно повсюду истлевать,
 Но ближе к милому пределу
 Мне всё б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
 Младая будет жизнь играть
 И равнодушная природа
 Красою вечною сиять.

1829

ПОЭТУ

Поэт! не дорожи любовью народной:
 Восторженных похвал пройдет минутный шум;
 Услышишь суд глупца и смех толпы
 холодной,
 Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
 Иди, куда влечет тебя свободный ум,
 Усовершенствуя плоды любимых дум,
 Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
 Всех строже оценить умеешь ты свой труд.

Ты им доволен ли, взыскательный
художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой
треножник.

1830

СОНЕТ

Scorn not the sonnet, critic.
*Wordsworth*¹

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камоэнс облакал.

И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно заключал;

У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гекзаметра священные напевы.

1830

¹ Не презирай сонета, критик.
Вордсворт.

* * *

Here's a health to thee, Mary.
Barry Cornwall¹

Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один без гостей
Пью за здравие Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастных дней
Пусть не ведает Мери.
1830

<ПЕСНЯ МЕРИ ИЗ «ПИРА ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ»>

Было время, процветала
В мире наша сторона:
В воскресенье бывала
Церковь божия полна;
Наших деток в шумной школе
Раздавались голоса,

¹ За твое здоровье, Мери.
Барри Корнуолл.

И сверкали в светлом поле
Серп и быстрая коса.

Ныне церковь опустела;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрела;
Роща темная пуста;
И селенье, как жилище
Погорелое, стоит, —
Тихо всё — одно кладбище
Не пустеет, не молчит, —

Поминутно мертвых носят,
И стенания живых
Боязливо бога просят
Упокоить души их!
Поминутно места надо,
И могилы меж собой,
Как испуганное стадо,
Жмутся тесной чередой.

Если ранняя могила
Суждена моей весне,
Ты, кого я так любила,
Чья любовь отрада мне, —
Я молю: не приближайся
К телу Дженни ты своей;
Уст умерших не касайся,
Следуй издали за ней.

И потом оставь селенье!
Уходи куда-нибудь,
Где б ты мог души мученье

Усладить и отдохнуть,
И когда зараза минет,
Посети мой бедный прах;
А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах!
1830

**<ПЕСНЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИЗ «ПИРА ВО ВРЕМЯ
ЧУМЫ»>**

Когда могущая зима,
Как бодрый вождь, ведет сама
На нас косматые дружины
Своих морозов и снегов, —
Навстречу ей трещат камины,
И весел зимний жар пиров.

Царица грозная, Чума
Теперь идет на нас сама
И льстит жатвою богатой;
И к нам в окошко день и ночь
Стучит могильною лопатой...
Что делать нам? и чем помочь?

Как от проказницы-зимы,
Запремся также от Чумы!
Зажжем огни, нальем бокалы;
Утопим весело умы
И, заварив пиры да балы,
Восславим царствие Чумы.

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Всё, всё, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!
И счастлив тот, кто среди волненья
Их обретать и ведать мог.

И так — хвала тебе, Чума!
Нам не страшна могилы тьма,
Нас не смутит твое призванье!
Бокалы пеним дружно мы,
И Девы-Розы пьем дыханье —
Быть может — полное Чумы!
1830

БЕСЫ

Мчатся тучи, выются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

«Эй, пошел, ямщик!..» — «Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи,
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плёт на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;
Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вон уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...

Вижу: духи собралися
Средь 'белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

1830

МАДОНА

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,

Одной: чтоб на меня с холста, как
с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желанья. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец.
1830

ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать,
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И, может быть, на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

1830

Н. Н. Гончарова.

Автопортрет А. С. Пушкина.

* * *

Стамбул гяуры нынче славят,
 А завтра кованной пятой,
 Как змия спящего, раздавят,
 И прочь пойдут — и так оставят.
 Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
 В нем правду древнего Востока
 Лукавый Запад омрачил.
 Стамбул для сладостей порока
 Мольбе и сабле изменил.
 Стамбул отвык от поту битвы
 И пьет вино в часы молитвы.

Там веры чистый луч потух,
 Там жены по базару ходят,

На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят;
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум:
Не спим мы в роскоши позорной,
Не черпем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны нас поят;
Толпой неистовой и резвой
Джигиты наши в бой летят;
Мы к женам как орлы ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоят.

Алла велик!

К нам из Стамбула

Пришел гонимый янычар —
Тогда нас буря долу гнула,
И пал неслыханный удар.
От Рущука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликаая псов на праздник жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща в объятиях пожаров,
Валились дома янычаров;
Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях скорчась мертвецы

Окоченелые чернели.
 Алла велик — тогда султан
 Был духом гнева обуян.

1830

* * *

В последний раз твой образ милый
 Дерзаю мысленно ласкать,
 Будить мечту сердечной силой
 И с негой робкой и унылой
 Твою любовь воспоминать.

Бегут, меняясь, наши лета,
 Меняя всё, меняя нас —
 Уж ты для страстного поэта
 Могильным сумраком одета,
 А для тебя поэт угас.

Прими же, дальная подруга,
 Прощанье сердца моего,
 Как овдовевшая супруга,
 Как друг, обнявший молча друга
 Перед изгнанием его.

1830

* * *

1 октября 1830. Болд.

Румяный критик мой, насмешник
толстопузый
 Готовый век трунить над нашей томной
музой,

Ванзет

Вольтер. Рисунок А. С. Пушкина.

Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
 Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой,
 Смотри, какой здесь вид: избушек ряд
 убогий,

За ними чернозем, равнины скат отлогий,
 Над ними серых туч густая полоса.

Где нивы светлые? где темные леса?

Где речка? На дворе у низкого забора
 Два бедных деревца стоят в отраду взора,

Два только деревца. И то из них одно

Дождливой осенью совсем обнажено,

И листья на другом, размокнув и желтея,

Чтоб лужу засорить, лишь только ждут

Борея.

И только. На дворе живой собаки нет.

Вот, правда, мужичок, за ним две бабы

вслед,

Без шапки он; несет подмышкой гроб

ребенка

И кличет издали ленивого попенка,

Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.

Скорей! ждать некогда! давно б уж схоронил.

Что ж ты нахмурился? — Нельзя ли блажь
 оставить

И песенкою нас веселой позабавить? —

Куда же ты? — в Москву — чтоб графских
 именин

Мне здесь не прогулять. — Постой —

а карантин!

Ведь в нашей стороне индийская зараза.

Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа
Бывало сиживал покорный твой слуга;
Что, брат? уж не трунишь, тоска берет —
ага!

1830

ЗАКЛИНАНИЕ

О если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальная звезда,
Как легкий звук, иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне всё равно: сюда, сюда!..

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего —
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но, тоскуя,

Хочу сказать, что всё люблю я,
Что всё я твой: сюда, сюда!

1830

**СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ ВО ВРЕМЯ
БЕССОНИЦЫ**

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

1830

* * *

Для берегов отчизны дальней
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои владеющие руки
Тебя старались удержать;

Томленья страшного разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала,
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: «В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим».

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где тень олив легла на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
Но сладкий поцелуй свиданья...
Его я жду: он за тобой...

1830

<ПОСВЯЩЕНИЕ ИЗ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»>

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной.
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;

Но так и быть — рукой пристрастной
 Прими собрание пестрых глав,
 Полу-смешных, полу-печальных,
 Простонародных, идеальных,
 Небрежный плод моих забав,
 Бессонниц, легких вдохновений,
 Незрелых и увядших лет,
 Ума холодных наблюдений
 И сердца горестных замет.

1830

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
 Дева печальна сидит, праздный держа
 черепок.
 Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны
 разбитой,
 Дева, над вечной струей, вечно печальна
 сидит.

1830

ОТРОК

Невод рыбак расстилал по берегу студеного
 моря;
 Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь
 рыбака!
 Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
 Будешь умы уловлять, будешь
 помощник царям.

1830

И Л И А Д А.

НА ПЕРЕВОД «ИЛИАДЫ»

Слышу умолкнувший звук божественной
 эллинской речи;
 Старца великого тень чую смущенной душой.
 1830

ТРУД

Миг вожделенный настал: окончен мой труд
 многолетний.
 Что ж непонятная грусть тайно тревожит
 меня?
 Или, свой подвиг свершив, я стою,
 как поденщик ненужный,

Плату приявший свою, чуждый работе
 другой;
 Или жаль мне труда, молчаливого спутника
 ночи,
 Друга Авроры златой, друга пенатов
 святых?

1830

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

Смеясь жестоко над собратом,
 Писаки русские толпой
 Меня зовут аристократом.
 Смотри, пожалуй, вздор какой!
 Я не лейб-кучер, не ассессор,
 Я по кресту не дворянин,
 Не академик, не профессор;
 Я просто русский мещанин.

Понятна мне времен превратность,
 Не прекословлю, право, ей:
 У нас нова рождением знатность,
 И чем новее, тем знатней.
 Родов дряхлеющих обломок
 (И по несчастью не один)
 Бояр старинных я потомок;
 Я, братцы, мелкий мещанин.

Не торговал мой дед блинами,
 Не ваксил царских сапогов,
 Не пел с придворными дьячками,
 В князя не прыгал из хохлов,

И не был беглым он солдатом;
Австрийских пудренных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава богу, мещанин.

Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV, пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолу и коварство
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.
Бывало, нами дорожили;
Бывало... но — я мещанин.

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастливы князь Яков Долгорукой,
Умен покорный мещанин.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь Петергофского двора,

Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил
И не якшаюсь с новой знатью
И крови спесь угомонил.
Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мещанин.

Post scriptum.

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двигнулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь Чесменских пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин,
Что ж он в семье своей почтенной?
Он?.. он в Мещанской дворянин.

1830

* * *

Чем чаще празднует Лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш,
И наши песни тем грустнее.

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
И смерти дух средь нас ходил
И назначал свои закланья.

Шесть мест упрáздненных стоят,
Шести друзей не ўзрим боле,
Они разбросанные спят

Кто здесь, кто там, на ратном поле,
 Кто дома, кто в земле чужой,
 Кого недуг, кого печали
 Свели во мрак земли сырой,
 И надо всеми мы рыдали.

И мнится, очередь за мной,
 Зовет меня мой Дельви́г милый,
 Товарищ юности живой,
 Товарищ юности унылой,
 Товарищ песен молодых,
 Пиров и чистых помышлений,
 Туда, в толпу теней родных,
 Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
 Тесней наш верный круг составим.
 Почившим песнь окончил я,
 Живых надеждою поздравим,
 Надеждой некогда опять
 В пиру лицейском очутиться,
 Всех остальных еще обнять
 И новых жертв уж не страшиться.

1831

* * *

<Из Евбула>

Бог веселый винограда
 Позволяет нам три чаши
 Выпивать в пиру вечернем.
 Первую во имя Граций
 Обнаженных и стыдливых;
 Посвящается вторая
 Краснощекому здоровью;

Третья дружбе многолетней.
 Мудрый после третьей чаши
 Все венки с главы слагает
 И творит уж излиянья
 Благодатному Морфею.
 1832

* * *

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева
бранила;
 К ней на плечо преклонен, юноша вдруг
задремал.
 Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
 И улыбалась ему, тихие слезы дия.
 1832

МАЛЬЧИКУ

Из Катутла

Minister vetuli puer¹.

Пьяной горечью Фалерна
 Чашу мне наполни, мальчик:
 Так Постумия велела,
 Председательница оргий.
 Ты же прочь, речная влага —
 И струей, вину враждебной,
 Строгих постников довольствуй:
 Чистый нам любезен Бахус.
 1832

¹ Мальчик, прислушивающийся на пиру.

КРАСАВИЦА

В альбом Г***

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей.
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сиянье исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье, —
Но встретишь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговевя богомольно
Перед святыней красоты.
1832

ГУСАР

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
«Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартиру!

Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке,

Насилу шей пустых дадут,
А уж не думай о горелке.

Здесь на тебя, как лютый зверь,
Глядит хозяин, а с хозяйкой...
Небось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

То ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином хоть пару поддавай,
А молодицы — молодушки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки чернобривой.
Одним, одним не хороши...»
— А чем же? Расскажи, служивый.

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка.
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка.

Вот с ней и подружился я;
Живем согласно, так что любо:
Прибью — Марусинька моя
Словечка не промолвит грубо;

Напьюсь — уложит, и сама
Опохмелиться приготовит;
Мигну бывало: Эй, кума! —
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись, о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно!
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? враг попутал, видно.

Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов! Кто просит?
Шалит Марусинька моя,
Куда ее лукавый носит?

Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищуря

(А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря),

И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула

И свечку тонкую зажгла
Да в уголок пошла со свечкой,
Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,

Разделась донага; потом
Из склянки три раза хлебнула
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу и улизнула.

Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!..
И с печки слез — и вижу: склянка.

Понюхал: кисло! что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой —
Как фыркнул он! я: брысь!.. И вот
И он туда же за лоханкой.

Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало;
И всё: горшки, скамьи, столы,
Марш! марш! — всё в печку поскакало.

Кой чорт! подумал я: теперь
И мы попробуем! и духом
Всю склянку выпил; верь не верь —
Но кверху вдруг взвился я пухом.

Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей!.. и наземь упадаю.

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,
Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:
«Домой! кто звал тебя, пострел?
Тебя съедят!» Но я, не струся:

«Домой? да! чорта с два! почем
Мне знать дорогу!» — «Ах, он странный!
Вот кочерга, садись верхом
И убирайся, окаянный».

«Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты, дура!

Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня!» — «На, дурень, вот и конь».
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

«Садись». — Вот сел я на коня,
Ищу уздечки — нет уздечки.
Как взвился, как понес меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: всё так же; сам же я
Сижу верхом, и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вот что случается порою».

И стал крутить он длинный ус,
Прибавя: «Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды».

1833

* * *

Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то чтоб разумом моим
Я дорожил; не то чтоб с ним
Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса.
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса;

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь, как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака
И сквозь решетку, как зверка,
Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих
Да брань зрителей ночных,
Да визг, да звон оков.

ОСЕНЬ

Отрывок

Чего в мой дремлющий тогда
не входит ум?
Державин

I

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной
я болен,
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр
и волен,
Когда под соболем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа.

III

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!

А зимних праздников блестящие тревоги?..
 Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
 Ведь это, наконец, и жителю берлоги,
 Медведю, надоест. — Нельзя же целый век
 Кататься нам в санях с Армидами младыми
 Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
 Когда б не зной да пыль, да комары,
да мухи.

Ты, все душевные способности губя,
 Нас мучишь; как поля, мы страждем
от засухи;

Лишь как бы напоить, да освежить себя —
 Иной в нас мысли нет, и жаль зимы-старухи,
 И, проводив ее блинами и вином,
 Поминки ей творим мороженым и льдом.

V

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
 Но мне она мила, читатель дорогой,
 Красною тихою, блистающей смиренно —
 Так нелюбимое дитя в семье родной
 К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
 Из годовых времен я рад лишь ей одной,
 В ней много доброго; любовник
не тщеславный,
 Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI

Как это объяснить? Мне нравится она,
 Как, вероятно, вам чахоточная дева

Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева,
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет —
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса, —
В их сѣнях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русский холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом
Махая гривой, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол, и трескается лед.

Но гаснет краткий день, — и в камельке
забытом
 Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
 То тлеет медленно — а я пред ним читаю
 Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир, и в сладкой тишине
 Я сладко усыплен моим воображеньем,
 И пробуждается поэзия во мне:
 Душа стесняется лирическим волненьем,
 Трепещет, и звучит, и ищет, как во сне,
 Излиться, наконец, свободным проявленьем,
 И тут ко мне идет незримый рой гостей,
 Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI

И мысли в голове волнуются в отваге,
 И рифмы легкие навстречу им бегут,
 И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
 Минута — и стихи свободно потекут.
 Так дремлет недвижим корабль в недвижной
влаге,
 Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
 Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра
полны;
 Громада двинулась и рассекает волны.

XII

Плывет. Куда ж нам плыть?..

. . . . .
 . . . . .

БУДРЫС И ЕГО СЫСВЬЯ

<Из Мицкевича>

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.
Он пришел толковать с молодцами.
«Дети! седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.

Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замышлены в Вильне похода.
Паз идет на поляков, а Ольгерд на пруссаков,
А на русских Кестут воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас литовские боги!),
Нынче сам я не еду, вас я шлю на победу;
Трое вас, вот и три вам дороги.

Будет всем по награде: пусть один
в Новеграде
Поживится от русских добычей.
Жены их, как в окладах, в драгоценных
нарядах;
Домы полны; богат их обычай.

А другой от пруссаков, от проклятых
крыжаков,
Может много достать дорогого,
Денег с целого света, сукон яркого цвета, —
Янтаря — что песку там морского.

Третий с Пазом на ляха пусть ударит
без страха:
В Польше мало богатства и блеску,

Сабель взять там не худо; но уж верно
 Привезет он мне на дом невестку. ^{оттуда}

Нет на свете царицы краше польской девицы.
 Весела — что котенок у печки —
 И как роза румяна, а бела, что сметана;
 Очи светятся будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я
 И оттуда привез себе женку; ^{тоже}
 Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
 Про нее, как гляжу в ту сторонку».

Сыновья с ним простились и в дорогу
 Ждет-пождет их старик домовитый, ^{пустились,}
 Дни за днями проводит, ни один
 Будрыс думал: уж видно убиты! ^{не приходит,}

Снег на землю валится, сын дорогою мчится,
 И под буркою ноша большая.
 «Чем тебя наделили? что там? Ге! не рубли
 ли?»
 — «Нет, отец мой; полячка младая».

Снег пушистый валится, всадник с ношею
 Черной буркой ее покрывая. ^{мчится,}

АДАМ МИЦКЕВИЧЪ

Адам Мицкевич

«Что под буркой такое? Не сукно ли;
цветное?»

— «Нет, отец мой; полячка молодая».

Снег на землю валится, третий с ношею
мчится,

Черной буркой ее прикрывает.

Старый Будрыс хлопочет и спросить уж
не хочет,

А гостей на три свадьбы сзывает.

1833

ВОЕВОДА

<Из Мицкевича>

Поздно ночью из похода
Воротился Воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле;
Дернул полог... В самом деле!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнее черной ночи,
Он потупил грозны очи,
Стал крутить свой сивый ус...
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замок задвинул;
«Гей, ты, — кликнул, — чортов кус!

А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, хамы!.. Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку,

Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. я ж ее!»

Пан и хлопец под забором
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад — и сквозь ветвей,
На скамейке у фонтана,
В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: «Всё пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье,
Воевода всё купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он;
Серебром лишь побряцал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья
И потом навек бежать».

Панна плачет и тоскует,
Он колени ей целует,

А сквозь ветви те глядят,
Ружья на́ земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполом заряд.

Подступили осторожно.
«Пан мой, целить мне не можно, —
Бедный хлопец прошептал: —
Ветер, что ли, плачут очи,
Дрожь берет; в руках нет мочи,
Порох в полку не попал».

«Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цель ей в лоб. Левее... выше.
С паном справлюсь сам. Потише;
Прежде я; ты погоди».

Выстрел по саду раздался.
Хлопец пана не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся...
Хлопец, видно, промахнулся:
Прямо в лоб ему попал.

1833

* * *

Колокольчики звенят,
Барабанчики гремят,
А люди-то, люди —
Ой люшеньки-люли!
А люди-то, люди
На цыганочку глядят.

А цыганочка-то пляшет,
В барабанчики-то бьет
И ширинкой алой машет,
Заливается — поет:
«Я певунья, я певица,
Ворожить я мастерица».
1833

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой
У самого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод,
Пришел невод с одною тиною.
Он в другой раз закинул невод,
Пришел невод с травой морской.
В третий раз закинул он невод,
Пришел невод с одною рыбкой,
С непростую рыбкой, золотою.
Как взмолился золотая рыбка,
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь, чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года

И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Боротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо:
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, непростую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем расколось».

Вот пошел он к синему морю:
Видит: море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка:
Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:

Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем расколелось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто».

Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж йзбу».

Вот пошел он к синему морю
(Помутилось синее море),
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка:
Еще пуще старуха бранится,
Не дает старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет».

Пошел он ко своей землянке,
А землянки нет уж и слéда;
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,

С дубовыми, тесовыми воротаы.
Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит мужа ругает:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой».

Пошел старик к синему морю
(Неспокойно синее море);
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка:
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом».

Воротился старик ко старухе,
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха;
В дорогой собольей душегрейке,
Парчевая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.

Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшню служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Опять к рыбке старика посылает:
«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь,
Насмешишь ты целое царство».
Осердилась пуще старуха,
По щеке ударила мужа:
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай к морю, говорят тебе честью;
Не пойдешь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю
(Почернело синее море),
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».

Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился,
Что ж? перед ним царские палаты,
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне.
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг ее стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, испугался;
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взащей затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила;
А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскиали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:

«Воротись, поклонися рыбке,
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках».

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою:
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

Медный всадник

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Петербургская повесть

ПРЕДИСЛОВИЕ

Происшествие, списанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным В. И. Берхом.

ВСТУПЛЕНИЕ

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

И думал он:

Отсель грозить мы будем шведу.
Здесь будет город заложен
Назло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно¹;
Ногою твердой стать при море.

¹ Альгаротти где-то сказал: «Pétersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe» (Петербург — окно, через которое Россия смотрит в Европу). — *Примеч. Пушкина.*

Набережная в Петербурге.

Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво:
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся

Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темнозелеными садами
Ее покрылись острова.
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный.
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,

А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет,
И, чуя вешни дни, ликует¹.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Была ужасная пора...

Об ней свежо воспоминанье...

¹Смотри стихи кн. Вяземского к графине Завадовской. —
Примеч. Пушкина.

Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом¹.
Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась как больной
В своей постели беспокойной.
Уж было поздно и темно;
Сердито бился дождь в окно,
И ветер дул, печально воя.
В то время из гостей домой
Пришел Евгений молодой...
Мы будем нашего героя
Звать этим именем. Оно
Звучит приятно; с ним давно
Мое перо к тому же дружно.
Прозванья нам его ненужно,
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто. Наш герой

¹ Мицкевич прекрасными стихами описал день, предшествовавший петербургскому наводнению, в одном из лучших своих стихотворений, «Oleszkiewicz». Жаль только, что описание его неточно. Снегу не было — Нена не была покрыта льдом. Наше описание вернее, хотя в нем и нетярких красок польского поэта. — *Примеч. Пушкина.*

Живет в Коломне, где-то служит —
Дичится знатных и не тужит
Ни о почиющей родне,
Ни о забытой старине.

И так, домой пришед, Евгений
Страхнул шинель, разделся, лег.
Но долго он заснуть не мог
В волненьи разных размышлений.
О чем же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь;
Что мог бы бог ему прибавить
Ума и денег. Что ведь есть
Такие праздные счастливыцы,
Ума недалнего, ленивцы,
Которым жизнь куда легка!
Что служит он всего два года;
Он также думал, что погода
Не унималась; что река
Всё прибывала; что едва ли
С Невы мостов уже не сняли
И что с Парашей будет он
Дни на два, на три разлучен.

Так он мечтал. И грустно было
Ему в ту ночь, и он желал,
Чтоб ветер выл не так уныло
И чтобы дождь в окно стучал
Не так сердито...

Сонны очи
Он наконец закрыл. И вот

Наводнение в Петербурге в 1824 году.

Редает мгла ненастной ночи,
И бледный день уж настает...
Ужасный день!

Нева всю ночь
Рвалась к морю против бури,
Не одолев их буйной дури...
И спорить стало ей не в мочь...
Поутру над ее берегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.
По силе ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова.

Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокóча и клубясь,
И вдруг, как зверь, остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Всё побежало. Всё вокруг
Вдруг опустело — воды вдруг
Втекли в подземные подвалы,
К решеткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь, как Тритон,
По пояс в воду погружен...

Осада! приступ! Злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревны, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!

Народ

Зрит божий гнев и казни ждет.
Увы! всё гибнет: кров и пища!
Где будет взять?

В тот грозный год

Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон
Печален, смутен вышел он
И молвил: «С божией стихией
Царям не совладеть». Он сел

И в думе, скорбными очами
На злое бедствие глядел.
Стояли стогны озерáми,
И в них широкими рекáми
Вливались улицы. Дворец
Казался островом печальным.
Царь молвил. — Из конца в конец,
По ближним улицам и дальным
В опасный путь, средь бурных вод,
Его пустились генералы ¹
Спасать и страхом обуялый
И дома тонущий народ.

Тогда на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С подъятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижимый, страшно бледный
Евгений. Он страшился, бедный,
Не за себя. Он не слышал,
Как подымался жадный вал,
Ему подошвы подмывая,
Как дождь ему в лицо хлестал,
Как ветер, буйно завывая,
С него и шляпу вдруг сорвал.
Его отчаянные взоры
На край один наведены
Недвижно были. Словно горы
Из возмущенной глубины

¹ Граф Милорадович и генерал-адъютант Бенкендорф. — *Примеч.*
Пушкина.

Вставали волны там и злились.
Там буря выла, там носились
Обломки... Боже, боже! там —
Увы! близехонько к волнам,
Почти у самого залива —
Забор некрашенный, да ива,
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта... Или во сне
Он это видит? иль вся наша
И жизнь ничто как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

И он как будто околдован,
Как будто к мрамору прикован,
Сойти не может! Вкруг него
Вода и больше ничего!
И обращен к нему спиною
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою,
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Но вот, насытись разрушеньем
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любясь возмущеньем
И покидая с небреженьем
Свою добычу. Так злодей,
С свирепой шайкою своей
В село ворвавшись, ломит, режет,

Крушит и грабит; вопли, скрежет,
Насилье, брань, тревога, вой!..
И грабежом отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спешат разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Спешит, душою замирая,
В надежде, страхе и тоске
К едва смирившейся реке.
Но торжеством победы полны,
Еще кипели злобно волны,
Как бы под ними тлел огонь,
Еще их пена покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь.
Евгений смотрит: видит лодку;
Он к ней бежит как на находку;
Он перевозчика зовет —
И перевозчик беззаботный
Его за гривенник охотно
Чрез волны страшные везет.
И долго с бурными волнами
Боролся опытный гребец,
И скрыться в глубь меж их рядами
Всечасно с дерзкими пловцами
Готов был челн — и наконец
Достиг он берега.

Несчастный
Знакомой улицей бежит

В места знакомые. Глядит,
Узнать не может. Вид ужасный!
Всё перед ним завалено;
Что сброшено, что снесено,
Скривились домики, другие
Совсем обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругом,
Как будто в поле боевом,
Тела валяются. Евгений
Стремглав, не помня ничего,
Изнемогая от мучений,
Бежит туда, где ждет его
Судьба с неведомым известьем,
Как с запечатанным письмом.
И вот бежит уж он предместьем,
И вот залив, и близок дом...
Что ж это?..

Он остановился.
Пошел назад и воротился.
Глядит... идет... еще глядит.
Вот место, где их дом стоит;
Вот ива, были здесь ворота,
Снесло их, видно. Где же дом?
И полон сумрачной заботы,
Всё ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою —
И вдруг, удара в лоб рукою,
Захохотал.

Ночная мгла
На город трепетный сошла;
Но долго жители не спали

И меж собою толковали
О дне минувшем.

Утра луч

Из-за усталых, бледных туч
Блеснул над тихою столицей,
И не нашел уже следов
Беды вчерашней; багряницей
Уже прикрыто было зло,
В порядок прежний всё вошло.
Уже по улицам свободным
С своим бесчувствием холодным
Ходил народ. Чиновный люд,
Покинув свой ночной приют,
На службу шел. Торгаш отважный,
Не унывая, открывал
Невой ограбленный подвал,
Сбираясь свой убыток важный
На ближнем выместить. С дворов
Свозили лодки.

Граф Хвостов,

Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.

Но бедный, бедный мой Евгений...
Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял. Мятежный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался.
Его терзал какой-то сон.
Прошла неделя, месяц — он

К себе домой не возвращался.
Его пустынный уголок
Отдал внаймы, как вышел срок,
Хозяин бедному поэту.
Евгений за своим добром
Не приходил. Он скоро свету
Стал чужд. Весь день бродил пешком,
А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
Одежда ветхая на нем
Рвалась и тлела. Злые дети
Бросали камни вслед ему.
Нередко кучерские плети
Его стегали, потому
Что он не разбирал дороги
Уж никогда; казалось — он
Не примечал. Он оглушен
Был шумом внутренней тревоги.
И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь, ни человек,
Ни то ни се, ни житель света,
Ни призрак мертвый...

Раз он спал
У невской пристани. Дни лета
Клонились к осени. Дышал
Ненастный ветер. Мрачный вал
Плескал на пристань, ропща пени
И бьясь об гладкие ступени,
Как челобитчик у дверей
Ему не внемлющих судей.
Бедняк проснулся. Мрачно было:
Дождь капал, ветер выл уныло,

И с ним вдали во тьме ночной
Перекликался часовой...
Вскочил Евгений; вспомнил живо
Он прошлый ужас; торспливо
Он встал; пошел бродить, и вдруг
Остановился, и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.
Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С поднятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вокруг него,
И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

О мощный властелин судьбы!
 Не так ли ты над самой бездной
 На высоте уздой железной
 Россию поднял на дыбы? ¹

Кругом подножия кумира
 Безумец бедный обошел
 И взоры дикие навел
 На лик державца полумира.
 Стеснилась грудь его. Чело
 К решетке хладной прилегло,
 Глаза подернулись туманом,
 По сердцу пламень пробежал,
 Вскипела кровь. Он мрачен стал
 Пред горделивым истуканом
 И, зубы стиснув, пальцы сжав,
 Как обуянный силой черной,
 «Добро, строитель чудотворный! —
 Щепнул он злобно, задрожав. —
 Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
 Бежать пустился. Показалось
 Ему, что грозного царя,
 Мгновенно гневом возгоря,
 Лицо тихонько обращалось...
 И он по площади пустой
 Бежит и слышит за собой —
 Как будто грома грохотанье —
 Тяжело-звонкое скаканье
 По потрясенной мостовой.
 И озарен луною бледной,
 Простерши руку в вышине,

¹ Смотри описание памятника в Миллеровиче. Оно заимствовано
 113 Рубана, как замечает сам Миллерович. — *Примеч. Пушкини.*

За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

И с той поры, когда случилось
Итти той площадью ему,
В его лице изображалось
Смятенье. К сердцу своему
Он прижимал поспешно руку,
Как бы его смиряя муку,
Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой.

Остров малый

На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров. Не взросло
Там ни былинки. Наводнение
Туда, играя, занесло
Домишко ветхий. Над водою
Остался он как черный куст.
Его прошедшею весною
Свели на барке. Был он пуст

И весь разрушен. У порога
Нашли безумца моего
И тут же хладный труп его
Похоронили ради бога.

1833

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон.
Смолоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело,
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить;
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали:
Ждут бывало с юга, глядь --
Ан с востока лезет рать;
Справят здесь, — лихие гости
Идут от моря — со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.

Рисунок А. С. Пушкина.

Что и жизнь в такой тревоге!
 Вот он с просьбой о помощи
 Обратился к мудрецу
 Звездочету и скопцу. —
 Шлет за ним гонца с поклоном.
 Вот мудрец перед Дадоном
 Стал и вынул из мешка
 Золотого петушка.

«Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, — на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незванной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенется
И в то место обернется».
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит —
«За такое одолженье, —
Говорит он в восхищенье, —
Волю первую твою
Я исполню, как мою».

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы —
Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна
Шевельнется, встрепенется,
К той сторонке обернется
И кричит: «Кири-ку-ку.
Царствуй, лежа на боку!»
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели.
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон.

Год, другой проходит мирно,
Петушок сидит всё смирно;
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробужден.
«Царь ты наш! Отец народа! —
Возглашает воевода, —
Государь! проснись! беда».
«Что такое, господа! —
Говорит Дадон зевая, —
А? Кто там? беда какая?»
Воевода говорит:
«Петушок опять кричит,
Страх и шум во всей столице».
Царь к окошку — ан на спице,
Видит, бьется петушок,
Обратившись на восток.
«Медлить нечего: скорее!
Люди, на конь! Эй, живее!»
Царь к востоку войско шлет,
Старший сын его ведет.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья,
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять —
Кличет царь другую рать;
Сына он теперь меньшого
Шлет на выручку большого;
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них,

Снова восемь дней проходят;
Люди в страхе дни проводят;
Петушок кричит опять,
Царь скликает третью рать
И ведет ее к востоку,
Сам не зная, быть ли проку.

Войска идут день и ночь;
Им становится не в мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
Что за чудо? мыслит он.
Вот осмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатер.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра: в ущельи тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит...
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына,
Без шоломов и без лат,
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По притоптанной траве,
По кровавой мураве...
Царь завыл: «Ох, дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши соколá!
Горе! смерть моя пришла».

Все завыли за Дадонем,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслося. Вдруг шатер
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,
Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадонем
Улыбнулась — и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала,
Уложила отдыхать
На парчевую кровать,
И потом неделю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдован, восхищен,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот
С шумом встретил их народ.

Все бегут за колесницей,
За Дадонем и царицей —
Всех приветствует Дадон...
Вдруг в толпе увидел он,
В сарачинской шапке белой,
Весь как лебедь поседелый,
Старый друг его — скопец.
«А! здорово, мой отец, —
Молвил царь ему, — что скажешь?
Подь поближе; что прикажешь?»
— «Царь, — ответствует мудрец, —
Разочтемся наконец.
Помнишь? за мою услугу
Обещался мне, как другу,
Волю первую мою
Ты исполнишь как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу...»
Крайне царь был изумлен.
«Что ты? — старцу молвил он. —
Или бес в тебя ввернулся,
Или ты с ума рехнулся!
Что ты в голову забрал?
Я, конечно, обещал,
Но всему же есть граница.
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли, кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярской,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть полцарства моего».
— «Не хочу я ничего.
Подари ты мне девицу,

Шамаханскую царицу»,
Говорит мудрец в ответ.
Плюнул царь: «Так лих же, нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь —
Убирайся, цел пока;
Оттащите старика!»
Старичок хотел заспорить,
Но с царями плохо вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. — Вся столица
Содрогнулась, а девица
Хи-хи-хи да ха-ха-ха!
Не боится, зная, греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот — въезжает в город он...
Вдруг раздался легкий звон,
И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы,
К колеснице полетел
И царю на темя сел.
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон —
Охнул раз — и умер он, —
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывала. —

Сказка — ложь, да в ней намёк!
Добрый молодцам урок.

<ИЗ «НЕСЕН ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН»>

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ ИАКИНФА МАГЛАНОВИЧА

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Волен умер ты как жил.
Враг твой мчался без оглядки;
Но твой сын его убил.

Вспоминай нас за могилой,
Коль сойдется как-нибудь;
От меня отцу, брат милый,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня уж зажила;
Я здоров, — и сына Яна
Мне хозяйка родила.

Деду в честь он назван Яном:
Умный мальчик у меня;
Уж владеет атаганом
И стреляет из ружья.

Дочь моя живет в Лизгоре;
С мужем ей не скучно там.

Тварк ушел давно уж в море;
Жив иль нет, — узнаешь сам.

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.
[1835]

ПЕСНЯ О ГЕОРГИИ ЧЕРНОМ

Не два волка в овраге грызутся,
Отец с сыном в пещере бранятся.
Старый Петро сына укоряет:
«Бунтовщик ты, злодей проклятый!
Не боишься ты господа бога,
Где тебе с султаном тягаться,
Воевать с белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился?
Пропадай ты себе, окаянный,
Да зачем ты всю Сербию губишь?»
Отвечает Георгий угрюмо:
«Из ума, старик, видно, выжил,
Коли лаешь безумные речи».
Старый Петро пуще осердился,
Пуще он бранится, бушует.
Хочет он отправиться в Белград,
Туркам выдать ослушного сына,
Объявить убежище сербов.
Он из темной пещеры выходит;
Георгий старика догоняет:
«Воротися, отец, воротися!

Отпусти мне невольное слово». Старый Петро не слушает, грозитя: «Вот ужо, разбойник, тебе будет!» Сын ему вперед забегаает, Старику кланяется в ноги. Не взглянул на сына старый Петро. Догоняет вновь его Георгий И хватает за сивую косу. «Воротись, ради господа бога: Не введи ты меня в искушенье!» Отпихнул старик его сердито И пошел по белградской дороге. Горько, горько Георгий заплакал, Пистолет из-за пояса вынул, Взвел курок, да и выстрелил тут же. Закричал Петро, зашатавшись: «Помоги мне, Георгий, я ранен!» И упал на дорогу бездыханен. Сын бегом в пещеру воротился; Его мать вышла ему навстречу. «Что, Георгий, куда делся Петро?» Отвечает Георгий сурово: «За обедом старик пьян напился И заснул на белградской дороге»¹. Догадалась она, завопила: «Будь же богом проклят ты, черный, Коль убил ты отца родного!» С той поры Георгий Петрович У людей прозывается Черный.

/1835/

¹ По другому преданию, Георгий сказал товарищам: «Старик мой умер; возьмите его с дороги». — *Примеч. Пушкина.*

ВУРДАЛАК¹

Трусоват был Ваня бедный;
Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Через кладбище шел домой.

Бедный Ваня еле дышит,
Спотыкаясь, чуть бредет
По могилам; вдруг он слышит, —
Кто-то кость, ворча, грызет.

Ваня стал; шагнуть не может.
Боже! — думает бедняк, —
Это, верно, кости гложет
Красногубый вурдалак.

Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.

Что же? вместо вурдалака —
(Вы представьте Р или злость!)
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.

[1835]

КОНЬ

— Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил;

¹ Вурдалаки, вудколаки, упыри — мертвецы, выходящие из своих могил и сосущие кровь живых людей. — *Примеч. Пушкина.*

Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удиц?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не в волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремяна?

Отвечает конь печальный:
— Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж не долго мне гулять,
Проживать в красе и в холе,
Светлой сбруей щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмет
И серебряны подковы
С легких ног моих сдерет;
Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чапрака
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока.
[1835]

<ИЗ АНАКРЕОНА. ОДА LV>

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;

Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
В них сияет пламень томный —
Наслаждений знак нескромный.
1835

<ИЗ АНАКРЕОНА. ОДА LVI>

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей,
Сладкой жизни мне не много
Провожать осталось дней,
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей —
Страшен хлад подземна свода:
Вход в него для всех открыт.
Из него же нет исхода...
Всяк сойдет — и там забыт.
1835

<ИЗ АНАКРЕОНА. ОДА LVII>

Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.

Мы не скифы, не люблю,
 Други, пьянствовать бесчинно,
 Нет, за чашей я пою
 Иль беседую невинно.
 1835

ПОЛКОВОДЕЦ

У русского царя в чертогах есть палата:
 Она не золотом, не бархатом богата;
 Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
 Но сверху до низу, во всю длину, кругом,
 Своєю кистию свободной и широкой
 Ее разрисовал художник быстроокой.
 Тут нет ни сельских нимф, ни девственных
 мадон,
 Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
 Ни плясок, ни охот: а всё плащи, да шпаги,
 Да лица, полные воинственной отваги.
 Толпою тесною художник поместил
 Сюда начальников народных наших сил,
 Покрытых славою чудесного похода
 И вечной памятью двенадцатого года.
 Нередко медленно меж ими я брожу
 И на знакомые их образы гляжу,
 И, мнится, слышу их воинственные клики.
 Из них уж многих нет; другие, коих лики
 Еще так молоды на ярком полотне,
 Уже состарелись и никнут в тишине
 Главою лавровой.

Но в сей толпе суровой
 Один меня влечет всех больше. С думой
 новой

Барклай-де-Толли.

Здесь да остановлюсь пред ним и не свожу
 Глаза моих очей. Чем далее гляжу,
 Тем более томим я грустною тяжелой.

Он писан во весь рост. Чело, как черен
 Голыш,
 Высоко поднимается, и, мнится, залегла
 Там грусть великая. Кругом — густая мгла;

О люди! жалкий род, достойный слез
и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиление!
1835

ТУЧА

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся. Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.
1835

ШИР ПЕТРА ПЕРВОГО

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;

В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу деда
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь Науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Петербург.

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его целует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый

Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

1835

* * *

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах.

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, на котором часто
Я сживал недвижим — и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив золотых и пажитей зеленых
Оно, синяя, стелется широко,
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собою
Убогий невод. По берегам отлогим

Рисунок А. С. Пушкина.

Рассеяны деревни — там за ними
 Скривилась мельница, насилу крылья
 Ворочая при ветре...

На границе
 Владений дедовских, на месте том,
 Где в гору подымается дорога,
 Изрытая дождями, три сосны
 Стоят — одна поодаль, две другие
 Друг к дружке близко, — здесь когда их
мимо

Я проезжал верхом при свете лунном,
 Знакомым шумом шорох их вершин
 Меня приветствовал. По той дороге
 Теперь поехал я и пред собою
 Увидел их опять. Они всё те же,
 Всё тот же их, знакомый уху шорох —

Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; кусты теснятся
Под сенью их как дети. А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ,
Как старый холостяк, и вокруг него
Попрежнему всё пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь.
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

1835

СТРАННИК

I

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной мук

И горько повторял, метаясь как больной:
Что делать буду я? что станется со мной?

2

И так я, сетуя, в свой дом пришел обратно,
Уныние мое всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них;
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце наконец раскрыл я поневоле.

«О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена! —
Сказал я, — ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом; мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! Уж близко, близко

время:

Наш город пламени и ветрам обречен;
Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обрести убежище; а где? о горе, горе!»

3

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроеным почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лег, но во всю ночь всё плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжелых не смыкал.
Поутру я один сидел, оставя ложе.
Они пришли ко мне; на их вопрос я то же,
Что прежде, говорил. Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли

Прибегнуть к строгости. Они
 с ожесточеньем
 Меня на правый путь и бранью
 и презреньем
 Старались обратить. Но я, не внемля им,
 Всё плакал и вздыхал, унынием тесним.
 И наконец они от крика утомились
 И от меня, махнув рукою, отступились,
 Как от безумного, чья речь и дикий плач
 Докучны, и кому суровый нужен врач.

4

Пошел я вновь бродить — уныньем
 изнывая
 И взоры вокруг себя со страхом обращая.
 Как узник, из тюрьмы замысливший побег,
 Иль путник, до дождя спешащий на ночлег,
 Духовный труженик — влача свою веригу,
 Я встретил юношу, читающего книгу,
 Он тихо поднял взор — и спросил меня,
 О чем, бродя один, так горько плачу я?
 И я в ответ ему: «Познай мой жребий
 злобный:
 Я осужден на смерть и позван в суд
 загробный —
 И вот о чем крушусь: к суду я не готов,
 И смерть меня страшит».
 Коль жребий твой
 таков, —
 Он возразил, — и ты так жалок в самом
 деле,

Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь
отселе?

И я: «Куда ж бежать? Какой мне выбрать
путь?»

Тогда: «Не видишь ли, скажи, чего-нибудь», —
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.

Я оком стал глядеть болезненно отверстым
Как от бельма врачом избавленный слепец.

«Я вижу некий свет», сказал я наконец.

«Иди ж, — он продолжал: — держись сего
ты света;

Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,

Ступай!» — И я бежать пустился в тот же
миг.

5

Побег мой произвел в семье моей тревогу,

И дети и жена кричали мне с порогу,

Чтоб воротился я скорее. Крики их

На площадь привлекли приятелей моих;

Один бранил меня, другой моей супруге

Советы подавал — иной жалел о друге,

Кто поносил меня, кто насмех подымал,

Кто силой воротить соседям предлагал;

Иные уж за мной гнались; но я тем боле

Спешил перебежать городское поле,

Дабы скорей узреть — оставя те места,

Спасенья верный путь и тесные врата...

* * *

Поэт идет: открыты вежды,
Но он не видит никого;
А между тем за край одежды
Прохожий дергает его:
Скажи, зачем без цели бродишь?
Едва достиг ты высоты,
И вот уж долу взор низводишь
И низойти стремишься ты.
На стройный мир ты смотришь смутно;
Бесплодный жар тебя томит;
Предмет ничтожный поминутно
Тебя тревожит и манит.
Стремиться к небу должен гений,
Обязан истинный поэт
Для вдохновенных песнопений
Избрать возвышенный предмет.

Зачем крутится ветр в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Летит орел, тяжел и страшен,
На чахлый пень? спроси его.
Зачем арана своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.

Таков поэт: как Аквилон,
Что хочет, то и носит он —

Орлу подобно он летает
 И, не спросясь ни у кого,
 Как Дездемона, избирает
 Кумир для сердца своего.
 1835

ХУДОЖНИКУ

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою
мастерскую:
 Гилсу ты мысли даешь, мрамор послушен
тебе:
 Сколько богов и богинь и героев!.. Вот
Зевс громовержец,
 Вот исподлобья глядит, дуя в цевницу,
сатир —
 Здесь зачинатель Барклай, а здесь
совершитель Кутузов,
 Тут Аполлон -- идеал, там Ниобея —
печаль...
 Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых
кумиров
 Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига
нет:
 В темной могиле почил художников друг
и советник.
 Как бы он обнял тебя! Как бы гордился
тобой!

Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, *слова, слова, слова*¹.
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать, для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи,
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья
— Вот счастье! вот права — —

1836

* * *

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте кое-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолей,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;

¹ Hamlet (Гамлет). — *Примеч. Пушкина.*

По старом рогаче вдовицы плач амурный;
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут
Зеваючи жильцов к себе наутро ждут —
Такие смутные мне мысли всё наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...

Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном
покое.

Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым
мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;
Наместо праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...

1836

* * *

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался.
И тесною сидели мы толпой.
Тогда душой беспечные невежды
Мы жили все и легче и смелей,

Царскосельский лицей. Рисунок А. С. Пушкина.

Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет как мы перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш,
Меж нами речь не так игриво льется,
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех, средь песен, раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем Лицея день заветный;

Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром — нет! — промчалась четверть века!
Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вокруг человека,
Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Метались смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник Лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей...
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. — Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,

И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его — и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным,
И на скале, изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
И над землей сошлись новы тучи,
И ураган их...

1836

* * *

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, — а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз —
умрем.

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

1836

* * *

Eregi monumentum¹.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
 К нему не зарастет народная тропа,
 Вознесся выше он главою непокорной
 Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
 Мой прах переживет и тленья убежит —
 И славен буду я, доколь в подлунном мире
 Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
 И назовет меня всяк сущий в ней язык,
 И гордый внук славян, и финн, и ныне
 дикой
 Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
 Что чувства добрые я лирой пробуждал,
 Что в мой жестокой век восславил я Свободу
 И милость к падшим призывал.

Велению божию, о Муза, будь послушна,
 Обиды не страшась, не требуя венца,
 Хвалу и клевету приемли равнодушно,
 И не оспаривай глупца.

1836

¹ Я воздвиг памятник.

В истории русской литературы Дельвиг известен прежде всего как друг Пушкина. До самой смерти Дельвига Пушкин сохранил к нему неизменную привязанность. Через несколько лет после его смерти Пушкин писал: «Дельвиг не был оценен при раннем появлении на кратком своем поприще, но он не оценен еще и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле».

В стихах на лицейскую годовщину («19 октября < 1825 года >») Пушкин говорит о Дельвиге:

Когда постиг меня судьбины гнев, —
 Для всех чужой, как сирота бездомный,
 Под бурею главою поник я томной
 И ждал тебя, вещун пермесских деб.
 И ты пришел, сын леги вдохновенный,
 О Дельвиг мой: твой голос пробудил
 Сердечный жар, так долго усыпленный,
 И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел
 И дивное волненье мы познали;
 С младенчества две музы к нам летали,
 И сладок был их лаской наш удел:
 Но я любил уже рукоплесканья,
 Ты гордый пел для муз и для души;
 Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
 Ты гений свой воспитывал в тиши.

После смерти Дельвига широкое распространение получает убеждение, что Дельвиг в литературе фигура небольшая, роль которой преувеличена дружескими восхвалениями пушкинского кружка.

Этот суровый приговор несправедлив. В литературной борьбе своего времени и в русской литературе Дельвигу принадлежит заметная роль, не случайно сделавшая его другом и единомышленником Пушкина.

И хотя в своих стихах Дельвиг шел по той дороге, которая отражала влияние на русскую поэзию поэзии немецкой и которая Пушкину была чужда, Пушкин высоко ценил поэзию своего друга и учитывал его опыт в своей работе.

Антон Антонович Дельвиг родился 6 августа 1798 года в Москве. Происходил он от лифляндских баронов. Отец его настолько обрусел, что Дельвиг даже не знал немецкого языка.

Учился Дельвиг сперва в частном пансионе, а затем был отдан в Царскосельский лицей. Он учился плохо. Его лень и сонливость служили в лицее постоянным предметом шуток и эпиграмм. В своей лицейской автоэпитафии Дельвиг сам охарактеризовал себя соней и лентяем: «Что жизнь его была? тяжелый сон...»

Кончил он лицей одним из последних по успехам. И, однако, несмотря на отсутствие у него интереса к лицейским наукам, Дельвиг в лицее много читал и с увлечением

François Armand DuRoi

предавался писанию стихов. Он сблизился здесь с Кюхельбекером, с которым вместе прочел любимых Кюхельбекером немецких поэтов. После окончания лицея литературные занятия сделались подлинной профессией Дельвига. В эти годы он настроен резко антиправительственно. Он участвует в близком декабристам кружке «Зеленая лампа». В одном письме этого времени о Дельвиге говорится: «Дельвиг пьет и спит и, кроме очень глупых и опасных для себя разговоров, ничего не делает». К этому времени относится и перевод им из Беранже издевательского стихотворения о боге.

Либеральные настроения Дельвига укрепляются в нем благодаря его сближению с Рылеевым, Бестужевым и другими декабристами, членами Вольного общества любителей словесности, в котором он также состоял членом. В это время он сближается и с поэтом Баратынским, с которым в 1819 году поселяется вместе. Быт Дельвига очень хорошо характеризуют сочиненные им совместно с Баратынским шуточные стихи:

Там, где Семеновский полк, в пятой роте, в домике
низком,
 Жил поэт Баратынский с Дельвигом, тоже поэтом.
 Тихо жили они, за квартиру платили немного,
 В лавочку были должны, дома обедали редко.
 Часто, когда покрывалось небо осеннее тучей,
 Шли они в дождик пешком, в панталонах
трикотовых тонких,
 Руки спрятав в карманы (перчаток они не имели!),
 Шли и твердили шутя: какое в россиянах чувство!

В 1824 году Дельвиг отошел от своих декабристских друзей. В 1825 году он женился.

Семейная жизнь его сложилась несчастливо и причинила ему много горя.

С 1825 года Дельвиг начал издавать ежегодные альманахи «Северные цветы», которые вскоре сделались одним из самых авторитетных литературных изданий тех лет, печатавшим лучших поэтов своего времени.

Общий характер этих альманахов соответствовал вкусам Дельвига. В одном письме Пушкин приводит поэтическую программу Дельвига: «Цель поэзии поэзия — как говорит Дельвиг, если не украл этого».

В связи с изданием «Северных цветов» дом Дельвига в это время стал литературным салоном — центром пушкинской группы.

После 1825 года политические разговоры были изгнаны из тем собраний.

Душой этого салона был сам Дельвиг, обладавший даром удивительно спокойного и серьезного остроумия.

В конце 1820-х годов стихи Дельвига, редко печатаемые, получают широкую известность благодаря тому, что они часто служат предметом похвал в дружеских посланиях к нему его друзей, известных поэтов — Пушкина, Баратынского, Языкова и др.

В 1829 году стихи Дельвига выходят отдельной книгой. Эти стихи обнаруживали высокий и тонкий вкус. Дельвиг в эти годы

становится одним из наиболее почитаемых поэтов времени. Особенную славу приобретают в это время его «русские песни», в которых Дельвиг, используя особенности народных песен, создавал литературные романы, окрашенные в тона характерной для русской поэзии первой четверти XIX века меланхолической унылости (школа Жуковского).

Подражая немецким поэтам конца XVIII века, Дельвиг писал также и классические идиллии. Пушкин очень высоко оценил идиллии Дельвига.

«Идиллии Дельвига, — писал Пушкин, — удивительны. Какую должно иметь силу воображения, дабы из России так переселиться в Грецию, из 19 столетия в золотой век, — и необыкновенное чувство изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы». Белинский очень точно назвал Дельвига «огречившимся немцем».

Однако немецкая литература влияла на Дельвига только одной своей стороной. Дельвигу была совершенно чужда немецкая идеалистическая философия (Пушкин приводит фразу Дельвига: «Чем ближе к небу, тем холоднее»). Дельвига интересовали в немецкой литературе те тяготения к античности, которые были связаны с крупными успехами немецкой науки в изучении античного мира (работы Винкельмана о древнегреческом искусстве и греческом мировоззрении). Дель-

виг в своем творчестве и подражает тем немецким поэтам, которые видели в античности идеальную жизнь человечества и стремились воссоздать в современной литературе жанры античной идиллии (стихотворений, в которых изображалась идеальная пастушеская жизнь).

Немецкие сельские идиллии переводил в России Жуковский. Эти переводы отражали стремление Жуковского внести в литературу народную простоту. Эту «идеальную простоту» Дельвиг пытался воссоздать своими классическими идиллиями.

Вопрос о русской идиллии сделался предметом обсуждения в русской литературе 1810-х годов. Попыткой создать русскую народную идиллию были «Рыбаки» Гнедича. Так вопрос об идиллиях связался в литературе с вопросом о народности искусства. Вот почему неслучайно соединение в поэзии Дельвига его работы над идиллиями с работой и над русскими народными песнями.

Успеху стихотворений Дельвига много способствовало и то, что он выступал в своих стихах как реформатор русского стихосложения. Он смело обращался к новым метрическим формам, вводил в стихи народные размеры, ввел форму сонета, которую вслед за ним в России разрабатывал впоследствии Пушкин, сказавший о сонете:

У нас его еще не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гекзаметра священные напевы.

Вопрос о создании простого и народного стиха, занимавший Пушкина, казался Пушкину Дельвигом по-своему решенным («Сия вечная новизна и нечаянность простоты», писал Пушкин о поэзии Дельвига). В тридцатые годы Пушкин создает ряд антологических стихотворений, в которых несомненно учитывает опыт античных стихов Дельвига. И в этом смысле существенно, что первое из антологических стихотворений, написанное в 1829 году, Пушкин посвятил характеристике Дельвига, написанной в его же манере:

Кто на снегах возрастил Феоkritовы нежные розы?
 В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
 Кто славянин молодой, грек духом, а родом
германец?
 Вот загадка моя; хитрый Эдип, разреши!

Тонкий литературный вкус Дельвига создает ему славу умного и наблюдательного критика, а умелое ведение им «Северных цветов», показавшее его прекрасным организатором, подготовило возможность избрания его редактором созданной в 1829 году «Литературной газеты», которая должна была стать органом пушкинской группы.

Борьба «Литературной газеты» за независимое от царского правительства подлинное искусство, против тогдашних продажных реакционных журналистов (Булгарина и др.) привела к тому, что на «Литературную газету» был подан ряд доносов в тайную полицию. Дельвиг был вызван к шефу жандармов и начальнику тайной полиции генералу Бен-

кендорфу для личных объяснений. Вызовы эти стали повторяться, и, наконец, в ноябре 1830 года Дельвиг был вызван по поводу напечатанного в «Литературной газете» четверостишия Деламина, посвященного революционерам, погибшим в дни Июльской революции 1830 года во Франции.

Бенкендорф самым грубым образом обратился к Дельвигу с вопросом: «Что ты опять печатаешь недозволенное?» Когда же Дельвиг, спокойно вынув из кармана номер газеты, хотел прочесть четверостишие (чтоб показать, что в нём ничего недозволенного не содержится), Бенкендорф ему этого не позволил, сказав, что ему все равно, что бы ни было напечатано, но что он троих друзей — Дельвига, Пушкина и Вяземского — упрячет если не теперь, то вскоре в Сибирь. Дельвиг спокойно возражал на все эти обвинения. Бенкендорф раскричался и выгнал Дельвига со словами: «Вон, вон! Я упрячу тебя с твоими друзьями в Сибирь».

«Литературная газета» была запрещена по повелению царя.

Но Дельвиг не прекратил борьбы. В результате общественной огласки Бенкендорф вынужден был прислать на квартиру к Дельвигу жандармского чиновника, который сообщил, что Бенкендорф «приносит свои извинения в том, что разгорячился при последнем свидании», и «Литературная газета» была снова разрешена (она прекратила свое существование через несколько месяцев).

Вскоре после этих неприятных объяснений с Бенкендорфом Дельвиг неожиданно, 14 января 1831 года, умер. Тогда же современники объясняли смерть Дельвига этими политическими неприятностями по газете.

Пушкин, узнав о смерти Дельвига, писал одному из своих друзей: «Что тебе сказать, мой милый? Ужасное известие получил я в воскресенье. На другой день оно подтвердилось... Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная... Никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изо всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели... Баратынский болен от сгорчения. Меня не так-то легко с ног свалить».

Ц. В.

ПУШКИНУ

Кто, как лебедь цветущей Авзонии,
Осененный и миртом и лаврами,
Майской ночью при хоре порхающих
В сладких грезах отвился от матери:

Тот в советах не мудрствует; на́ стены
Побежденных знамена не вешает;
Столб кормами судов неприятельских
Он не красит пред храмом Ареевым;

Флот, с несчетным богатством Америки,
С тяжким золотом, купленным кровию,
Не взмущает двукраты экватора
Для него кораблями бегущими.

Но с младенчества он обучается
Воспевать красоты поднебесные.
И ланиты его от приветствия
Удивленной толпы горят пламенем.

И Паллада туманное облако
Рассеивает от взоров, — и в юности
Он уж видит священную истину
И порок, исподлобья взирающий!

Царское Село.

Пушкин! Он и в лесах не укроется;
 Лира выдаст его громким пением,
 И от смертных восхитит бессмертного
 Аполлон на Олимп торжествующий.
 1815

К МАЛЬЧИКУ

<Из Каталла>

Мальчик, солнце встретить должно
 С торжеством в конце пиров!
 Принеси же осторожно
 И скорей из погребов

В кубках длинных и тяжелых,
 Как любила старина,
 Наших прадедов веселых
 Пережившего вина.

Не забудь края златые
 Плющем, розами увить!
 Весело в года седые
 Чашей молодости пить,
 Весело, хоть на мгновенье,
 Бахусом наполнив грудь,
 Обмануть воображенье
 И в былое заглянуть.

До 1817

ЭПИТАФИЯ

Что жизнь его была? тяжелый сон;
 Что смерть? от грез ужасных
 пробужденье;
 Впросонках улыбулся он
 И снова, может быть, там начал
 сновиденье.

До 1817

ДОМИК

За далью туманной,
 За дикой горой
 Стоит над рекой
 Мой домик простой;

Для знати жеманной
Он замкнут ключом,
Но горенку в нем
Отвел я веселью,
Мечтам и безделью.
Они берегут
Мой скромный приют,
Дана им свобода —
В кустах огорода,
На злаке лугов
И древних дубов
В тени молчаливой,
Где струйкой игривой
Сверкая бежит,
Бежит и журчит
Ручей пограничный:
С заботой привычной
Порхать и летать
И песнею сладкой
В мой домик украдкой
Друзей прикликать.
/1822/

ПОДРАЖАНИЕ БЕРАНЖЕ

Однажды бог, восстав от сна,
Курил сигару у окна.
И чтоб заняться чем от скуки,
Трубу взял в творческие руки;
Глядит и видит вдалеке:
Земля вертится в уголке.

«Чтоб для нее я двинул ногу,
Чорт побери меня, ей-богу!»

«О человеки всех цветов! —
Сказал, зевая, Саваоф. —
Мне самому смотреть забавно,
Как вами управляю славно.
Но бесит лишь меня одно:
Я дал вам девок и вино,
А вы, безмозглые пигмеи,
Колотите друг друга в шею
И славите потом меня
Под гром картечного огня.
Я не люблю войны тревогу,
Чорт побери меня, ей-богу!»

Меж вами карлики-цари
Себе воздвигли алтари,
И думают они, буффоны,
Что я надел на них короны
И право дал душить людей.
Я в том не виноват, ей-ей!
Но я уйму их понемногу,
Чорт побери меня, ей-богу!

Попы мне честь воздать хотят,
Мне ладан под носом курят,
Страшат вас светопреставленьем
И ада грозного мученьем.
Не слушайте вы их вранья,
Отец всем добрым детям я,
По смерти муки не страшитесь,
Любите, пейте, веселитесь...

Но с вами я заговорюсь...
Прощайте! Гладкого боюсь!
Коль в рай ему я дам дорогу,
Чорт побери меня, ей-богу!»
Начало 1820-х годов

РОМАНС

<С немецкого>

Только узнал я тебя —
И трепетом сладким впервые
Сердце забилося во мне.

Сжала ты руку мою —
И жизнь и все радости жизни
В жертву тебе я принес.

Ты мне сказала: люблю,
И чистая радость слетела
В мрачную душу мою.

Молча гляжу на тебя, —
Нет слова все муки, всё счастье
Выразить страсти моей.

Каждую светлую мысль,
Высокое каждое чувство
Ты зарождаешь в душе.

[1823]

А. А. Дельвиг.

ВДОХНОВЕНИЕ

Сонет

Не часто к нам слетает вдохновенье,
И краткий миг в душе оно горит;
Но этот миг любимец муз ценит,
Как мученик с землею разлученье.

В друзьях обман, в любви разуверенье
И яд во всем, чем сердце дорожит,

Забыты им: восторженный пиит
Уж прочитал свое предназначенье,

И презренный, гонимый от людей,
Блуждающий один под небесами,
Он говорит с грядущими веками,

Он ставит честь превыше всех частей,
Он клевете мстит славою своей
И делится бессмертием с богами.

[1823]

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Ах ты, ночь ли,
Ноченька,
Ах ты, ночь ли
Бурная!
Отчего ты
С вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звездами,
Не сияешь
Месяцем?
Всё темнеешь
Тучами?

И с тобой, знать,
Ноченька,
Как со мною,
Молодцем,

Грусть-злодейка
Сведалась!
Как заляжет,
Лютая,
Там глубоко
На сердце:
Позабудешь
Девичам
Усмехаться,
Кланяться;
Позабудешь
С вечера
До глубокой
Полночи,
Припевая,
Тешиться

Хороводной
Пляскою!
Нет, взрыдаешь,
Всплачешься,
И, безродный
Молодец, —
На постелю
Жесткую,
Как в могилу,
Кинешься!
[1823]

И. М. ЯЗЫКОВУ

Сонет

Младой певец, дорогою прекрасной
Тебе итти к Парнасским высотам,
Тебе венок (поверь моим словам)
Плетет Амур с Каменной сладкогласной.

От ранних лет я пламень не напрасный
Храню в душе, благодаря богам,
Я им влеком к возвышенным певцам
С какою-то любовью пристрастной.

Я Пушкина младенцем полюбил,
С ним разделял и грусть и наслажденье,
И первый я его услышал пенье

И за себя богов благословил.
Певца *Пиров* я с музой подружил
И славой их горжусь в вознагражденье,
[1823]

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Протекших дней очарованья,
Мне вас душе не возвратить!
В любви узнав одни страданья,
Она утратила желанья
И вновь не просится любить.

К ней сны молодые не забродят,
Опять с надеждой не мирят,
В странах волшебных с ней не ходят,
Веселых песен не заводят
И сладких слов не говорят.

Ее один удел печальный:
Года бесчувственно провести
И в край, для горестных не дальний,
Под глас молитвы погребальной,
Одни молитвы перенести.

[1824]

РОМАНС

Прекрасный день, счастливый день!

И солнце и любовь!

С нагих полей сбежала тень,
Светлеет сердце вновь.

Проснитесь, рощи и поля;
Пусть жизнью всё кипит:

Она моя, она моя!

Мне сердце говорит.

Что вьешься, ласточка, к окну,
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И с ней любовь зовешь?
Но не ко мне, и без тебя
В певце любовь горит:
Она моя, она моя!
Мне сердце говорит.
[1824]

РОМАНС

Друзья! друзья! я Нестор между вами,
По опыту веселый человек;
Я пью давно; пил с вашими отцами
В златые дни, в Екатеринин век.

И в нас душа кипела в ваши леты,
Как вы, за честь мы проливали кровь,
Вино, войну нам славили поэты,
Нам сладко пел Мелецкий про любовь!

Не кончен пир — а гости разошлись,
Допировать один остался я:
И что ж? ко мне вы, други, собрались,
Весельчаков бывалых сыновья!

Гляжу на вас: их лица с их улыбкой,
И тот же спор про жизнь и про вино;
И мнится мне, я полагал ошибкой,
Что и любовь забыта мной давно.

[1825]

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Пела, пела пташечка
И затихла;
Знало сердце радости
И забыло.

Что, певунья пташечка,
Замолчала?
Как ты, сердце, сведалось
С черным горем?

Ах! убили пташечку
Злые вьюги;
Погубили мѳлодца
Злые толки!

Полететь бы пташечке
К синю морю;
Убежать бы мѳлодцу
В лес дремучий!

На море валы шумят,
А не вьюги —
В лесе звери лютые,
Да не люди!

[1825]

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Соловей мой, соловей,
Голосистый соловей!
Ты куда, куда летишь,

Где всю ночку пропоешь?
Кто-то бедная, как я,
Ночь прослушает тебя,
Не смыкаячи очей,
Утопаючи в слезах?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синие моря,
На чужие берега;
Побывай во всех странáх,
В деревнях и в городах:
Не найти тебе нигде
Горемышнее меня.
У меня ли у молодой
Дорог жемчуг на груди,
У меня ли у молодой
Жар-колечко на руке,
У меня ли у молодой
В сердце миленький дружок:
В день осенний на груди
Крупный жемчуг потускнел,
В зимнюю ночку на руке
Распаялося кольцо,
А как нынешней весной
Разлюбил меня милой.
/1826/

ДВЕ ЗВЕЗДОЧКИ

Со мною мать прощалася
(С полком я шел в далекий край),
Весь день лила родимая
Потоки слез горячие,

А вечером свела меня
К сестре своей, кудеснице.
В дверь стукнула, нет отклика,
А за дверью шелохнулось;
Еще стучит, огонь секут;
В окно глядим, там светится.
Вот в третий раз стучит, кричит:
— Ты скажешься ль, откликнешься ль,
Отопрешься ль? — Нет отзыва!
Мы час стоим, другой стоим:
А за дверью огонь горит,
Дрова трещат, котлы кипят,
Ворчат, поют не русское.
Но полночь бьет, всё смолкнуло,
Всё смолкнуло, погаснуло!
Мы ждать-пождать, дверь скрипнула,
Идет-поет кудесница:

«Туман, туман! В тумане свет!
То, дитяtko, звезда твоя!
Туман тебе: немилый край;
Туманный свет: туманно жить.
Молись, молись! туман пройдет,
Туман пройдет, звезда блеснет,
Звезда блеснет приветнее,
Приветнее, прилучнее!»

Ах, с той поры в краю чужом
Давным-давно я ведаю
Тоску-печаль, злодейку-грусть.
Злодейка-грусть в душе живет.
Так, старая кудесница,
Туман, туман, немилый край!

В нем тошно жить мне, молодцу!
Но та звезда, та ль звездочка,
Свети иль нет, мне дела нет!
В краю чужом у мóлодца
Другие есть две звездочки
Приветные, прилучные:
Глаза ль моей красавицы.
[1826]

СОН

«Мой суженый, мой ряженный,
Услышь меня, спаси меня!
Я в третью ночь, в последнюю,
Я в вещем сне пришла к тебе,
Забыла стыд девический!
Не волком я похищена,
Не Волгою утоплена,
Не злым врагом утрачена:
По засекам гуляючи,
Я обошла лесничего,
Косматого, рогатого;
Я сбилася с тропы с пути,
С тропы с пути, с дороженьки,
И встретилась я с ведьмою,
С заклятою завистницей
Красы моей — любви твоей.

«Мой суженый, мой ряженный,
Я в вещем сне в последнее
К тебе пришла: спаси меня!
С зарей проснись, росой всплеснись,

С крестом в руке пойдя к реке,
Благословясь пустился вплавь,
И к берегу заволжскому
Тебя волна прибьет сама.
На всей красе на берегу
Растет, цветет шиповничек:
В шиповничке — душа моя:
Тоска — шипы, любовь — цветы,
Из слез моих роса на них.
Росу собери, цветы сорви,
И буду я опять твоя».

Обманчив сон, не вещий он!
По гроб грустить мне, молодцу!
Не Волгой плыть, а слезы лить!
По Волге брод — саженный лед,
По берегу ж заволжскому
Мятег-гудет мятелица!

1820-е годы

ЛУНА

Я вечером с трубкой сидел у окна;
Печально глядела в окошко луна;

Я слышал: потоки шумели вдали;
Я видел: на холмы туманы легли.

В душе замутилось, я дико вздрогнул,
Я прошлое живо душой вспомянул!

В серебряном блеске вечерних лучей
Явилась мне Лила, веселье очей.

Как прежде, шепнула коварная мне:
«Быть вечно твоею клянуся луне».

Как прежде, за тучи луна уплыла,
И нас разлучила неверная мгла.

Из трубки я выдул сгоревший табак,
Вздыхнул и на брови надвинул колпак.
[1826/]

СМЕРТЬ

Мы не смерти боимся, но с телом расстаться
нам жалко:
Так не с охотою мы старый сменяем
халаг.

1820-е годы

ИДИЛЛИЯ

Некогда Титир и Зоя, под тенью двух юных
платанов,
Первые чувства познали любви и, полные
счастья,
Острым кремнем на коре сих деревьев имена
начертали:
Титир Зои, а Титира Зоя, богу Эроту
Шумных свидетелей страсти своей посвятивши.
Под старость

двум заветным платанам они приобрели
 и видят
 чудо: при их, друг к другу склонясь, именами
 срослися. —
 нимфы дерев сих, тайною силою имен
 сочетавшись,
 выше в древе двойном вожделеньем
 на путника веют;
 выше в тени их могила, в могиле той Титир
 и Зоя.

* * *

Не осенний мелкий дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман:
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!» —

«Не тоска, друзья-товарищ, —
В грудь запала глубоко,
Дни веселия, дни радости
Отлетели далеко». —

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!» —

«И как русский любит родину,
Так люблю я вспоминать
Дни веселия, дни радости,
Как пришлось мне горевать». —

«Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!»

Конец 1820-х годов

* * *

Смерть, души успокоенье!
Наяву или во сне
С милой жизнью разлученье
Объявить слетишь ко мне?
Днем ли, ночью ли задуешь
Бренный пламенник ты мой
И в обмен его даруешь
Мне твой свечотч неземной?

Утром вечного союза
Ты со мной не заключай!

По утрам со мною муза,
С ней пишу я — не мешай!
И к обеду не зову я:
Что пугать друзей моих;
Их люблю, как есть люблю я
Иль как свой счастливый стих.

Вечер тоже отдан мною
Музам, Вакху и друзьям;
Но ночью тишиною
Съединиться можно нам:
На одре один в молчаньи
О любви тоскую я,
И в напрасном ожиданьи
Протекает ночь моя.

1830—1831

Евгений Абрамович Баратынский родился 19 февраля 1800 года в имении Мара, Тамбовской губернии, в старинной дворянской семье.

Первоначальное образование Баратынский получил дома, под руководством иностранных гувернеров. В 1812 году его отвезли в Петербург и после недолгой подготовки в частном немецком пансионе определили в Пажеский корпус — привилегированное военно-учебное заведение.

Преподавание в корпусе носило поверхностный и беспорядочный характер; воспитательная система также оставляла желать много лучшего. Баратынский, уже в 1814 году признававшийся, что он «более всего любит поэзию» и «очень бы хотел быть автором», с увлечением предался чтению книг и главным образом всевозможных модных в ту пору романтических историй об отважных и благородных разбойниках. «Глориозо, Ринальди-Ринальдини и в особенности Шиллеров Карл Моор разгорячали мое воображение, — писал он впоследствии. — Разбойничья жизнь казалась для меня завиднейшею в свете, и, ирриодно беспокойный и предприимчивый, я задумал составить общество

мстителей, имевшее целью сколько возможно мучить наших начальников».

Шалости «мстителей» довели Баратынского до катастрофы, сыгравшей в его жизни исключительно важную роль, во многом определившей его судьбу и наложившей глубокий отпечаток на его характер. В начале 1816 года «за негодное поведение» он был, по личному распоряжению царя, исключен из корпуса без права поступления на службу (разве, если пожелает, в военную — рядовым). Провинность Баратынского была тяжкая: он принял участие в краже со взломом в доме родителей одного из своих товарищей.

После исключения из корпуса Баратынский перенес сильнейшее нравственное потрясение и впал в совершенное отчаяние.

Три года Баратынский провел без дела, живя надеждой на прощение, которое родные выпрашивали ему у Александра I. В это время он основательно познакомился с французской классической литературой и сам начал писать стихи.

Хлопоты родных о «прощении» ни к чему, однако, не привели. Оставался единственный путь — вступить в военную службу рядовым, с расчетом на быстрое производство в офицеры. Осенью 1818 года Баратынский появился в Петербурге и через некоторое время был зачислен в гвардейский Егерский полк. Впрочем, всех тягот солдатчины нести ему не пришлось. Благодаря своему происхо-

Тараненко

ждению и связям он пользовался различными преимуществами.

По приезде в Петербург Баратынский сблизился с молодыми литераторами — А. Бестужевым, Дельвигом, Кюхельбекером и Плетневым. Особенно подружился он с Дельвигом. Друзья поселились вместе и описывали свою жизнь в шуточных стихах (см. стр. 278).

Дельвиг познакомил Баратынского с Пушкиным, ввел его в литературные кружки и вообще был его первым руководителем на литературном поприще. «Певца *Пиров* я с музой подружил», писал впоследствии Дельвиг о Баратынском; тот, в свою очередь, отмечал, что Дельвиг ввел его в «семейство добрых муз».

Мировоззрение молодого Баратынского сложилось под влиянием философских и общественных идей западноевропейского просвещения. Воспитанный на французских просветителях XVIII века, он был человеком либеральных убеждений, жившим идеологическими интересами передовых общественных кругов, из которых вышли участники декабристского движения.

В 1819 году стихи Баратынского впервые появились в печати и сразу же завоевали ему известность в литературной среде. Свой творческий путь Баратынский начал с разработки малых альбомных жанров (мадригал, надпись, эпиграмма и т. д.), всецело в духе французской стиховой культуры XVIII века,

в традициях которой он был литературно воспитан. По словам Дельвига, «правила французской школы он всосал с материнским молоком». Вольтер оставался для Баратынского образцом и учителем; в дружеском кругу за ним укрепилось прозвище «Маркиз», иронически указывающее на его приверженность к французской классической литературе.

В дальнейшем Баратынский двигался по пути, проложенному французскими элегиками Парни и Мильвуа, а на русской почве — Батюшковым. На этом пути он добился значительных успехов. Пушкин в набросках позднейшей статьи о Баратынском отмечал «преждевременное развитие» его «поэтических способностей»: «Первые произведения Баратынского обратили на него внимание. Знаатоки с удивлением увидели в первых опытах зрелость и стройность необыкновенную... Первые произведения Баратынского были элегии, и в этом роде он первенствует».

Литературные успехи Баратынского находились в вопиющем противоречии с его личной судьбой. Солдатчина очень тяжело переживалась поэтом. «Не служба моя, к которой я привык, меня угнетает, — писал он. — Меня мучит противоречие моего положения. Я не принадлежу ни к какому сословию, хотя имею какое-то звание. Ничьи надежды, ничьи наслаждения мне неприличны».

В начале 1820 года Баратынский был произведен в унтер-офицеры с переводом в расположенный в глубине Финляндии пехотный Нейшлотский полк. В Финляндии он провел свыше пяти лет, но за это время много раз и подолгу живал в Петербурге. Солдатскую службу он нес только формально.

Не прерывалась и связь Баратынского с петербургскими литературными кругами: он продолжал сотрудничать в журналах, посещал (бывая в столице) литературные общества. Писательская его известность росла. Годы, проведенные в Финляндии, были для Баратынского творчески чрезвычайно плодотворными. Обогащенный впечатлениями дикой финской природы, он написал в 1820 году лучшее из своих ранних стихотворений «Финляндия». К 1822 году была уже написана и основная часть элегического цикла Баратынского, в котором он довел до высокого совершенства (до «необыкновенной легкости и чистоты», как сказал критик того времени) условный поэтический язык элегии, выработанный его предшественниками.

Друзья Баратынского между тем неустанно хлопотали о производстве его в офицерский чин. Однако на все представления Александр I отвечал отказом. В 1824 году судьба Баратынского несколько облегчилась: финляндский генерал-губернатор Закревский, по просьбе своего приятеля Дениса Давыдова, взял опального поэта в свой штаб. Баратынский перебрался в Гельсингфорс, где очу-

тился в кругу военных людей, настроенных оппозиционно по отношению к аракчеевскому режиму и реакционному курсу государственной политики двадцатых годов.

Баратынский вообще, повидимому, проявлял небольшой интерес к общественно-политической жизни, но его дружеская связь с передовой литературной молодежью, втянутой в круг идеологических воздействий революционного подполья конца десятих — начала двадцатых годов (Пушкин, Кюхельбекер, А. Бестужев и др.), естественно, не могла пройти для него бесследно. Сближение с оппозиционным офицерством сыграло при этом свою роль и даже толкнуло Баратынского (единственный, впрочем, раз) на сочинение вольнодумных стихов. К 1824 году относится его памфлет об Аракчееве:

Отчизны враг, слуга царя,
К бичу народов — самовластью
Какой-то адскою любовию горя,
Он не знаком с другою страстью.
Скрываясь от очей, злодействует впотьмах,
Чтобы злодействовать свободней.
Не нужно имени: у всех оно в устах,
Как имя страшное владыки преисподней.

Весной 1825 года Баратынский был наконец произведен в прапорщики. В январе 1826 года он вышел в отставку, поселился в Москве, вскоре женился на богатой наследнице и зажил вполне независимой и обеспеченной жизнью. К тому времени Баратын-

ский был уже прославленным поэтом и пользовался репутацией непревзойденного элегика. В Москве он принимал более или менее деятельное участие в литературной жизни. В 1827 году вышел сборник стихотворений Баратынского, подводивший итоги первого периода его творческой работы.

Нужно сказать, что если теперь для нас «подлинный» Баратынский — один из самых замечательных русских лириков — раскрывается по преимуществу в его поздних стихах, написанных в эпоху тридцатых-сороковых годов, то прижизненная его слава как «певца пиров и грусти томной» была целиком основана на ранних его произведениях. Пушкин отмечал, что «первые юношеские произведения Баратынского были приняты с восторгом. Последние, более зрелые, более близкие к совершенству, в публике имели меньший успех».

Примерно в середине двадцатых годов для Баратынского наступил период глубокого и затяжного творческого кризиса. Он покидает в это время свои исходные литературные позиции и ищет новых путей. Он выступает теперь против «новейших поэтов» — элегиков, «влюбившихся в печаль».

Отречение Баратынского от элегической лирики, а следовательно, в известной мере и от своего собственного раннего творчества, во имя классических традиций было воспринято его литературными друзьями с известным раздражением. Новые интересы Бара-

тынского были для его друзей тем более спорными, что его отречение от элегии распространялось в известной мере и на романтическую поэзию. Этим были вызваны резкие осуждения, раздававшиеся по адресу Баратынского из рядов наиболее горячих приверженцев романтизма.

Между тем Баратынский вовсе не чуждался романтизма и, больше того, пытался решить его проблему, но решить по-своему. Это было ясно Пушкину, писавшему, что «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален — ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем чувствует сильно и глубоко... Никогда не старался он малодушно угождать господствующему вкусу и требованиям мгновенной моды... Он шел своей дорогой один и независим».

Обрести самостоятельный путь Баратынский попыгался прежде всего в поэмах. «Эда» («Финляндская повесть»), начатая в 1824 году, писалась с установкой на противопоставление романтическим поэмам Байрона и Пушкина. В предисловии к «Эде» Баратынский прямо заявил, что «следовать за Пушкиным ему показалось труднее и отважнее, нежели идти собственной дорогой». В другом месте Баратынский высказался по этому поводу еще яснее: «Мне не хотелось идти избитой дорогой, я не хотел подражать ни Байрону, ни Пушкину, вот почему я и

впал в прозаические подробности... Я хотел быть оригинальным».

«Прозаические подробности» и служат отличительной особенностью «Эды»; они сказались в отчетливом сюжетно-фабульном построении поэмы, характерном именно для прозы, и в нарочитом противопоставлении «суровости» финского пейзажа и «простоты» героини — финской крестьянки Эды — условно-романтическому, экзотическому пейзажу и романтическим образам героинь южных поэм Пушкина. Отказ от байронической романтики и экзотики привел Баратынского к реалистической манере повествования, что также было отмечено Пушкиным, охарактеризовавшим «Эду» как произведение, «замечательное своей простотою, прелестью рассказа, живостью красок и очерком характеров».

Однако стремления Баратынского преодолеть Байрона и Пушкина никто не уловил. «Эда» была воспринята как типичная романтическая поэма и в этом смысле рассматривалась как прямое подражание именно Байрону и Пушкину. Да и сам Пушкин расценивал ее как байроническую.

Твоя чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей, —

писал он Баратынскому.

Следующие поэмы Баратынского — «Бал» (1828) и «Наложница» (1831) — постигла такая же участь. Обе поэмы были оценены критикой как подражательные, у читателей

успеха не имели и сыграли не последнюю роль в падении популярности Баратынского, определившемся в начале тридцатых годов.

Потерпев поражение в поэмах, Баратынский нашел свой путь в философской лирике и на этом пути вырос в одного из крупнейших русских поэтов с «необщим выражением» своего творческого облика. «Я указываю на современную философию для современных произведений, — писал Баратынский, — как на магнитную стрелку, могущую служить путеводителем в наших литературных поисках».

Живя в Москве, Баратынский окончательно закрепил дружеские и идеологические связи с кругом либеральной дворянской интеллигенции, проникнутой еще в значительной мере декабристскими настроениями. Атмосфера в этом кругу была насыщена общественными, философскими и литературными интересами.

С начала 1835 года друзья Баратынского (при его активном участии) предприняли издание журнала «Московский наблюдатель». Это была последняя (и окончившаяся неудачей) попытка объединения живых сил дворянской интеллигенции с целью организации идейного отпора буржуазно-капиталистическому наступлению на дворянскую культуру. В первой книжке «Московского наблюдателя» было напечатано программное стихотворение Баратынского «Последний поэт», направленное против наступающего «желез-

ного века» с его «промышленными заботами» о «насушном и полезном», против капиталистической цивилизации («просвещение»), убивающей «ребяческие сны поэзии».

Разлад с миром современной действительности, пессимистическое ощущение одиночества и обреченности, безнадежные раздумья о грядущих судьбах человечества составляют основное идейное содержание поздней лирики Баратынского. Центральной темой ее была трагическая судьба «последнего поэта», гибнущего в условиях «железного века».

В 1835 году появилось «Собрание сочинений» Баратынского. Книга не имела успеха. Баратынский очутился в положении поэта, отвергнутого современниками. В 1842 году он выпустил последний сборник стихотворений «Сумерки».

В сентябре 1843 года Баратынский уехал за границу, посетил Германию, Францию и Италию. В Париже он завязал знакомства с рядом видных литературных и общественных деятелей.

В апреле 1844 года Баратынский уехал в Италию и скоропостижно скончался 29 июня 1844 года в Неаполе.

Вл. О.

ДЕЛЬВИГУ

Так, любезный мой Гораций,
Так, хоть рад, хотя не рад,
Но теперь я Муз и Граций
Променял на вахтпарад;
Сыну милому Венеры,
Рощам Пафоса, Цитеры,
Приуныв, прости сказал;
Гордый лавр и мирт веселый
Кивер воина тяжелый
На главе моей измял.
Строю нет в забытой лире,
Хладно день за днем идет,
И теперь меня в мундире
Гений мой не узнает!

Мне ли думать о куплетах?
За свирель... а тут беды!
Марс, затянутый в штиблетах,
Обегает уж ряды,
Кличет ратников по-свойски...
О, судьбы переворот!
Твой поэт летит геройски
Вместо Пинда — на развод.

Вам, свободные пииты,
Петь, любить; меня же вряд

Иль Камены, иль Хариты
В карауле навестят.

Вольный баловень забавы,
Ты, которому дают
Говорливые дубравы
Поэтический приют,
Для кого в долине злачной,
Извиваясь, ключ прозрачный
Вдохновительно журчит,
Ты, кого зовут к свирели
Соловья живые трели, —
Пой, любимец Аонид!
В тихой, сладостной кручине
Слушать буду голос твой,
Как внимают на чужбине
Языку страны родной.
1819(?)

ФИНЛЯНДИЯ

В свои расселины вы приняли певца,
Граниты финские, граниты вековые,
Земли ледяного венца
Богатыри сторожевые.
Он с лирой между вас. Поклон его, поклон
Громадам, миру современным:
Подобно им да будет он
Во все години неизменным!
Как всё вокруг меня пленяет чудно взор!
Там, необъятными водами,
Слилося море с небесами;

Тут с каменной горы к нему дремучий бор
 Сошел тяжелыми стопами,
 Сошел — и смотрится в зеркале гладких вод!
 Уже поздно, день погас; но ясен неба свод.
 На скалы финские без мрака ночь нисходит
 И только что себе в убор
 Алмазных звезд ненужный хор
 На небосклон она выводит!
 Так вот отечество Одиновых детей,
 Грозы народов отдаленных!
 Так это колыбель их беспокойных дней,
 Разбоям громким посвященных!

Умолк призывный щит, не слышен Скальда
 глас,

Воспламененный дуб угас,
 Развевял буйный ветр торжественные клики;

Сыны не ведают о подвигах отцов,
И в дольном прахе их богов
Лежат низверженные лики!
И всё вокруг меня в глубокой тишине!
О вы, носившие от берега к берегу бои,
Куда вы скрылися, полночные герои?
Ваш след исчез в родной стране.
Вы ль, на скалы ее вперив скорбящи очи,
Плывете в облаках туманною толпой?
Вы ль? Дайте мне ответ, услышите голос
мой,
Зовущий к вам среди молчанья ночи,
Сыны могучие сих грозных, вечных скал!
Как отделились вы от каменной отчизны?
Зачем печальны вы? Зачем я прочитал
На лицах сумрачных улыбку укоризны?
И вы сокрылися в обители теней!
И ваши имена не пощадило время!
Что ж наши подвиги, что слава наших дней,
Что наше ветреное племя?
О, всё своей чредой исчезнет в бездне лет!
Для всех один закон — закон уничтоженья,
Во всем мне слышится таинственный привет
Обетованного забвенья!

Но я, в безвестности, для жизни жизнь любя,
Я, беззаботливый душою,
Вострепещу ль перед судьбою?
Не вечный для времен, я вечен для себя:
Не одному ль воображенью
Гроза их что-то говорит?
Мгновенье мне принадлежит,
Как я принадлежу мгновенью!

Что нѹжды до былых и будущих племен?
Я не для них бренчу незвонкими струнами;
Я, невнимаемый, довольно награжден
За звуки звуками, а за мечты мечтами.
1820

ОТЪЕЗД

Прощай, отчизна непогоды,
Печальная страна,
Где, дочь любимая природы,
Безжизненна весна;
Где солнце нехотя сияет,
Где сосен вечный шум
И моря рев, и всё питает
Безумье мрачных дум;

Где, отлученный от отчизны
Враждебною судьбой,
Изнемогал без укоризны
Изгнанник молодой;
Где, позабыт молвой гремучей,
Но всё душой пиит,
Своею музою летучей
Он не был позабыт!
Теперь, для сладкого свиданья,
Спешу к стране родной;
В воображеньи край изгнанья
Последует за мной:
И камней мшистые громады,
И вид полей нагих,
И вековые водопады,
И шум угрюмый их!
Я вспомню с тайным сладострастьем
Пустынную страну,
Где я в размолвке с тихим счастьем
Провел мою весну,
Но где порою житель неба,
Наперекор судьбе,
Не изменил питомец Феба
Ни музам, ни себе.

1820

РАЗЛУКА

Расстались мы; на миг очарованьем,
На краткий миг была мне жизнь моя;
Словам любви внимать не буду я,
Не буду я дышать любви дыханьем!

Я всё имел, лишился вдруг всего;
Лишь начал сон... исчезло сновиденье!
Одно теперь унылое смущенье
Осталось мне от счастья моего.

1820

РОПОТ

Он близок, близок день свиданья,
Тебя, мой друг, увижу я!
Скажи: восторгом ожиданья
Что ж не трепещет грудь моя?
Не мне роптать; но дни печали,
Быть может, поздно миновали:
С тоской на радость я гляжу,
Не для меня ее сиянье,
И я напрасно упованье
В больной душе моей бужу.
Судьбы ласкающей улыбкой
Я наслаждаюсь не вполне:
Всё мнится, счастлив я ошибкой
И не к лицу веселье мне.

1820

ВОДОПАД

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины.

Я слышу: свищет Аквилон,
Качает елию скрипучей,
И с непогодою ревучей
Твой рев мятежный согласен.

Зачем с безумным ожиданьем
К тебе прислушиваюсь я?
Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Как очарованный стою
Над дымной бездною твоею
И, мнится, сердцем разумею
Речь безглагольную твою.

Шуми, шуми с крутой вершины,
Не умолкай, поток седой!
Соединяй протяжный вой
С протяжным отзывом долины!
[1821]

РАЗУВЕРЕНИЕ

Не искушай меня без нүжды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!
Уж я не верю увереньям,

Уж я не верую в любовь,
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.
[1821]

ЛЕТА

Душ холодных упованье,
Неприятный ручей,
Чье докучное журчанье
Усыпляет Элизей!
Так! достоин ты укора:
Для чего в твоих водах
Погибает без разбора
Память горестей и благ?
Прочь с нещадным утешеньем!
Я минувшее люблю
И вовек утех забвеньем
Мук забвенья не куплю.
[1823]

ДВЕ ДОЛИ

Дало две доли провидение
На выбор мудрости людской:
Или надежду и волнение,
Иль безнадежность и покой.

Верь тот надежде обольщающей,
Кто бодр неопытным умом,
Лишь по молве разновещающей
С судьбой насмешливой знаком.

Надейтесь, юноши кипящие!
Летите: крылья вам даны;
Для вас и замыслы блестящие,
И сердца пламенные сны!

Но вы, судьбину испытавшие,
Тщету утех, печали власть,
Вы, знанье бытия приявшие
Себе на тягостную часть!

Гоните прочь их рой прельстительный;
Так! доживайте жизнь в тиши
И берегите хлад спасительный
Своей бездейственной души.

Своим бесчувствием блаженные,
Как трупы мертвых из гробов,
Волхва словами пробужденные,
Встают со скрежетом зубов, —

Так вы, согрев в душе желанья,
Безумно вдавшись в их обман,
Проснетесь только для страдания,
Для боли новой прежних ран.

[1823]

БЕЗНАДЕЖНОСТЬ

Желанье счастья в меня вдохнули боги;
Я требовал его от неба и земли,
И вслед за призраком, манящим издали,
Жизнь перешел до полдороги;
Но прихотям судьбы я боле не служу:
Счастливым отдыхом, на счастье похожим,
Отныне с рубежа на поприще гляжу
И скромно кланяюсь прохожим.

[1823]

ПРИЗНАНИЕ

Притворной нежности не требуй от меня:
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты права, в нем уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.

Напрасно я себе на память приводил
И милый образ твой и прежние мечтанья:
Безжизненны мои воспоминанья,
Я клятвы дал, но дал их выше сил.

Я не пленен красавицей другою,
Мечты ревнивые от сердца удали;
Но годы долгие в разлуке протекли,
Но в бурях жизненных развлекся я душою.

Уж ты жила неверной тенью в ней;
Уже к тебе взывал я редко, принужденно,
И пламень мой, слабея постепенно,
Собою сам погас в душе моей.

Верь, жалок я один. Душа любви желает,
Но я любить не буду вновь;
Вновь не забудусь я: вполне упоевает
Нас только первая любовь.

Грущу я; но и грусть минует, знаменуя
Судьбины полную победу надо мной:
Кто знает? мнением сольюсь я с толпой;
Подругу, без любви, кто знает? изберу я.
На брак обдуманый я руку ей подам

И в храме стану рядом с нею,
Невинной, преданной, быть может, лучшим
снам,

И назову ее моею,
И весть к тебе придет, но не завидуй нам:
Обмена тайных дум не будет между нами,
Душевым прихотям мы воли не дадим:
Мы не сердца под брачными венцами,
Мы жребии свои соединим.

Прощай! Мы долго шли дорогою одною:
Путь новый я избрал, путь новый избери;
Печаль бесплодную рассудком усмири
И не вступай, молю, в напрасный суд
со мною.

Невластны мы в самих себе
И, в молодые наши леты,
Даем поспешные обеты,
Смешные, может быть, всевидящей судьбе.
11823]

ИСТИНА

О счастье с младенчества тоскуя,
Всё счастьем беден я,
Или вовек его не обрету я
В пустыне бытия?

Младые сны от сердца отлетели,
Не узнаю я свет;
Надежд своих лишен я прежней цели,
А новой цели нет.

Безумен ты и все твои желанья —
Мне первый опыт рек;
И лучшие мечты моей созданья
Отвергнул я навек.

Но для чего души разуверенье
Свершилось не вполне?
Зачем же в ней слепое сожаленье
Живет о старине?

Так некогда обдумывал с роптаньем
Я дольний жребий свой,
Вдруг Истину (то не было мечтаньем)
Узрел перед собой.

«Светильник мой укажет путь ко счастью!
(Вещала) Захочу
И, страстного, отрадному бесстрастью
Тебя я научу.

Пускай со мной ты сердца жар
погубишь,
Пускай, узнав людей,
Ты, может быть, испуганный, разлюбишь
И ближних и друзей.

Я бытия все прелести разрушу,
Но ум наставлю твой;
Я оболью суровым хладом душу,
Но дам душе покой».

Я трепетал, словам ее внимая,
И горестно в ответ

Промолвил ей: «О гостя роковая!
Печален твой привет.

Светильник твой — светильник
погребальный
Всех радостей земных!
Твой мир, увы! могилы мир печальный
И страшен для живых.

Нет, я не твой! в твоей науке строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-как моей дорогой
Один я побреду.

Прости! иль нет: когда мое светило
Во звездной вышине
Начнет бледнеть, и всё, что сердцу мило,
Забыть придется мне, —

Явись тогда! раскрой тогда мне очи,
Мой разум просвети;
Чтоб, жизнь презрев, я мог в обитель
ночи
Безропотно сойти».

[1824]

ЗВЕЗДА

Взгляни на звезды: много звезд
В безмолвии ночном
Горит, блестит кругом луны
На небе голубом.

Взгляни на звезды: между них
Милее всех одна!
За что же? ранее встает,
Ярчей горит она?

Нет! утешает свет ее
Расставшихся друзей:
Их взоры, в синей вышине,
Встречаются на ней.

Она на небе чуть видна;
Но с думою глядит,
Но взору шлет ответный взор
И нежностью горит.

С нее в лазоревую ночь
Не сводим мы очес,
И провожаем мы ее
На небо и с небес.

Себе звезду избрал ли ты?
В безмолвии ночном
Их много блещет и горит
На небе голубом.

Не первой вставшей сердце вверх
И, суетный в любви,
Не лучезарнейшую всех
Своею назови.

Ту назови своей звездой,
 Что с думою глядит
 И взору шлет ответный взор
 И нежностью горит!
 1824

ПЕСНЯ

Когда взойдет денница золотая,
 Горит эфир,
 И ото сна встает, благоухая,
 Цветущий мир,
 И славит всё существованья сладость, —
 С душой твоей
 Что в пору ту? скажи: живая радость,
 Тоска ли в ней?

Когда на дев цветущих и приветных,
 Перед тобой
 Мелькающих в одеждах разноцветных,
 Глядишь порой,
 Глядишь и пьешь их томных взоров
 сладость, —
 С душой твоей
 Что в пору ту? скажи: живая радость,
 Тоска ли в ней?

Страдаю я! Из-за дубравы дальней
 Взойдет заря,
 Мир озарит, души моей печальной
 Не озаря.
 Будь новый день любимцу счастья
 в сладость, —
 Душе моей

Противен он! Что прежде было в радость,
То в муку ей.

Что красоты, почти всегда лукавой,
Мне долгий взор?

Обманчив он! Знаком с его отравой
Я с давних пор.

Обманчив он! Его живая сладость
Душе моей

Страшна теперь! Что прежде было в радость,
То в муку ей.

1824—1825

НАДПИСЬ

Взгляни на лик холодный сей,
Взгляни: в нем жизни нет;
Но как на нем былых страстей
Еще заметен след!

Так ярый ток, оледенев,
Над бездною висит,
Утратив прежний грозный рев,
Храня движенья вид.

1825

ДЕВУШКЕ, ИМЯ КОТОРОЙ БЫЛО АВРОРА

Выдь, дохни нам упоеньем,
Соименница зари;
Всех румяным появленьем
Оживи и озари!

Пылкий юноша не сводит
Взоров с милой, и порой
Мыслит с тихою тоской:
«Для кого она выводит
Солнце счастья за собой?»
1825

ЭЛИЗИЙСКИЕ ПОЛЯ

Бежит неверное здоровье,
И каждый час готовлюсь я
Свершить последнее условие,
Закон последний бытия;
Ты не спасешь меня, Киприда!
Пробьют урочные часы,
И низойдет к брегам Анда
Певец веселья и красоты.

Простите, ветреные друзья,
С кем беззаботно в жизни сей
Делил я шумные досуги
Разгульной юности моей!
Я не боюсь новоселья;
Где б ни жил я, мне всё равно:
Там тоже славить от безделья
Я стану дружбу и вино.
Не изменяю в подземном мире,
И там на шаловливой лире
Превозносить я буду вновь
Покойной Дафне и Темире
Неприхотливую любовь.

О Дельвиг! слезы мне не нужны;
Верь: в закоцитной стороне
Прием радушный будет мне:
Со мною Музы были дружны!
Там, в очарованной тени,
У струй, где нежатся поэты,
Прочту Катуллу и Парни
Мои небрежные куплеты,
И улыбнутся мне они.

Когда из та́инственной сени,
От темных Орковых полей,
Здесь навещать своих друзей
Порою могут наши тени, —
Я навешу, о други, вас;
Сыны забавы и веселья!
Когда для шумного похмелья
Вы соберетесь в праздный час,
Приду я с вами Вакха славить;
А к вам молитва об одном:
Прибор покойнику оставить
Не позабудьте за столом.

Меж тем за тайными берегами
Друзей вина, друзей пиров,
Веселых, добрых мертвецов
Я подружу заочно с вами.
И вам, чрез день или другой,
Закон губительный Зевеса
Велит покинуть мир земной;
Мы встретим вас у врат Айдеса
Знакомой, дружеской толпой;
Наполним радостные чаши,

Хвала свиданью возгремит,
И огласят приветы наши
Весь необъемлемый Аид!

[1825]

ПРЫ

Друзья мои! я видел свет,
На всё взглянул я верным оком:
Душа полна была сует,
И долго плыл я общим током...
Безумству долг мой заплачон,
Мне что-то взоры прояснило;
Но, как премудрый Соломон,
Я не скажу: всё в мире сон!
Не всё мне в мире изменило:
Бывал обманут сердцем я,
Бывал обманут я рассудком;
Но никогда еще, друзья,
Обманут не был я желудком.

Признаться каждый должен в том,
Любовник, иль поэт, иль воин:
Лишь беззаботный гастроном
Названья мудрого достоин.
Хвала и честь его уму!
Дарами нужными ему
Земля усеяна роскошно.
Пускай герою моему,
Пускай, друзья, порою тошно,
Зато не грустно: горя чужд
Среди веселостей вседневных,

Не знает он душевных нужд,
Не знает он и мук душевных.
Трудясь над смесью рифм и слов,
Поэты наши чуть не плачут;
Своих почтительных рабов
Порой красавицы дурачут;
Иной храбрец, в отцовский дом
Явясь уродом с поля славы,
Подозревал себя глупцом;
О бог стола, о добрый Ком,
В твоих утехах нет отравы!
Прекрасно лирою своей
Добиться памяти людей,
Служить любви еще прекрасней,
Приятно драться; но, ей-ей,
Друзья, обедать безопасней!

Как не любить родной Москвы!
Но в ней не град первопрестольный,
Не золоченые главы,
Не гул потехи колокольной,
Не сплетни вестницы-молвы
Мой ум пленили своевольный.
Я в ней люблю весельчаков,
Люблю роскошное довольство
Их продолжительных пиров,
Богатой знати хлебосољство
И дарованья поваров.
Там прямо веселы беседы;
Вполне уважен хлебосол;

Вполне торжественны обеды;
Вполне богат и лаком стол.
Уж он накрыт, уж он рядами
Несчетных блюд отягощен
И беззаботными гостями
С благоговеньем окружен.
Еще не сели; всё в молчаньи;
И каждый гость, вблизи стола,
С веселой ясностью чела
Стоит в роскошном ожиданьи;
И сквозь прозрачный, легкий пар
Сияют лакомые блюда,
Златых плодов, десерта груды...
Зачем удел мой слабый дар!
Но так весной ряды курганов
При пробужденных небесах
Сияют в пурпурных лучах
Под дымом утренних туманов.
Садятся гости. Граф и князь,
В застольном деле все удалы,
И осушают не ленясь
Свои широкие бокалы:
Они веселье в сердце льют,
Они смягчают злые толки;
Друзья мои, где гости пьют,
Там речи вздорны, но не колки.
И начались чудеса:
Смешались быстро голоса;
Собранье глухо зашумело;
Своих собак, своих друзей,
Певцов, героев хвалят смело;
Вино разнежило гостей
И даже ум их разогрело.

Тут всё торжественно встает,
И каждый гость, как муж толковый,
Узнать в гостиную идет,
Чему смеялся он в столовой.

Меж тем одним ли богачам
Доступны праздничные чаши?
Не мудрены пирушки наши,
Но не уступят их пирам.
В углу безвестном Петрограда,
В тени деревьев, во мраке сада,
Тот домик помните ль, друзья,
Где наша верная семья,
Оставя скуку за порогом,
Соединялась в шумный круг
И без чинов с румяным богом
Делила радостный досуг?
Вино лилось, вино сверкало;
Сверкали блески острых слов,
И веки сердце проживало
В немного пламенных часов.
Стол покрывала ткань простая;
Не восхищались на нем
Мы ни фарфорами Китая,
Ни драгоценным хрусталем:
И между тем сынам веселья
В стекло простое бог похмелья
Лил через край, друзья мои,
Свое любимое Аи.
Его звездающаяся влага
Недаром взоры веселит:
В ней укрывается отвага,
Она свободою кипит,

Как пылкий ум не терпит плена,
Рвет пробку резвою волной,
И брызжет радостная пена,
Подобье жизни молодой.
Мы в ней заботы потопляли
И средь восторженных затей
«Певцы пируют, — восклицали. —
Слепая чернь, благоговей!»

Любви слепой, любви безумной
Тоску в душе моей тая,
Насилу, милые друзья,
Делить восторг беседы шумной
Тогда осмеливался я.
«Что потакать мечте унылой? —
Кричали вы. — Смелее пей!
Развеселись, товарищ милый,
Для нас живи, забудь о ней!»
Вздохнув, рассеянно послушный,
Я пил с улыбкой равнодушной;
Светлела мрачная мечта,
Толпой скрывались печали,
И задрожавшие уста
«Бог с ней» невнятно лепетали.

И где ж изменница-любовь!
Ах, в ней и грусть — очарованье!
Я испытать желал бы вновь
Ее знакомое страданье!
И где ж вы, резвые друзья,
Вы, кем жила душа моя!
Разлучены судьбою строгой:
И каждый с ропотом вздохнул

И брату руку протянул
И вдаль побрел своей дорогой;
И каждый в горести немой,
Быть может, праздною мечтой
Теперь бывшее пролетает
Или за трапезой чужой
Свои пиры воспоминает.

О если б, теплою мольбой
Обезоружив гнев судьбины,
Перенестись от скал чужбины
Мне можно было в край родной!
(Мечтать позволено поэту)
У вод домашнего ручья
Друзей, разбросанных по свету,
Соединил бы снова я.
Дубравой темной осененный,
Родной отцам моих отцов,
Мой дом, свидетель двух веков,
Поникнул кровлею смиренной.
За много лет до наших дней
Там в чаши чашами стучали,
Любили пламенно друзей
И с ними шумно пировали...
Мы, те же сердцем в век иной,
Сберемтесь дружеской толпой
Под мирный кров домашней сени:
Ты, верный мне, ты, Дельвиг мой,
Мой брат по музам и по лени,
Ты, Пушкин наш, кому дано
Петь и героев, и вино,
И страсти молодости пылкой,
Дано с проказливым умом

Мара.

Быть сердца верным знатоком
И лучшим гостем за бутылкой, —
Вы все, делившие со мной
И наслажденья и мечтанья,
О, поспешите в домик мой
На сладкий пир, на пир свиданья!

Слепой владычицей сует
От колыбели позабытый,
Чем угостит анахорет,
В смиренной хижине укрытый?
Его пустынный обед
Не будет лакомый, но сытый.
Веселый будет ли, друзья?
Со дня разлуки, знаю я,

И дни и годы пролетели,
И разгадать у бытия
Мы много тайного успели:
Что ни ласкало встарину,
Что прежде сердцем ни владело,
Подобно утреннему сну,
Всё изменило, улетело!
Увы! на память нам придут
Те песни за веселой чашей,
Что на Парнасе берегут
Преданья молодости нашей:
Собранье пламенных замет
Богатой жизни юных лет;
Плоды счастливого забвенья,
Где воплотить умел поэт
Свои живые сновиденья...
Не обрести замены им!
Чему же веру мы дадим? —
Пирам! В безжизненные лета
Душа остывшая согрета
Их утешением живым.
Пускай навек исчезла младость,
Пируйте, други: стуком чаш,
Авось, приманенная радость
Еще заглянет в угол наш...
1820—1825

А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Очарованье красоты
В тебе не страшно нам;
Не будишь нас, как солнце, ты
К мятежным суетам;

А. А. Восейкова.

От дольней жизни, как луна,
Манишь за край земной,
И при тебе душа полна
Священной тишиной.

/1827/

НАЯДА

Весь грот: Наяда там в полдневные часы
Дремоте предает усталые красы,
И часто вижу я, как нимфа молодая

Я братьев знал, но сны молодые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других.

Я твой, родимая дуброва!
Но от насильственных судьбин
Молить хранительного крова
К тебе пришел я не один.

Привел под сень твою святую
Я соучастницу в мольбах:
Мою супругу молодую
С младенцем тихим на руках.

Пускай, пускай в глуши смиренной,
С ней, милой, быт мой утая,
Других урочищ вселенной
Не буду помнить бытия.

Пускай, о свете не тоскуя,
Предав забвению людей,
Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни в любви моей.
1827

СМЕРТЬ

Смерть дочь тьмы не назову я
И, раболепною мечтой
Гробовый остов ей даруя,
Не ополчу ее косою.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЕВГЕНИИ БАРАТЫНСКАГО.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА.

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЕЛИКОРУССКОЙ АКАДЕМИИ

1817.

О дочь верховного Эфира!
О светозарная краса!
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.

Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил,
В твое хранение всемогущий
Его устройство поручил.

И ты летаешь над твореньем,
Согласье прям его лия,
И в нем прохладным дуновеньем
Смиряя буйство бытия.

Ты укрощаешь восстающий
В безумной силе ураган,
Ты, на брега свои бегущий,
Вспять возвращаешь океан.

Даешь пределы ты растенью,
Чтоб не покрыл гигантский лес
Земли губительною тенью,
Злак не восстал бы до небес.

А человек! святая дева!
Перед тобой с его ланит
Мгновенно сходят пятна гнева,
Жар любострастия бежит.

Дружится праведной тобою
Людей недружная судьба:

Ласкаешь тою же рукою
Ты властелина и раба.

Недоуменье, принуждение —
Условье смутных наших дней,
Ты всех загадок разрешенье,
Ты разрешенье всех цепей.
1829

* * *

Мой дар убог и голос мой не громок,
Но я живу, и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие;
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах: как знать? душа моя
Окажется с душой его в сношеньи,
И как нашел я друга в поколеньи,
Читателя найду в потомстве я.
1829

* * *

Не подражай: своеобразен гений
И собственным величием велик;
Доратов ли, Шекспиров ли двойник,
Досаден ты: не любят повторений.
С Израилем певцу один закон:
Да не творит себе кумира он!
Когда тебя, Мицкевич вдохновенный,
Я застаю у Байроновых ног,

Я думаю: поклонник униженный!
Восстань, восстань и вспомни: сам ты
бог!

1829

ПОДРАЖАТЕЛЯМ

Когда печалью вдохновенный
Певец печаль свою поет,
Скажите: отзыв умиленный
В каком он сердце не найдет?
Кто, вековых проклятий жаден,
Дерзнет осмеивать ее?
Но для притворства всякий хладен,
Плач подражательный досаден,
Смешно жеманное вытье.
Не напряженного мечтанья
Огнем услужливым согрет,
Постигнул таинства страданья
Душесутильный поэт.
В борьбе с тяжелою судьбою
Познал он меру вышних сил,
Сердечных судорог ценою
Он выраженья их купил.
И вот нетленными лучами
Лик песнопевца окружен,
И чтим земными племенами,
Подобно мученику, он.
А ваша муза площадная,
Тоской заемною мечтая
Родить участие в сердцах,
Подобна нищей развращенной,

Молящей лепты незаконной
С чужим ребенком на руках.
1829

К. А. СВЕРБЕЕВОЙ

В небе нашем исчезает
И, красой своей горда,
На другое востекает
Переходная звезда;
Но навек ли с ней проститься?
Нет, предписан ей закон:
Рано ль, поздно ль воротиться
На старинный небосклон.

Небо наше покидая,
Ты ли, милая звезда,
Небесам другого края
Передашься навсегда?
Весела красой чудесной,
Потеки в желанный путь;
Только странницей небесной
Воротись когда-нибудь!
1829

МУЗА

Не ослеплен я Музою моею;
Красавицей ее не назовут,
И юноши, узрев ее, за нею
Влюбленную толпой не побегут.

Приманивать изысканным убором,
Игрою глаз, блестящим разговором
Ни склонности у ней, ни дара нет;
Но поражен бывает мельком свет
Ее лица необщим выраженьем,
Ее речей спокойной простотой;
И он, скорей чем едким осужденьем,
Ее почитит небрежной похвалой.

1829

* * *

Чудный град порой сольется
Из летучих облаков;
Но лишь ветер его коснется,
Он исчезнет без следов!
Так мгновенные созданья
Поэтической мечты
Исчезают от дыханья
Посторонней суеты.

1830

* * *

В дни безграничных увлечений,
В дни необузданных страстей
Со мною жил превратный гений,
Наперсник юности моей.
Он жар восторгов несогласных
Во мне питал и раздувал;
Но соразмерностей прекрасных
В душе носил я идеал:
Когда лишь праздников смятенья

Алкал безумец молодой,
Поэта мерные творенья
Блистали стройной красотой.

Страстей порывы утихают,
Страстей мятежные мечты
Передо мной не затмевают
Законов вечной красоты;
И поэтического мира
Огромный очерк я узрел
И жизни даровать, о лира!
Твое согласие захотел.
1832

НА СМЕРТЬ ГЁТЕ

Предстала — и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, занé совершил
В пределе земном всё земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалей,
Что гения череп — наследье червей.

Погас! но ничто не оставлено им
Под солнцем живых без привета;
На всё отозвался он сердцем своим,
Что просит у сердца ответа:
Крылатою мыслью он мир облетел,
В одном беспредельном нашел ей предел.

Всё дух в нем питало: труды мудрецов,
Искусств вдохновенных созданья,

Преданья, заветы минувших веков,
Цветущих времен упования.
Мечтою по воле проникнуть он мог
И в нищую хату и в царский чертог.

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

Изведен, испытан им весь человек!
И ежели жизнью земною
Творец ограничил летучий наш век
И нас за могильной доскою,
За миром явлений, не ждет ничего, —
Творца оправдает могила его.

И если загробная жизнь нам дана,
Он, здешней вполне отдышавший
И в звучных, глубоких отзвуках сполна
Всё дольное долу отдавший, —
К предвечному легкой душой возлетит,
И в небе земное его не смутит.

1832

* * *

Наслаждайтесь: всё проходит!
То благой, то строгий к нам,
Своенравно рок приводит
Нас к утехам и к бедам.

Чужд он долгого пристрастья:
Вы, чья жизнь полна красы,
На лету ловите счастья
Ненадежные часы.

Не ропщите: всё проходит,
И ко счастью иногда
Неожиданно приводит
Нас суровая беда.
И веселью и печали
На изменчивой земле
Боги праведные дали
Одинакие криле.

[1835]

* * *

Когда исчезнет омраченье
Души болезненной моей?
Когда увижу разрешенье
Меня опутавших сетей?
Когда сей демон, наводящий
На ум мой сон, его мертвящий,
Отыдет, чадный, от меня
И я увижу луч блестящий
Всеозаряющего дня?
Освобожусь воображеньем
И крылья духа подыму
И пробужденным вдохновеньем
Природу снова обниму?

Вотще ль мольбы? напрасны ль пени?
Увижу ль снова ваши сени,

Сады поэзии святой?
Увижу ль вас, ее светила?
Вотще! я чувствую: могила
Меня живого приняла
И, легкий дар мой удушая,
На грудь мне дума роковая
Гробовой насыпью легла.
[1835]

* * *

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.
Душа певца, согласно излитая,
Разрешена от всех своих скорбей;
И чистоту поэзия святая
И мир отдаст причастнице своей.
[1835]

* * *

Своенравное прозвание
Дал я милой в ласку ей:
Безотчетное созданье
Детской нежности моей;
Чуждо явного значенья,
Для меня оно символ
Чувств, которых выраженья
В языках я не нашел.
Вспыхнув полною любовью
И любви посвящено,

Не хочу, чтоб суесловью
Было ведомо оно.
Что в нем свету? Но сомненье
Если дух ей возмутит,
О, его в одно мгновенье
Это имя победит;
Но в том мире, за могилой,
Где нет образов, где нет
Для узнанья, друг мой милый,
Здесьних чувственных примет, —
Им бессмертье я привечу,
К безднам им воскликну я,
Да душе моей навстречу
Полетит душа твоя.

[1835]

ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ

Век шествует путем своим железным;
В сердцах корысть, и общая мечта.
Час от часу насущным и полезным
Отчетливей, бесстыдней занята.
Исчезнули при свете просвещенья
Поэзии ребяческие сны,
И не о ней хлопочут поколенья,
Промышленным заботам преданы.

Для ликующей свободы
Вновь Эллада ожила,
Собрала свои народы
И столицы подняла:
В ней опять цветут науки,

Носит понт торговли груз,
Но не слышны лиры звуки
В первобытном рае муз!

Блестит зима дряхлеющего мира,
Блестит!.. Суров и бледен человек;
Но зелены в отечестве Омира
Холмы, леса, берега лазурных рек;
Цветет Парнас: пред ним, как в оны годы,
Кастальский ключ живой струею бьет;
Нежданный сын последних сил природы —
Возник Поэт: идет он и поет.

Воспевает, простодушный,
Он любовь и красоту,
И науки, им ослушной,
Пустоту и суету:
Мимолетные страданья
Легкомыслием целя,
Лучше, смертный, в дни незнанья
Радость чувствует земля.

Поклонникам Урании холодной
Поет, увы! он благодать страстей:
Как пажити Эол бурнопогодный,
Плодотворят они сердца людей;
Живительным дыханием развита,
Фантазия подьемлется от них,
Как некогда возникла Афродита
Из пенистой пучины вод морских.

И зачем не предадимся
Снам улыбчивым своим?

Е. А. Баратынский.

Жарким сердцем покоримся
Думам хладным, а не им!
Верьте сладким убеждениям
Вас ласкающих очес
И отрадным откровеньям
Сострадательных небес!

Суровый смех ему ответом; персты
Он на струнах своих остановил,
Сомкнул уста, вещать полуотверсты,
Но гордя главы не преклонил.
Стопы свои он в мыслях направляет
В немую глушь, в безлюдный край; но свет
Уж праздного вертепа не являет...
И на земле уединенья нет!

Человеку непокорно
Море синее одно:
И свободно, и просторно,
И приветливо оно;
И лица не изменило
С дня, в который Аполлон
Поднял вечное светило
В первый раз на небосклон.

Оно шумит перед скалой Левкада.
На ней певец, мятежной думы полн,
Стоит... в очах блеснула вдруг отрада:
Сия скала... тень Сафо!.. голос волн!..
Где погребла любовница Фаона
Отверженной любви несчастный жар,
Там погребет питомец Аполлона
Свои мечты, свой бесполезный дар!

И попрежнему блистает
Хладной роскошью свет:
Серебрит и позлащает
Свой безжизненный скелет;
Но в смущение приводит
Человека вал морской,
И от шумных вод отходит
Он с тоскующей душой!
1834--1835

ВОКАЛ

Полный влагой искрометной,
Зашипел ты, мой бокал!
И покрыл туман приветный
Твой озябнувший кристалл..
Ты не встречен братьей шумной,
Буйных оргий властелин:
Сластолюбец вольнодумный,
Я сегодня пью один.

Чем душа моя богата,
Всё твое, о друг Аи!
Ныне мысль моя не сжата
И свободны сны мои;
За струею вдохновенной
Не рассеян данник твой
Бестолково оживленной,
Разногласною толпой.

Мой восторг неосторожный
Не обидит никого;
Не откроет дружбе ложной

Таин счастья моего;
Не смутит глупцов ревнивых
И торжественных невежд
Излияньем горделивых
Иль святых моих надежд!

Вот теперь со мной беседуй,
Своенравная струя!
Упоенья проповедуй
Иль отравы бытия;
Сердцу милые преданья
Благодатно оживи
Или прошлые страданья
Мне на память призови!

О, бокал уединенья!
Не усилены тобой
Пошлой жизни впечатленья,
Словно чашей круговой:
Плодородней, благородней,
Дивной силой будишь ты
Откровенья преисподней
Иль небесные мечты.

И один я пью отныне!
Не в людском шуме пророк —
В немотствующей пустыне
Обретает свет высок!
Не в бесплодном развлеченьи
Общежительных страстей,
В одиноком упоеньи
Мгла падет с его очей!

/1835/

ОСЕНЬ

И вот сентябрь! Замедля свой восход,
Сияньем хладным солнце блещет,
И луч его в зеркале зыбком вод
Неверным золотом трепещет.
Седая мгла виется вокруг холмов;
Росой затоплены равнины;
Желтеет сень кудрявая дубов
И красен круглый лист осины;
Умолкли птиц живые голоса,
Безмолвен лес, беззвучны небеса!

И вот сентябрь! И вечер года к нам
Подходит. На поля и горы
Уже мороз бросает по утрам
Свои серебристые узоры.
Пробудится ненастливый Эол;
Пред ним помчится прах летучий;
Качаяся, завоюет роща; дол
Покроет лист ее падучий,
И набегут на небо облака,
И, потемнев, запенится река.

Прощай, прощай, сияние небес!
Прощай, прощай, краса природы!
Волшебного шептанья полный лес,
Златочешуйчатые воды!
Веселый сон минутных летних нег!
Вот эхо, в рощах обнаженных;
Секирою тревожит дровосек,
И скоро, снегом убранных,

Своих дубров и холмов зимний вид
Недвижный ток туманно отразит.

А между тем досужий селянин
Плод годовых трудов собирает:
Сметав в стога скошенный злак долин,
С серпом он в поле поспешает.
Гуляет серп. На сжатых бороздах
Снопы стоят в копнах блестящих
Иль тянутся вдоль жнивы на возах,
Под тяжелой ношею скрипящих,
И хлебных скирд золотоверхий град
Подъемлется кругом крестьянских хат.

Дни сельского, святого торжества!
Овины весело дымятся,
И цеп стучит, и с шумом жернова
Ожившей мельницы крутятся.
Иди, зима! На строги дни себе
Припас орадай много блага:
Отрадное тепло в его избе,
Хлеб-соль и пенистая брага, —
С семьей своей вкусит он без забот
Своих трудов благословенный плод!

А ты, когда вступаешь в осень дней,
Орадай жизненного поля,
И пред тобой во благостыне всей
Является земная доля;
Когда тебе житейские бразды,
Труд бытия вознаграждая,
Готовятся подать свои плоды,
И спеет жатва дорогая,

И в зернах дум ее собираешь ты,
Судеб людских достигнув полноты, —

Ты так же ли, как земледел, богат?

И ты, как он, с надеждой сеял;
И так, как он, о дальнем дне наград
Сны позлащенные лелеял...

Любуйся же, гордись восставшим им!

Считай свои приобретения!..

Увы! к мечтам, страстям, трудам мирским

Тобой скоплённые презренья,
Язвительный, неотразимый стыд
Души твоей обманов и обид!

Твой день взошел, и для тебя ясна

Вся дерзость юных легковерий;
Испытана тобою глубина

Людских безумств и лицемерий.

Ты, некогда всех увлечений друг,

Сочувствий пламенный искатель,
Блистательных туманов царь — и вдруг

Бесплодных дебрей созерцатель,
Один с тоской, которой смертный стон
Едва твоей гордыней задушён.

Но если бы негодованья крик,

Но если б вопль тоски великой
Из глубины сердечная возник,

Вполне торжественный и дикий,
Костями бы среди своих забав

Содроглась ветреная младость,
Играющий младенец, зарыдав,

Игрушку б выронил, и радость

Покинула б чело его навек,
И заживо б в нем умер человек!

Зови ж теперь на праздник честный мир!
Спеши, хозяин тароватый!
Проси, сажай гостей своих за пир
Затейливый, замысловатый!
Что лакомству пророчит он утех!
Каким разнообразьем брашен
Блится он!.. Но вкус один во всех
И как могила людям страшен:
Садись один и тризну соверши
По радостям земным твоей души!

Какое же потом в груди твоей
Ни водворится озаренье,
Чем дум и чувств ни разрешится в ней
Последнее вихревертенье:
Пусть в торжестве насмешливом своем
Ум — бесполезный сердца трепет
Угломнит и тщетных жалоб в нем
Удушит запоздалый лепет,
И примешь ты, как лучший жизни клад,
Дар опыта, мертвящий душу хлад;

Иль, отряхнув видения земли
Порывом скорби животворной,
Ее предел завидя невдали,
Цветущий брег за мглою черной,
Возмездий край, благовестящим снам
Доверясь чувством обновленным
И бытия мятежным голосам,
В великом гимне примиренным,

Внимающий как арфам, коих строй
Превыспренний не понят был тобой;

Пред промыслом оправданным ты ниц
    Падешь с признательным смиреньем,
С надеждою, не видящей границ,
    И утоленным разуменьем:
Знай, внутренней своей вовеки ты
    Не передашь земному звуку
И легких чад житейской суеты
    Не посветишь в свою науку:
Знай, горняя иль дольная, она
Нам на земле не для земли дана.

Вот буйственно несется ураган,
    И лес подьемлет говор шумный,
И пенится, и ходит океан,
    И в берег бьет волной безумной:
Так иногда толпы ленивый ум
    Из усыпления выводит
Глас, пошлый глас, вещатель общих дум,
    И звучный отзвук в ней находит;
Но не найдет отзýва тот глагол,
Что страстное земное перешел.

Пускай, приняв неправильный полет
    И вспять стези не обретая,
Звезда небес в бездонность утечет,
    Пусть заменит ее другая:
Не явствует земле ущерб одной,
    Не поражает ухо мира
Падения ее далекий вой,
    Равно как в высотáх эфира

Ее сестры новорожденный свет
И небесам восторженный привет!

Зима идет, и тощая земля
В широких лысинах бессилья,
И радостно блиставшие поля
Златыми класами обилья:
Со смертью жизнь, богатство с нищетой,
Все образы години бывшей
Сравниются под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей:
Перед тобой таков отныне свет,
Но в нем тебе грядущей жатвы нет!
1836—1837

* * *

Сначала мысль, воплощена
В поэму сжатую поэта,
Как дева юная, темна
Для невнимательного света;
Потом, осмелившись, она
Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена,
В свободной прозе романиста;
Болтунья старая, затем
Она, подъявля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.
1838

* * *

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы!

В день ненастный, час гнетучий,
Грудь подымет вздох могучий;

Вольной песнью разольется:
Скорбь-невзгода распоеется!

А как век-то, век-то старый
Обручится с лютой карой;

Груз двойной с груди усталой
Уж не сбросит вздох удалый:

Не положишь ты на голос
С черной мыслью белый волос!
1839

* * *

На что вы, дни! Юдольный мир явленья
Свой не изменит!
Все ведомы, и только повторенья
Грядущее сулит.

Недаром ты металась и кипела,
Развитием спеша,
Свой подвиг ты свершила прежде тела,
Безумная душа!

И тесный круг подлунных впечатлений
Сомкнувшая давно,
Под веяньем возвратных сновидений
Ты дремлешь; а оно

Бессмысленно глядит, как утро встанет,
 Без нѹжды ночь сменя;
 Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,
 Венец пустого дня!

[1840]

* * *

Всё мысль да мысль! Художник бедный
слова!

О жрец ее! тебе забвенья нет;
 Всё тут, да: тут и человек, и свет,
 И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
 Резец, оргán, кисть! Счастлив, кто влеком
 К ним, чувственным, за грань их не ступая!
 Есть хмель ему на празднике мирском!
 Но пред тобой, как пред нагим мечом,
 Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная.

1840

РИФМА

Когда на играх олимпийских,
 На стогнах греческих недавних городов,
 Он пел, питомец муз, он пел среди валов
 Народа, жадного восторгов мусикийских;
 В нем вера полная в сочувствие жила:
 Свободным и широким метром,
 Как жатва, зыблемая ветром,
 Его гармония текла.

Толпа вниманием окована была,
 Пока, могучим сотрясеньем

Вдруг побежденная, плескала без конца
И струны звучные певца
Дарила новым вдохновеньем.
Когда на греческий амвон,
Когда на римскую трибуну
Оратор восходил и славославил он
Или оплакивал народную фортуна,
И устремлялися все взоры на него,
И силой слова своего
Вития властвовал народным произволом:
Он знал, кто он; он ведать мог,
Какой могучий правит бог
Его торжественным глаголом.
Но нашей мысли торжищ нет,
Но нашей мысли нет форума!..
Меж нас не ведает поэт,
Высок полет его иль нет!
Велика ль творческая дума?
Сам судия и подсудимый,
Скажи: твой беспокойный жар —
Смешной недуг иль высший дар?
Реши вопрос неразрешимый.
Среди безжизненного сна,
Средь гробового хлада света
Своею ласкою поэта
Ты, рифма! радуешь одна.
Подобно голубю ковчега,
Одна ему, с родного берега,
Живую ветвь приносишь ты;
Одна с божественным порывом
Миришь его твоим отзывом
И признаешь его мечты!

[1841]

* * *

Что за звуки? Мимоходом
Ты поешь перед народом,
Старец нищий и слепой!
И, как псов враждебных стая,
Чернь тебя обстала злая,
Издеваясь над тобой.

А с тобой издавна тесен
Был союз Камены песен,
И беседовал ты с ней,
Безымянной, роковою,
С дня, как в первый раз тобою
Был услышан соловей.

Бедный старец! Слышу чувство
В сильной песни... Но искусство...
Старцев старее оно:
Эти радости, печали, —
Музыкальные скрыжали
Выражают их давно!

Опрокинь же свой треножник!
Ты избранник, не художник!
Попеченья гений твой
Да отложит в здешнем мире:
Там, быть может, в горнем клире
Звучен будет голос твой!

СКУЛЬПТОР

Глубокий взор вперив на камень,
Художник Нимфу в нем прозрел,
И пробежал по жилам пламень,
И к ней он сердцем полетел.

Но, бесконечно вожделенный,
Уже он властвует собой:
Неторопливый, постепенный
Резец с богини сокровенной
Кору снимает за корой.

В заботе сладостно-туманной
Не час, не день, не год уйдет,
А с предугаданной, с желанной
Покров последний не падет, —

Покуда, страсть уразумев
Под лаской вкрадчивой резца,
Ответным взором Галатея
Не увлечет, желаньем рдея,
К победе неги мудреца.

1841

* * *

Люблю я вас, богини пенья!
Но ваш чарующий наход,
Сей сладкий трепет вдохновенья, —
Предтечей жизненных невзгод.

Любовь Камен с враждой Фортуны —
Одно. Молчу. Боюсь я,

Чтоб пёрсты, падшие на струны,
Не пробудили вновь перуны,
В которых спит судьба моя.

И отрываюсь, полный муки,
От музыки, ласковой ко мне,
И говорю: до завтра звуки,
Пусть день угаснет в тишине.
1841—1842

* * *

Спасибо злобе хлопотливой,
Хвала вам, недруги мои!
Я, не усталый, но ленивый,
Уж пил Летийские струи.

Слегка седеющий мой волос
Любил за право на покой;
Но вот к борьбе ваш дикий голос
Меня зовет и будит мой.

Спасибо вам, я не в утрате!
Как богоизбранный еврей,
Остановили на закате
Вы солнце юности моей!

Спасибо, молодость вторую,
И человеческим сынам
Досель безвестную, пирую
Я в зависть Флакку, в славу вам!
1841—1842(?)

НА ПОСЕВ ЛЕСА

Опять весна; опять смеется луг,
И весел лес своей молодой одеждой,
И поселян неутомимый плуг
Браздит поля с покорством и надеждой.

Но нет уже весны в душе моей,
Но нет уже в душе моей надежды,
Уж дольний мир уходит из очей,
Пред вечным днем я опускаю вежды.

Уж та зима главу мою сребрит,
Что греет сев для будущего мира,
По праг земли не перешел пиит, —
К ее сынам еще взывает лира.

Велик господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает он безумию забав,
Но никогда — пирам злоумышленья.

Кого измял души моей порыв,
Он вызвать мог меня на бой кровавый;
Но подо мной, сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой!

Летел душой я к новым племенам,
Любил, ласкал их пустоцветный колос:
Я дни извел, стучась к людским сердцам,
Всех чувств благих я подавал им голос.

Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрящ другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простяся с лирою моей,
Я верую: ее заменят эти
Поэзии таинственных скорбей
Могучие и сумрачные дети!
1842

* * *

Когда твой голос, о Поэт,
Смерть в высших звуках остановит,
Когда тебя во цвете лет
Нетерпеливый рок уловит, —

Кого закат могучих дней
Во глубине сердечной тронет?
Кто в отзыв гибели твоей
Стесненной грудью восстонет?

И тихий гроб твой посетит
И, над умолкшей Аонидой
Рыдая, пепел твой почтит
Нелицемерной панихидой?

Никто! — Но сложится певцу
Канон намеднишним Зоилом,
Уже кадящим мертвецу,
Чтобы живых задеть кадиллом.
1843

ПШРОСКАФ

Дикою, грозною ласкою полны,
Бьют в наш корабль средиземные волны.
Вот над кормою стал капитан:
Визгнул свисток его. Братствуя с паром,
Ветру наш парус раздался недаром:
Пенясь, глубоко вздохнул океан!

Мчимся. Колеса могучей машины
Роят волнистое лоно пучины.
Парус надулся. Берег исчез.
Наедине мы с морскими волнами;
Только что чайка вьется за нами
Белая, рея меж вод и небес.

Только, вдали, океана жилица,
Чайке подобно, вод его птица,

Парус развив, как большое крыло,
С бурной стихией в томительном споре,
Лодка рыбацья качается в море:
С берегом набрежное скрылось, ушло!

Много земель я оставил за мною;
Вынес я много смятенной душою
Радостей ложных, истинных зол;
Много мятежных решил я вопросов,
Прежде чем руки марсельских матросов
Подняли якорь, надежды символ!

С детства влекла меня сердца тревога
В область свободную влажного бога;
Жадные длани я к ней простирал.
Темную страсть мою днесь награждая,
Кротко щадит меня немочь морская:
Пеною здоровья брызжет мне вал!

Нужды нет, близко ль, далеко ль до берега!
В сердце к нему приготовлена нега.
Вижу Фетиду: мне жребий благой
Емлет она из лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизий земной.

1844. Средиземное море

Иван Иванович Козлов выступил со своими стихами в начале 1820-х годов. Сделался он поэтом поздно, на сороковом году своей жизни. К занятиям литературой его обратила несчастная судьба. Рассказы о его несчастной судьбе много способствовали успеху его стихов.

Современники, читая стихи Козлова, прежде всего вспоминали о горестной судьбе их автора, которая вызывала у них и сочувствие и сострадание. Самый поэтический дар, знали они, пробудился у Козлова под влиянием обрушившихся на него несчастий. «Несчастье сделало его поэтом», писал в статье о Козлове Жуковский.

Козлов родился в Москве 11 апреля 1779 года, в родовитой дворянской семье. Родители предназначили мальчика к военной карьере. По обычаю дворянских семейств той эпохи, его в детстве записали сержантом в гвардейский Измайловский полк. До шестнадцати лет, времени, когда должна была начаться для него фактическая служба в гвардии, он воспитывался дома, в богатой светской семье, обучался языкам у иностранцев-гувернеров. Еще в детстве он овладел итальянским и французским языками и полу-

чил основательное знакомство с классиками мировой литературы.

Достигнув шестнадцати лет, Козлов начал службу в гвардии. Он вел рассеянный образ жизни и прославился как светский танцор и щеголь. Видимо, вследствие истощения наследственных доходов он должен был через некоторое время оставить гвардию и перейти в гражданскую службу. Чиновничья карьера его складывалась удачно. Он быстро продвигался по лестнице чинов.

В 1816 году он заболел. Его постиг паралич ног. Лишился он ног не сразу. В 1818 году он еще мог передвигаться и применял различные способы лечения. В 1819 году он начал слепнуть и к 1821 году совершенно ослеп. Надежда на выздоровление была вскоре утрачена. Его еще два года держали на службе (до 1823 года), но наконец он был уволен по болезни в отставку, с пенсией в 836 рублей в год. С этого времени материальное положение его с каждым годом становится все более неблагополучным.

Вынужденная неподвижность из-за паралича ног побудила его обратиться к чтению. Он занялся языками и присоединил к своему знанию итальянского и французского знание английского и немецкого. В первые годы болезни, когда зрение еще не покинуло его окончательно, он погрузился в чтение и изучение литературы. Он сделался отличным знатоком новой английской поэзии. Знал наизусть всего Байрона, все поэмы Вальтер

226 а н с 1840 5 11 1841

Скотта, лучшие места из Шекспира, так же как знал прежде Расина, Тассо и Данте.

Наконец он начал писать стихи.

Всюду в литературных кругах только и говорили, что о чудесном превращении знаменитого светского кавалера в чувствительного поэта. Поэт Нелединский-Мелецкий записал в свой дневник:

«Теперь он будет известен и потомству, как хороший и чувствительный поэт, а пока видел и танцевал, современники о нем говорили, что весь ум его в ногах».

В. А. Жуковский и весь круг его друзей — П. А. Вяземский, Ал. Ив. Тургенев, А. А. Воейкова (Светлана) — приняли участие в больном Козлове, ободрили Козлова в его первых литературных начинаниях и облегчили ему начальные шаги в литературе.

Широкую известность Козлову принесла его поэма «Чернец», вышедшая отдельной книжкой, вместе с приложением к ней стихотворного послания Козлова к Жуковскому, в 1825 году. Еще прежде, чем «Чернец» был напечатан, он в списках разошелся по России.

В предисловии к первому изданию «Чернца» было сказано несколько слов о судьбе автора этой поэмы. Это предисловие настраивало читателя. Казалось, что рассказываемая в поэме грустная и трогательная история о молодом человеке, потерявшем любимую женщину вследствие гонений судьбы, чем-то перекликается с судьбой

самого Козлова. Белинский писал об этой поэме:

«Она взяла обильную и полную дань с прекрасных глаз; ее знали наизусть и мужчины. «Чернец» возбуждал в публике не меньший интерес, как и первые поэмы Пушкина, с тою разницей, что его совершенно понимали: он был в уровень со всеми натурами, всеми чувствами и понятиями, был по плечу всякому образованию. Это второй пример в нашей литературе после «Бедной Лизы» Карамзина. «Чернец» был для двадцатых годов настоящего столетия тем же самым, чем была «Бедная Лиза» для девяностых годов прошлого века».

Получив «Чернеца» Козлова и его «Послание к Жуковскому», в котором Козлов рассказывает историю своей слепоты, Пушкин писал:

«Послание, может быть, лучше поэмы — по крайней мере, ужасное место, где поэт описывает свое затмение, остается вечным образцом мучительной поэзии».

В своих стихах сам Козлов непрерывно возвращается к теме собственной слепоты, рассказывает о своей несчастной судьбе:

Но что ж!.. И божий свет скрывается
Вдруг начал от моих очей,
И я... я должен был расстаться
С последней радостью моей.

«Чернец» принес Козлову литературную славу. Поэма выдвинула Козлова в ряд первостепенных поэтов современности. Вслед за

«Чернецом» Козлов выпустил целый ряд книг стихов.

В этих книгах своих стихов Козлов обнаружил себя поэтом, усвоившим высокую стиховую культуру пушкинской эпохи. В его стихах нетрудно обнаружить отголоски поэзии Пушкина, Баратынского, Батюшкова, Языкова и особенно Жуковского. Здесь можно найти и голос итальянского сладкозвучия батюшковских стихов, и пушкинское изящество выражения, и элегическую унылость стиха Жуковского, и даже философичность поэзии Баратынского. Но особенно большое влияние на поэзию Козлова оказало творчество Байрона. В русской поэзии Козлову принадлежит заметное место среди ранних русских байронистов. В частности, современникам сразу бросалось в глаза сходство «Чернеца» с «Гяуром» Байрона. Получив в подарок «Чернеца», Пушкин писал:

«Повесть его — прелесть. Сердись он, не сердись, а «хотел простить — простить не мог» достойно Байрона. Видение, конец прекрасны. Хочется отвечать ему стихами».

В посвященном Козлову стихотворении Пушкин писал:

Певец, когда перед тобой
 Во мгле сокрылся мир земной,
 Мгновенно твой проснулся гений,
 На все минувшее возрел
 И в хоре светлых привидений
 Он песни дивные запел.
 О милый брат, какие звуки!
 В слезах восторга внемлю им... <и т. д.>

Но, увлекаясь Байроном и испытав его влияние, Козлов воспринимал в Байроновой поэзии только одну ее сторону. Революционная, бунтарская сторона байронизма ему совершенно чужда. В своей оценке поэзии Байрона Козлов целиком следовал за Жуковским, так же как и Жуковский считая, что Байрона следует «дополнить религией». Именно потому, что ему осталась совершенно чужда бунтарская сторона байронизма, в сущности говоря, в новой английской романтической поэзии ему гораздо более, чем Байрон, были близки политически консервативные английские поэты-романтики так называемой «озерной школы» (Вордсворт и др.).

Эта особенность истолкования Козловым Байрона сказалась и в его поэзии и, прежде всего, в «Чернеце». «Содержание «Чернеца», — писал современный критик, — взято из Байронова «Гяура», но сам герой поэмы существо тихое и кроткое».

В свое время «Чернец» оказал огромное влияние на русскую поэзию. Поэты 1820-х годов искали путей для создания русской стихотворной национально-романтической повести, которая содержала бы материал русской истории, русского быта, русского народного характера, разыскивая на этом пути ответы на поставленную себе задачу создания народного искусства. Эту центральную для поэзии двадцатых годов задачу пытался решить в своем «Чернеце» и Козлов. Бара-

тынский в письме к Козлову прямо говорил о «Чернеце» как о произведении, в котором Козлов уловил стиль русского национально-го романтизма. Впоследствии «Чернец» Козлова имел большое значение и для Лермонтова, поэма которого «Мцыри» во многом напоминает стихи «Чернеца».

Именно в связи с вопросом о путях создания русской национально-романтической стиховой повести очень важна та критика «Чернеца», которую он встретил у декабристов, напавших на элегический и феодально-гуманистический характер идейного замысла этой поэмы. Еще более резко выступал по этому поводу Белинский, критикуя ложное понимание народности.

После успеха «Чернеца», выдержавшего подряд три издания, литературный заработок становится основным источником существования семьи Козлова.

И, однако, оказалось, что этот заработок недостаточен и не может обеспечить семье безбедное существование.

Нужда входит в дом Козлова. Жуковский усердно хлопочет за Козлова и устраивает ему денежные пособия от членов царской семьи, но эти случайные подачки не могут существенно изменить положение вещей. Материальное неблагополучие делается все более ощутимым.

В 1830-е годы состояние здоровья Козлова начало заметно ухудшаться.

В 1837 году, незадолго до своего возвра-

щения в Россию, Жуковский писал П. А. Вяземскому:

«Навести Козлова, он в ужасном положении. Пальцы его одеревятели, его язык начинает неметь. Слух давно ослабел. А душа как будто живет».

И действительно, несмотря на физические страдания, Козлов продолжал писать. Его помощником и секретарем в его литературных занятиях была его дочь Александра.

Вот что рассказывает о своем впечатлении от Козлова один его современник.

«Меня позвали, — рассказывает он, — в кабинет. Это была довольно большая, светлая комната, окнами на двор, а в ней на креслах у письменного стола сидел человек лет пятидесяти, с седыми волосами, бывшими когда-то, судя по остаткам, черными, с чрезвычайно красивыми и правильными чертами лица, в белом галстуке и очень изящном платье, несмотря на ранний час дня (это было около десяти утра)... В его манерах было много благородной простоты... способ объяснения его был как нельзя больше приличен и вежлив, без изысканности и вкрадчивости... Это был человек со всею деликатностью манер, со всею утонченною простотою аристократии... Когда я ему объявил, что намерен издать альманах, и стал просить его не отказать в стихотворении, *чтобы украсить им мою книжку*, Козлов закричал, чтоб ему позвали дочь его. В этом крике уже звучало нетер-

пение слепого, которое так часто в них встречается, если не тотчас исполняют их желание. Несколько минут, истекших прежде, нежели дочь пришла, изменили совершенно характер этой спокойной и приятной наружности: было что-то болезненно-злое в звуках голоса, в чертах лица... И когда бедная девушка, лет восемнадцати, вбежала, даже не успев поправить косу, я понял, что жизнь ее со слепым отцом должна быть ужасна... Торопливо, как загнанный школьник, подала она ему листовой бумажный конверт, в котором хранились его рукописи; по несчастью, это был не тот. «Не этот!» закричал он болезненно-желчным, полным уже какого-то отчаяния голосом, и бедная девушка, испуганная, потерянная, бросилась к шкафу за другим конвертом, который и подала ему».

20 января 1840 года И. И. Козлов заболел воспалением мозга и 30 января 1840 года умер.

Ц. В.

ПЛЕННЫЙ ГРЕК В ТЕМНИЦЕ

Родина святая,
Край прелестный мой!
Всё тобой мечтая,
Рвусь к тебе душой.
Но, увы, в неволе
Держат здесь меня,
И на ратном поле
Не сражаюсь я!

День и ночь терзался
Я судьбой твоей,
В сердце отдавался
Звук твоих цепей.
Можно ль однородным
Братьев позабыть?
Ах, иль быть свободным,
Иль совсем не быть!

И с друзьями смело
Гибельной грозой
За святое дело
Мы помчались в бой.
Но, увы, в неволе
Держат здесь меня,

И на ратном поле
Не сражаюсь я!

И в плену не знаю,
Как война горит;
Вести ожидаю —
Мимо весть летит.
Слух убийств несется,
Страшной мести след;
Кровь родная льется, —
А меня там нет!

Ах, средь бури зреет
Плод, свобода, твой!
День твой ясный рдеет
Пламенной зарей!
Узник неизвестный,
Пусть страдаю я, —
Лишь бы, край прелестный,
Вольным знать тебя!

1822

РОМАНС

<Из Т. Мура>

Есть тихая роща у быстрых ключей;
И днем там, и ночью поет соловей;
Там светлые воды приветно текут,
Там алые розы, красуясь, цветут.
В ту пору, как младость манила мечтать,
В той роще любила я часто гулять;
Любуясь цветами под тенью густой,
Я слышала песни — и млела душой.

Той рощи зеленой мне век не забыть!
Места наслажденья, как вас не любить!
Но с летом уж скоро и радость пройдет,
И душу невольно раздумье берет:
«Ах! в роще зеленой, у быстрых ключей,
Всё так ли, как прежде, поет соловей?
И алые розы осенней порой
Цветут ли всё так же над светлой струей?»

Нет: розы увяли, мутнее струя,
И в роще не слышно теперь соловья!
Когда же, красуясь, там розы цвели,
Их часто срывали, венками плели.
Блеск нежных листочков хотя помрачен,
В росе ароматной их дух сохранен,

И воздух свежился душистой росой;
Весна миновала — а веет весной.

Так памятью можно в минувшем нам жить
И чувств упоенья в душе сохранить;
Так веет отрадно и поздней порой
Бывалая прелесть любви молодой!
Не вовсе же радости время возьмет:
Пусть младость увянет, но сердце цветет.
И сладко мне помнить, как пел соловей,
И розы, и рощу у быстрых ключей.

1823

ВЕНЕЦИАНСКАЯ НОЧЬ

Фантазия

П. А. ПЛЕТНЕВУ

Ночь весенняя дышала
Светло-южною красой;
Тихо Brenta протекала,
Серебримая луной;
Отражен волной огнистой
Блеск прозрачных облаков,
И восходит пар душистый
От зеленых берегов.

Свод лазурный, томный ропот
Чуть дробимыя волны,
Померанцев, миртов шопот
И любовный свет луны,
Упоенья аромата
И цветов и свежих трав,

И вдали напев Торквата
Гармонических октав —

Всё вливает тайно радость.
Чувствам снится дивный мир,
Сердце бьется, мчится младость
На любви весенний пир,
По водам скользят гондолы,
Искры брызжут под веслом,
Звуки нежной баркаролы
Веют легким ветерком.

Что же, что не видно боле
Над игривою рекой
В светлоубранной гондоле
Той красавицы молодой,
Чья улыбка, образ милый
Волновали все сердца
И пленяли дух унылый
Исступленного певца?

Нет ее: она тоскою
В замок свой удалена;
Там живет одна с мечтою,
Тороплива и мрачна.
Не мила ей прелесть ночи,
Не манит серебристый ток,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Но гуще тень ночная;
И красот цветущий рой,
В неге страстной утопая,

Покидает пир ночной.
Стихли пышные забавы,
Всё спокойно на реке,
Лишь Торкватовы октавы
Раздаются вдалеке.

Вот прекрасная выходит
На чугунное крыльцо;
Месяц бледно луч наводит
На печальное лицо;
В русых локонах небрежных
Рисовался легкий стан,
И на персях белоснежных
Изумрудный талисман!

Уж в гондоле одинокой
К той скале она плывет,
Где под башнею высокой
Море бурное ревет.
Там певца воспоминанье
В сердце пламенном живей,
Там любви очарованье
С отголоском прежних дней.

И в мечтах она внимала,
Как полночный вещий бой
Медь гудящая сливала
С вечно шумною волной.
Не мила ей прелесть ночи,
Душен свежий ветерок,
И задумчивые очи
Смотрят томно на восток.

Тучи тянутся грядою,
Затмевается луна;
Ясный свод оделся мглою;
Тьма внезапная страшна.
Вдруг гондола осветилась,
И звезда на высоте
По востоку покатилась
И пропала в темноте.

И во тьме с востока веет
Тихогласный ветерок;
Факел дальний пламенеет, —
Мчится по морю челнок.
В нем уныло молодая
Тень знакомая сидит,
Подле арфа золотая,
Меч под факелом блестит.

Не играйте, не звучите,
Струны дерзкие мои:
Славной тени не гневите!..
О! — свободы и любви
Где же, где певец чудесный?
Иль его не сыщет взор?
Иль угас огонь небесный,
Как блестящий метеор?
1824

<ПОСВЯЩЕНИЕ ИЗ «ЧЕРНЕЦА»>

Прекрасный друг минувших светлых дней,
Надежный друг дней мрачных и тяжелых,
Вина всех дум, и грустных и веселых,
Моя жена и мать моих детей!
Вот песнь моя, которой звук унылый,
Бывало, в час бессонницы ночной,
Какою-то невидимой силой
Меня пленял и дух тревожил мой!
О, сколько раз я плакал над струнами,
Когда я пел страданье Чернеца,
И скорбь души, обманутой мечтами,
И пыл страстей, волнующих сердца!
Моя душа сжилась с его душою:
Я с ним бродил во тьме чужих лесов;
С его родных Днепровских берегов
Мне веяло знакомою тоскою.
Быть может, мне так сладко не мечтать;
Быть может, мне так стройно не певать!
Как мой Чернец, все страсти молодые

В груди моей давно я схоронил;
И я, как он, все радости земные
Небесною надеждой заменил.
Не зреть мне дня с зарями золотыми,
Ни роз весны, ни сердцу милых лиц!
И в цвете лет уж я между живыми
Тень хладная бесчувственных гробниц.
Но я стремлю, встревожен тяжкой мглою,
Мятежный рой сердечных дум моих
На двух детей, взлелеянных тобою,
И на тебя, почти милей мне их.
Я в вас живу, — и сладко мне мечтанье!
Всегда со мной мое очарованье.
Так в темну ночь цветок, краса полей,
Свой запах льет, незримый для очей.
1824

ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

<Из «Слова о полку Игореве»>

княгине з. а. волкон кой

То не кукушка в роще темной
Кукует рано на заре —
В Путивле плачет Ярославна,
Одна на городской стене:

«Я покину бор сосновый,
Вдоль Дуная полечу,
И в Каяль-реке бобровый
Я рукав мой обмочу;

Я домчусь к родному стану,
Где кипел кровавый бой,
Князю я обмою рану
На груди его молодой».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Ветер, ветер, о могучий,
Буйный ветер! Что шумишь?
Что ты в небе черны тучи
И вздуваешь и клубишь?
Что ты легкими крылами
Возмутил покой реки,
Вея ханскими стрелами
На родимые полки?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«В облаках ли тесно веять
С гор крутых чужой земли,
Если хочешь ты лелеять
В синем море корабли?
Что же страхом ты усеял
Нашу долю? для чего
По ковыль-траве развеял
Радость сердца моего?»

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Днепр мой славный! ты волнами
Скалы половцев пробил;

Святослав с богатырями
По тебе свой бег стремил:
Не волнуй же, Днепр широкий,
Быстрый ток студеной вод, —
Ими князь мой черноокий
В Русь святую поплывет».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«О река! Отдай мне друга, —
На волнах его лелей,
Чтобы грустная подруга
Обняла его скорей;
Чтоб я боле не видала
Вещих ужасов во сне,
Чтоб я слез к нему не слала
Синим морем на заре».

В Путивле плачет Ярославна,
Зарей, на городской стене:

«Солнце, солнце, ты сияешь
Всем прекрасно и светло!
В знойном поле что сжигаешь
Войско друга моего?
Жажда луки с тетивами
Иссушила в их руках,
И печаль колчан с стрелами
Заложила на плечах».

И тихо в терем Ярославна
Уходит с городской стены.

1825

РАЗБОЙЩИК

Баллада

<Из Вальтер Скотта>

А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Мила Брайнгельских тень лесов;
Мил светлый ток реки;
И в поле много здесь цветов
Прекрасным на венки.

Туманный дол сребрит луна;
Меня конь борзый мчит:
В дальтонской башне у окна
Прекрасная сидит.

Она поет: «Брайнгельских вод
Мне мил приветный шум;
Там пышно луг весной цветет,
Там рощи полны дум.

Хочу любить я в тишине,
Не царский сан носить;
Там на реке милее мне
В лесу с Эдвином жить».

Когда ты, девица-краса,
Покинув замо́к свой,
Готова в темные леса
Бежать одна со мной,

Ты прежде, радость, угадай,
Как мы в лесах живем;

Каков, узнай, тот дикий край,
Где мы любовь найдем!

Она поет: «Брайнгельских вод
Мне мил приветный шум:
Там пышно луг весной цветет,
Там рощи полны дум.

Хочу любить я в тишине,
Не царский сан носить;
Там на реке милее мне
В лесу с Эдвином жить.

Я вижу борзого коня
Под смелым ездоком:
Ты царский ловчий, — у тебя
Рог звонкий за седлом».

Нет, прелесть! Ловчий в рог трубит
Румяною зарей,
А мой рожок беду звучит,
И то во тьме ночной.

Она поет: «Брайнгельских вод
Мне мил приветный шум;
Там пышно луг весной цветет,
Там рощи полны дум;

Хочу в привольной тишине
Тебя, мой друг, любить;
Там на реке отрадно мне
В лесу с Эдвином жить.

Я вижу, путник молодой,
Ты с саблей и ружьем:
Быть может, ты драгун лихой
И скачешь за полком?»

Нет, гром литавр и трубный глас
К чему среди степей?
Украдкой мы в полночный час
Садимся на коней.

Приветен шум Брайнгельских вод
В зеленых берегах,
И мил в них месяца восход,
Душистый луг в цветах;

Но вряд прекрасной не тужить!
Когда придется ей
В глуши лесной безвестно жить
Подругою моей!

Там чудно, чудно я живу, —
Так, видно, рок велел;
И смертью чудной я умру,
И мрачен мой удел.

Не страшен так лукавый сам,
Когда пред черным днем
Он бродит в поле по ночам
С блестящим фонарем;

И мы в разъездах удалых,
Друзья неверной тьмы,

Уже не помним дней былых
Невинной тишины.

Мила Брайнгельских тень лесов;
Мил светлый ток реки;
И много здесь в лугах цветов
Прекрасным на венки.

1825

**НА ПОГРЕБЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ГЕНЕРАЛА
СИРА ДЖОНА МУРА**

<Из Чарлза Вольфа>

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.

И бедная почестъ в ночи отдана;
Штыками могилу копали;
Нам тускло светила в тумане луна,
И факелы дымно сверкали.

На нем не усопших покров гробовой,
Лежит не в дощатой неволе:
Обернут в широкий свой плащ боевой,
Уснул он, как ратники в поле.

Не долго, но жарко молилась творцу
Дружина его удалая
И молча смотрела в лицо мертвецу,
О завтрашнем дне помышляя.

Быть может, наутро внезапно явясь,
Враг дерзкий, надменности полный,
Тебя не уважит, товарищ, а нас
Умчат невозвратные волны.

О нет, не коснется в таинственном сне
До храброго дума печали!
Твой одр одинокий в чужой стороне
Родимые руки постлали.

Еще не свершен был обряд роковой,
И час наступил разлученья;
И с валу ударил перун востовой,
И нам он не вестник сраженья.

Прости же, товарищ! Здесь нет ничего
На память могилы кровавой;
И мы оставляем тебя одного
С твоею бессмертною славой.

1826

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

<Из Т. Мура>

Т. С. ВДМРР-ой

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых!
И крепок их могильный сон, —
Не слышен им вечерний звон.

Лежать и мне в земле сырой!
Напев унылый надо мной
В долине ветер разнесет;
Другой певец по ней пройдет.
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!
1828

РОМАНС ДЕЗДЕМОНЫ

<Из Шекспира>

В раздумье бедняжка под тенью густою
Сидела, вздыхая, крушима тоскою:
Вы пойте мне иву, зеленую иву!

Она свою руку на грудь положила
И голову тихо к коленам склонила:
О ива — ты, ива, зеленая ива!

Студеные волны шумя там бежали, —
И стон ее жалкий те волны роптали:
О ива — ты, ива, зеленая ива!

Горючие слезы катились ручьями,
И дикие камни смягчались слезами.
    О ива — ты, ива, зеленая ива!

Зеленая ива мне будет венком!
1831

Николай Михайлович Языков родился 4 марта 1803 года на Волге, в Симбирской губернии, в богатой и культурной помещичьей семье. Первоначальное образование он получил дома, а затем был определен в петербургский Горный кадетский корпус. Рано начав писать стихи и с увлечением предаваясь этому занятию, Языков учился неохотно, не чувствуя никакой склонности к математике и другим специальным предметам. Не окончив курса в Горном корпусе, он перешел в Институт инженеров путей сообщения, но и отсюда был вскоре исключен за «нехождение в классы» и уехал домой, в Симбирск.

Старшие братья Языкова убедили его продолжать учебу. Весной 1821 года он вернулся в Петербург и стал готовиться к экзаменам для поступления в университет. Впрочем, Языков сам признавался, что «большая часть его времени проходила в сочинении стихов» и запойном чтении книг вовсе не учебного характера.

В Петербурге Языков завязал знакомства в литературном кругу и стал выступать в печати. Стихи молодого талантливого поэта были встречены с большим сочувствием.

В конце 1822 года Языков уехал в эстляндский город Дерпт и поступил (без экзамена) на философский факультет тамошнего университета. Дерпт в те времена был крупным культурным и научным центром. Хотя Дерпт и принадлежал России, но был, по существу, заграничным городом, со своеобразным укладом жизни, главную роль в которой играли университет и студенчество.

Самый быт дерптских студентов (в подавляющем большинстве прибалтийских немцев) отличался крайним своеобразием. Здесь господствовали «вольные» нравы, немыслимые в обстановке полицейского режима, насаждавшегося в учебных заведениях, расположенных в коренных городах России.

Дерптская жизнь как нельзя больше пришлась Языкову по душе. Тамошние студенты во всем подражали немецким буршам XVIII века с их разгульными кутежами, различными веселыми похождениями и дуэлями на рапирах, затевавшимися по любому поводу. Языков стал восторженным поклонником и певцом этого своеобразного и шумного быта. Без него не обходилась ни одна пирушка, стихи его заучивались наизусть, перекладывались на музыку и распевались студенческим хором. Языковские песни, как и память о нем самом, жили в Дерпте много десятилетий.

Нужно сказать, что, подражая немецким буршам в быту, Языков в то же время был настроен весьма патриотично. Он организовал,

W. H. H. H.
1

В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена...

В 1829 году Языков оставил Дерпт и с тех пор жил либо в Москве, либо на родине, в Симбирской губернии. Этот новый период ознаменовался в творчестве Языкова ростом реакционных и религиозных настроений. Вскоре, как-то сразу и неожиданно, определилось падение его таланта. Если к 1831 году относятся многие из лучших стихотворений Языкова, то позже он не написал ничего, что напоминало бы его дерптскую лирику.

Между тем у Языкова развивалась тяжелая и мучительная болезнь. В 1837 году он уехал лечиться за границу и провел там пять лет в беспрестанных разъездах по курортам. Курорты не принесли Языкову никакого облегчения. Полуразрушенным инвалидом он вернулся в Москву, где провел последние три года жизни. Это самая печальная страница биографии Языкова. Он окончательно перешел на сторону реакции и в столь же злобных, сколько плохих стихах всячески поносил представителей передовой общественности сороковых годов, по справедливости заслужив репутацию ярого мракобеса.

Умер Языков в Москве 26 декабря 1846 года.

Вл. О.

ПЕСНЬ БАРДА

Во время владычества татар в России

О! стонати русской земле,
спомянувши пръвую годину
и пръвых князей.

«Слово о полку Игореве»

Где вы, краса минувших лет,
Баянов струны золотые,
Певицы вольности, и славы, и побед,
Народу русскому родные?

Бывало: ратники лежат вокруг огней
По берегу светлого Дуная,
Когда тревога боевая
Молчит до утренних лучей.
Вдали — туманом покровенный
Стан греков, и над ним грозна,
Как щит в бою окровавленный,
Восходит полная луна.

И тихий сон во вражьем стане;
Но там, где вы, сыны снегов,
Там вдохновенный на кургане
Поет деянья праотцов —
И персты вещие летают
По звонким пламенным струнам,
И взоры воинов сверкают,
И рвутся длани их к мечам!

Наутро солнце лишь восстало —
 Проснулся дерзостный булат:
 Валяются греки — ряд на ряд,
 И их полков — как не бывало!

И вы сокрылися, века́ полночной славы,
 Побед и вольности века!

Так сокрывается лик солнца величавый
 За громовые облака.

Но завтра солнце вновь восстанет...

А мы... нам долго цепи влечь:
 Столетия протекут — и русский меч

не грянет

Тиранства гордого о меч.
 Неутомимые страданья
 Погубят память об отцах,
 И гений рабского молчанья
 Воссядет, вечный, на гробах.
 Теперь вотще младый баян
 На голос предков запеваает:
 Жестоких бедствий ураган
 Рабов полмертвых оглашает;
 И он, дрожащею рукой
 Подняв холодные железы,
 Молчит, смотря на них сквозь слезы,
 С неисцелимою тоской!

1823

ЧУЖБИНА

Там, где в блеске горделивом
 Меж зеленых берегов
 Волга вторит их отзывом
 Песни радостных пловцов,

И, как Нил-благотворитель,
На поля богатство льет, —
Там отцов моих обитель,
Там любовь моя живет!

Я давно простился с вами,
Незабвенные края!
Под чужими небесами
Отцветет весна моя;
Но ни в громком шуме света,
Ни под бурей роковой,
Не слетит со струн поэта
Голос родине чужой.

Радость жизни, друг свободы,
Муза любит мой приют.
Здесь, когда берега и воды
Под туманами заснут,
И, как щит перед сраженьем,
Светел месяц золотой, —
С благотворным вдохновеньем,
Легкокрылою толпой,

Из страны очарованья,
В их эфирной тишине,
Утешители-мечтанья
Ниспускаются ко мне;
Пред очами оживает
Красота минувших дней,
Сладко грудь моя вздыхает,
Сердце бьется, взор ясней!

Это ты, страна родная,
Где весенние цветы

Мне дарила жизнь молодая!
Край прелестный — это ты,
Где видением игривым
Каждый день мой пролетал,
Каждый день меня счастливым
Находил и оставлял!

Вы, холмы, леса, поляны,
Скаты зланных берегов
И старинные курганы —
Память смелых праотцов, —
Сохраненные веками,
Как свидетели побед,
Непритворными струнами
Вас приветствует поэт!

Ваш певец в чужбине дышит
И, один во цвете дней,
Долго, долго не услышит
Песен волжских рыбаков.
Долго грустный проблуждает
Он по дальним сторонам;
Долго арфа не сыграет
Песни радостным друзьям.

Ты, которая вливаешь
Огонь божественный в сердца
И цветами убираешь
Кудри юного певца,
Радость жизни, друг свободы,
Муза лиры, прилетай
И утраченные годы
Мне в мечтах напоминай!

Муза лиры, ты прекрасна,
Ты мила душе моей;
Мне с тобою не ужасна
Буря света и страстей.
Я горжусь твоим участием;
Ты чаруешь жизнь мою, —
И, забытый рано счастьем,
Я утешен: я пою!

1823

ПЕСНЯ

Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим,
И пылкой вольности дары
Заботой светскою не губим.
Мы любим шумные пиры,
Вино и радости мы любим.

Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!
Мы пьем, пируем и поем
Беспечно, радостно и смело.
Наш Август смотрит сентябрем —
Нам до него какое дело!

Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны,
Наш ум — не раб чужих умов,
И чувства наши благородны.
Здесь нет ни скиптра, ни оков,
Мы все равны, мы все свободны.

Дерптские студенты.

Приди сюда хоть русский царь,
 Мы от бокалов не привстанем.
 Хоть громом бог в наш стол ударь,
 Мы пировать не перестанем.
 Приди сюда хоть русский царь,
 Мы от бокалов не привстанем.

Друзья! бокалы к небесам —
 Обет правителю природы:
 «Печаль и радость — пополам,
 Сердца — на жертвенник свободы!»
 Друзья! бокалы к небесам —
 Обет правителю природы.

Да будут наши божества —
Вино, свобода и веселье!
Им наши мысли и слова!
Им и занятье и безделье!
Да будут наши божества —
Вино, свобода и веселье!
1823

МУЗА

Богиня струн пережила
Богов и грома и булата;
Она прекрасных рук в оковы не дала
Векам тиранства и разврата.
Они пришли; повсюду смерть и брань,
В венце раскованная сила;
Ее бессовестная длань
Алтарь изящного разбила;
Но с праха рушенных громад,
Из тишины опустошенья,
Восстал — величествен и млад —
Бессмертный ангел вдохновенья.
1823

ЭЛЕГИЯ

Свободы гордой вдохновенье!
Тебя не слушает народ:
Оно молчит, святое мщенье,
И на царя не восстает.

Пред адской силой самовластья,
Покорны вечному ярму,
Сердца не чувствуют несчастья
И ум не верует уму.

Я видел рабскую Россию:
Перед святыней алтаря,
Гремя цепями, склонивши выю,
Она молилась за царя.
1824

ЭЛЕГИИ

Еще молчит гроза народа,
Еще окован русский ум,
И угнетенная свобода
Таит порывы смелых дум.

О! долго цепи вековые
С рамен отчизны не спадут,
Столетия грозно протекут —
И не пробудится Россия!
1824

РОДИНА

Краса полуночной природы,
Любовь очей, моя страна!
Твоя живая тишина,
Твои лихие непогоды,
Твои леса, твои луга,

И Волги пышные берега,
И Волги радостные воды —
Всё мило мне, как жар стихов,
Как жажда пламенная славы,
Как шум прибережной дубравы
И разыгравшихся валов!

Всегда люблю я, вечно живы
На крепкой памяти моей
Предметы юношеских дней
И сердца первые порывы;
Когда волшебница-мечта
Красноречивые места
Мне оживляет и рисует:
Она свежа, она чиста,
Она блестит, она ликует.

Но там, где русская природа,
Как наших дедов времена,
И величава, и грозна,
И благодатна, как свобода, —
Там вяло дни мои лились,
Там не внимают вдохновенью,
И люди мирно обрелись
Непринужденному забвенью.

Целуй меня, моя Лилета,
Целуй, целуй! Опять с тобой
Восторги вольного поэта
И сила страсти молодой,
И голос лиры вдохновенной!
Покинув край непросвещенный,
Душой высокое любя,

Опять тобой воспламененный,
Я стану петь и шум военный,
И меченосцев, и тебя!

1825

ЭЛЕГИИ

I

Свободен я: уже не трачу
Ни дня, ни ночи, ни стихов
За милый взгляд, за пару слов,
Мне подарённых наудачу
В часы бездушных вечеров;
Мои светлеют упованья,
Печаль от сердца отошла,
И с ней любовь: так пар дыханья
Слетает с чистого стекла!

II

Я знал живое заблужденье,
Любовь певал я; были дни —
Теперь умчались они,
Теперь клянущая волненье,
Ее блудящие огни.
Я понял ветренность прекрасной,
Пустые взгляды и слова —
И в сердце стихнул жар опасный
И не кружится голова:
Гляжу с улыбкою, как прежде,
В глаза кумиру моему;
Но я не верую надежде,
Но я молюся не ему!

А. А. Восікова.

III

Моя Камена ей певала,
Но сила взора красоты
Не мучила, не услаждала
Моей надежды и мечты;
Но чувства пылкого, живого —
Любви не знал я: так волна
В лучах светила золотого
Блестит, кипит, — но холодна!

МОЛИТВА

Молю святое провиденье:
 Оставь мне тягостные дни,
 Но дай железное терпенье,
 Но сердце мне окамени.
 Пусть, неизменен, жизни новой
 Приду к таинственным вратам,
 Как Волги вал белоголовый
 Доходит целый к берегам!

1825

ГЕНИЙ

Когда, гремя и пламенея,
 Пророк на небо улетал —
 Огонь могучий проникал
 Живую душу Елисея:
 Святыми чувствами полна,
 Мужала, крепла, возвышалась,
 И вдохновеньем озарялась,
 И бога слышала она!

Так гений радостно трепещет,
 Свое величье познает,
 Когда пред ним гремит и блещет
 Иного гения полет;
 Его воскреснувшая сила
 Мгновенно зреет для чудес...
 И миру новые светила —
 Дела избранника небес!

1825(?)

ДВЕ КАРТИНЫ

Прекрасно озеро Чудское,
Когда над ним светило дня
Из синих вод, как шар огня,
Встает в торжественном покое:
Его красой озарена,
Цветами радуги играя,
Лежит равнина водяная,
Необозрима и пышна;
Прохлада утренняя веет,
Едва колышутся леса;
Как блески золота, светлеет
Их переливная роса;
У пробудившегося берега
Стоят, готовые для бега,
И тихо плещут паруса;
На лодку мрежи собирая,
Рыбак взывает и поет,
И песня русская, живая,
Разносится по глади вод.

Прекрасно озеро Чудское,
Когда блистательным столбом
Светило искрится ночное
В его кристалле голубом:
Как тень, отброшенная тучей,
Вдоль искривленных берегов
Чернеют образы лесов,
И кое-где огонь пловучий
Горит на чёлнах рыбаков;
Безмолвна синяя пучина,
В дубровах мрак и тишина,

Небес далекая равнина
Сиянья мирного полна;
Лишь изредка, с богатым ловом
Подъемля сети из воды,
Рыбак живет веселым словом
Своих товарищей труды;
Или — путем дугообразным —
С небесных падая высот,
Звезда над озером блеснет,
Огнем рассыплется алмазным
И в отдаленьи пропадет.

1825

ПОЭТ

«Искать ли славного венца
На поле рабских состязаний,
Тревожа слабые сердца,
Сбирая нищенские дани?
Сия народная хвала,
Сей говор близкого забвенья,
Вознаградит ли музе пенья
Ее священные дела?
Кто их постигнет? Гений вспыхнет —
Толпа любитесь на свет,
Шумит, шумит, шумит — затихнет:
И это слава наших лет!»

Так мыслит юноша-поэт,
Пока в душе его желанья
Мелькают, темные, как сон,
И твердый глас самосознанья

Н. М. Языков.

Не возвестил ему, кто он.
И вдруг, надеждой величавой
Свои предвидя торжества,
Беспечный — право иль не право
Его приветствует молва —
За независимую славой
Пойдет любимец божества;
В нем гордость смелая проснется:
Свободен, весел, полон сил,
Орел великий встрепенется,
Расширит крылья и взовьется
К бессмертной области светил!
1825

* * *

Не вы ль убранство наших дней,
Свободы искры огневые —
Рылеев умер, как злодей! —
О вспомяни о нем, Россия,
Когда восстанешь от цепей
И силы двинешь громовые
На самовластие царей!
1826

А. С. ПУШКИНУ

О ты, чья дружба мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милее девицы пригожей,
Святее царской головы!
Огнем стихов ознаменую

Те достохвальные края
И ту годину золотую,
Где и когда мы: ты да я,
Два сына Руси православной,
Два первенца полночных муз,
Постановили своенравно
Наш поэтический союз.
Пророк изящного, забуду ль,
Как волновалася во мне,
На самой сердца глубине,
Восторгов пламенная удаль,
Когда могущественный ром
С плодами сладостной Мессины,
С немного сахара, с вином,
Переработанный огнем,
Лился в стаканы-исполины?
Как мы, бывало, пьем да пьем,
Творим обеты нашей Гебе,
Зовем свободу в нашу Русь,
И я на вече, я на небе
И славой прадедов горжусь?
Мне утешительно доселе,
Мне весело вспоминать
Сию поэзию во хмеле,
Ума и сердца благодать.
Теперь, когда Парнаса воды
Хвостовы черпают на оды,
И простодушная Москва,
Полна святого упованья,
Приготавливает торжества
На светлый день царевчанья, —
С челом возвышенным стою
Перед скрижалью вдохновений,

И вольность наших наслаждений,
И берег Сороти пою!

1826

ТРИГОРСКОЕ

Посвящается П. А. ОСИПОВОЙ

В стране, где вольные живали
Сыны воинственных славян,
Где сладким именем граждан
Они друг друга называли;
Куда великая Ганза
Добро возила издалеча,
Пока московская гроза
Не пересиливала веча;
В стране, которую война
Кровопротитно пустошила,
Когда ливонски знамена
Душа геройская водила;
Где побеждающий Стефан
В один могущественный стан
Уже сдвигал толпы густые,
Да уничтожит псковитян,
Да ниспровергнется Россия!
Но ты, к отечеству любовь,
Ты, чем гордились наши деды,
Ты ополчилась... Кровь за кровь...
И он не праздновал победы!
В стране, где славной старины
Не все следы истреблены,
Где сердцу русскому донине
Красноречиво говорят:

То стен полуразбитых ряд
И вал на каменной вершине,
То одинокий древний храм
Среди беспажитной поляны,
То благородные курганы
По зеленеющим брегам;
В стране, где Сороть голубая,
Подруга зёркальных озёр,
Разнообразно между гор
Свои изгибы расстилая,
Водами ясными поит
Поля, украшенные нивой, —
Там, у раздолья, горделиво
Гора трехолмная стоит;
На той горе, среди лощины,
Перед лазоревым прудом,
Белеется веселый дом
И сада темные картины,
Село и пажити кругом.

Приют свободного поэта,
Не побежденного судьбой!
Благоговею пред тобой, —
И дар божественного света,
Краса и радость лучших лет,
Моя надежда и забава,
Моя любовь, и честь, и слава —
Мои стихи — тебе привет!

Как сна отрадные виденья,
Как утро пышное весны,
Волшебны, свежи наслажденья
На верном лоне тишины,

Когда душе, не утомленной
Житейских бременем трудов,
Доступен жертвенник священный
Богинь кастальских берегов;
Когда родимая природа
Ее лелеет и хранит
И ей, роскошная, дарит
Всё, чем возвышена свобода.

Душе пленительна моей
Такая райская година:
Камены пламенного сына
Она утешила; об ней
Воспоминание живое
И ныне радует меня.
Бывало, в царственном покое,
Великое светило дня,
Вослед за раннею денницей,
Шаром восходит огневым
И небеса, как багряницей,
Окинет заревом своим;
Его лучами заиграют
Озер живые зеркала;
Поля, холмы благоухают;
С них белой скатертью слетают
И сон и утренняя мгла;
Росой перловой и зернистой
Дерев одежда убрана;
Пернатых песнью голосистой
Звучит лесная глубина.

Тогда, один, восторга полный,
Горы прибережной с высот,

Я озираю сей неба свод,
Великолепный и безмолвный,
Сии круги и ленты вод,
Сии ликующие нивы,
Где серп мелькал трудолюбивый
По золотистым полосам;
Скирды желтели, там и там
Жнецы к товарищам звали,
И на дороге, вдалеке,
С холмов бегущие к реке
Стада пылили и блеяли.

Бывало, солнце без лучей
Стоит и рдеет в бездне пара;
Тяжелый воздух полон жара;
Вода чуть движется; над ней
Склонилась томными ветвями
Дерев безжизненная сень;
На поле жатвы, меж скирдами,
Невольная почиет лень,
И кони спутанные бродят,
И псы валяются; молчат
Село и холмы; душен сад,
И птицы песен не заводят...

Туда, туда, друзья мои!
На скат горы, на брег зеленый,
Где дремлют Сороти студеной
Гостеприимные струи;
Где под кустарником тенистым
Дугою выдалась она
По глади вогнутого дна,
Песком усыпанной сребристым.

Одежду прочь! Перед челом
Протянем руки удалые
И бух! — блистательным дождем
Взлетают брызги водяные.
Какая сильная волна!
Какая свежесть и прохлада!
Как сладострастна, как нежна
Меня обнявшая Наяда!
Дышу вольнее, светел взор,
В холодной неге оживаю,
И бодр и весел выбегаю
Травы на бархатный ковер.

Что восхитительнее, краше
Свободных, дружеских бесед,
Когда за пенистою чашей
С поэтом говорит поэт?
Жрецы высокого искусства!
Пророки воли божества!
Как независимы их чувства,
Как полновесны их слова!
Как быстро мыслью вдохновенной,
Мечты на радужных крылах,
Они летают по вселенной
В былых и будущих веках!
Прекрасно радуясь, играя,
Надежды смелые кипят,
И грудь трепещет молодая,
И гордый вспыхивает взгляд!

Певец Руслана и Людмилы!
Была счастливая пора,
Когда так веселы, так милы

Неслися наши вечера
Там на горе, под мирным кровом
Старейшин сада вековых,
На дерне свежем и шелковом,
В виду окрестностей живых;
Или в тиши благословенной
Жилища граций, где цветут
Каменами хранимый труд
И ум изящно просвещенный;
В часы, как, сладостные, там
Дары Эвтерпы нас пленяли;
Как персты легкие мелькали
По очарованным ладам:
С них звуки стройно подымались,
И в трелях чистых и густых
Они свивались, развивались —
И сердце чувствовало их!

Вот за далекими горами
Скрывается прекрасный день;
От сѣней леса над водами
Волнообразными рядами
Длиннеет трепетная тень;
В реке сверкает блеск зарницы,
Пустеют холмы, дол и брег;
В село въезжают вереницы
Поля покинувших телег;
Где-где залает пес домовый,
Иль ветерок зашелестит
В листьях темнеющей дубровы,
Иль птица робко пролетит,
Иль воз, тяжелый и скрипучий,
Усталым движимый конем,

Считая бревна колесом,
Переступает мост пловучий;
И вдруг отрывный и глухой
Промчится грохот над рекой,
Уже спокойной и дремучей, —
И вдруг замолкнет... Но вдали,
На крае неба, месяц полный
Со всех сторон заволокли
Большие облачные волны;
Вон расступились, вон сошлись,
Вон грозно тихие слились
В одну громаду непогоды —
И на лазоревые своды,
Молниеносна и черна,
С востока крадется она.

Уже безмолвие лесное
Налетом ветра смущено;
Уже не мирно и темно
Реки течение ночное;
Широко зыблются на нем
Теней раскидистые чащи,
Как парус, в воздухе дрожащий,
Почти упущенный пловцом,
Когда внезапно буря встанет,
Покатит шумные струи,
Рванет крыло его ладьи
И над пучиною растянет.

Тьма потопила небеса;
Пустился дождь; гроза волнует,
Взрывает воды и леса,
Гремит, и блещет, и бушует.

Мгновенья дивные! Когда
С конца в конец, по тучам бурным,
Зубчатой молнии бразда
Огнем рассыплется пурпурным,
Всё видно: цепь далеких гор,
И разноцветные картины
Извивов Сороти, озер,
Села, и берега, и долины!
Вдруг тьма угрюмей и черней,
Удары громче громовые,
Шумнее, гуще и быстрее
Дождя потоки проливные.

Но завтра, в пышной тишине,
На небо ярко-голубое
Светило явится дневное
Восставить утро золотое
Грозой омытой стороне.

Придут ли дни? Увижу ль снова
Твои холмы, твои поля,
О православная земля
Священных памятников Пскова?
Твои родные красоты
Во имя муз благословляю
И верным счастьем называю
Всё, чем меня ласкала ты!

Как сладко узнику младому,
Покинув тьму и груз цепей,
Взглянуть на день, на блеск зыбей,
Пройти по берегу луговому,
Упитья воздухом полей!

Как утешительно поэту
От мира хладной суеты, —
Где многочисленные в Лету
Бегут надежды и мечты,
Где в сердце, музою любимом,
Порой, как пламени струя,
Густым задавленная дымом,
Страстей при шуме нестерпимом
Слабеют силы бытия, —
В прекрасный мир, в сады природы
Себя свободного укрыть,
И вдруг и гордо позабыть
Свои потерянные годы!
1826

ПЕСНЯ

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.
Помним холмы, помним доли,
Наши храмы, наши села,
И в краю, краю чужом
Мы пируем пир веселый,
И за родину мы пьем.
Благодетельною силой
С нами немцев подружило
Откровенное вино;
Шумно, пламенно и мило
Мы гуляем заодно.

Волга.

Но с надеждою чудесной
 Мы стакан, и полновесный,
 Нашей Руси — будь она
 Первым царством в поднебесной,
 И счастлива и славна!

1827

К няне А. С. ПУШКИНА

Свет Родионовна, забуду ли тебя?
 В те дни, как сельскую свободу возлюбя,
 покидал для ней и славу, и науки,
 немцев, и сей град профессоров
 и скуки, —
 Ты, благодатная хозяйка сени той,

Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,
 Презрев людей, молву, их ласки, их измены,
 Священнодействовал при алтаре Камены, —
 Всегда приветами сердечной доброты
 Встречала ты меня, мне здравствовала ты,
 Когда чрез длинный ряд полей, под зноем
 лета,

Ходил я навещать изгнанника-поэта,
 И мне сопутствовал приятель давний твой,
 Ареевых наук питомец молодой.
 Как сладостно твое святое хлебосољство
 Нам баловало вкус и жажды своевољство!
 С каким радушием — красою древних лет —
 Ты набирала нам затейливый обед!
 Сама и водку нам, и брашна подавала,
 И соты, и плоды, и вина уставляла
 На милой тесноте старинного стола!
 Ты занимала нас — добра и весела —
 Про стародавних бар пленительным
 рассказом:

Мы удивлялися почтенным их проказам,
 Мы верили тебе — и смех не прерывал
 Твоих бесхитростных суждений и похвал;
 Свободно говорил язык словоохотный,
 И легкие часы летели беззаботно!

1827

ПЕСНЯ

Когда умру, смиренно совершите
 По мне обряд печальный и святой,
 И мне стихов надгробных не пишите,
 И мрамора не ставьте надо мной.

Но здесь, друзья, где ныне сходка наша
Беседует, разгульна и вольна;
Где весела, как праздничная чаша,
Душа кипит, студенчески шумна, —

Во славу мне вы чашу круговую
Наполните блистательным вином,
Торжественно пропойте песнь родную
И пьянствуйте об имени моем.

Всё тлен и миг! Блажен, кому с друзьями
Свою весну пропировать дано,
Кто видит мир туманными глазами
И любит жизнь за песни и вино!..

1829

ПЛОВЕЦ

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бегут над морем,
Крепнет ветер, зыбь черней,
Будет буря: мы поспорим
И помужествуем с ней.

Смело, братья! Туча грянет,
Закипит громада вод,
Выше вал сердитый встанет,
Глубже бездна упадет!

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный
Прям и крепок парус мой.
1829

ВОДОПАД

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы раздроблена,
То бегут через крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!

Вон пловец! Его от берега
Быстриною унесло;
В синий сумрак водобега
Упирает он весло..
Тщетно! Бурную стремнину
Он не силен оттолкнуть;

Далеко его в пучину
Бросит каменная круть!

Мирно, гибели послушный,
Убрал он свое весло:
Он потупил равнодушно
Безнадежное чело;
Он глядит спокойным оком...
И к пучине волн и скал,
Роковым своим потоком
Водопад его помчал.

Море блеска, гул, удары,
И земля потрясена;
То стеклянная стена
О скалы раздроблена,
То бегут чрез крутояры
Многоводной Ниагары
Ширина и глубина!
1830

НА СМЕРТЬ НИНИ А. С. ПУШКИНА

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный
Трудом и бременем годов.
Ты не умрешь в воспоминаньях
О светлой юности моей
И в поучительных преданьях
Про жизнь поэтов наших дней.

Там, где на дол с горы отлогой
Разнообразно сходит бор
В виду реки и двух озер
И нив с извиистой дорогой,
Где, древним садом окружен,
Господский дом уединенный
Дряхлеет, памятник почтенный
Елисаветиных времен, —

Нас, полных юности и вольных,
Там было трое: два певца
И он, краса ночей застольных,
Кипевший силами бойца;
Он, после кинувший забавы,
Себе избравший ратный путь
И освятивший в поле славы
Свою студенческую грудь.

Вон там — обоями худыми
Где-где прикрытая стена,
Пол нечиненный, два окна
И дверь стеклянная меж ними;
Диван под образом в углу,
Да пара стульев; стол украшен
Богатством вин и сельских брашен,
И ты, пришедшая к столу!

Мы пировали. Не дичилась
Ты нашей доли — и порой
К своей весне переносилась
Разгоряченной мечтой;
Любила слушать наши хоры,
Живые звуки чуждых стран,

Речей напоры и отпоры,
И звон стакана об стакан!

Уж гасит ночь свои светила,
Зарей алеет небосклон;
Я помню, что-то нам про сон
Давным-давно ты говорила.
Напрасно! Взял свое Токай,
Шумней удалая пирушка,
Садись-ка, добрая старушка,
И с нами бражничать давай!

Ты расскажи нам: в дни былые,
Не правда ль, не на эту стать
Твои бояре молодые
Любили ночи коротать?
Не так бывало! Слава богу,
Земля вертится. У людей
Всё коловратно; понемногу
Всё мудреней и мудреней.

И мы... Как детство шаловлива,
Как наша молодость вольна,
Как полнолетие умна
И как вино красноречива,
Со мной беседовала ты,
Влекла мое воображенье...
И вот тебе поминовенье,
На гроб твой свежие цветы!

Я отыщу тот крест смиренный,
Под коим, меж чужих гробов,
Твой прах улегся, изнуренный

Трудом и бременем годов.
Пред ним печальной головою
Склонюся; много вспомню я —
И умиленною мечтою
Душа разнежится моя!
1830

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ СXXXVI

В дни плена, полные печали,
На Вавилонских берегах,
Среди врагов мы восседали
В молчаньи горьком и слезах;

Там вопрошали нас тираны,
Почто мы плачем и грустим.
«Возьмите гусли и тимпаны
И пойте ваш Ерусалим».

Нет! свято нам воспоминанье
О славной родине своей;
Мы не дадим на посмеянье
Высоких песен прошлых дней!

Твои, Сион, они прекрасны!
В них ум и звук любимых стран!
Порвитесь струны сладкогласны,
Разбейся звонкий мой тимпан!

Окаменей язык лукавый,
Когда забуду грусть мою
И песнь отечественной славы
Ее губителям спою.

А ты, среди огней и грома
Нам даровавший свой закон,
Напомяни сынам Эдома
День, опозоривший Сион,

Когда они в весельи диком
Убийства, шумные вином,
Нас оглушали грозным криком:
«Всё истребим, всех поженем!»

Блажен, кто смелою десницей
Оковы плена сокрушит,
Кто плач Израиля сторицей
На притеснителях отмстит!

Кто в дом тирана меч и пламень
И смерть ужасную внесет!
И с ярким хохотом о камень
Его младенцев разобьет!

1830

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

В прозрачной мгле безмолвствует столица;
Лишь изредка на шум и глас ночной
Откликнется дремавший часовой,
Иль топнет конь, и быстро колесница
Продребезжит по звонкой мостовой.

Как я люблю приют мой одинокий!
Как здесь мила весенняя луна:
Сребристыми узорами она

Рассыпалась на пол его широкий
Во весь объем трехрамного окна!

Сей лунный свет, таинственный и нежный,
Сей полумрак, лелеющий мечты,
Исполнены соблазнов... Где же ты,
Как поцелуй насильный и мятежный,
Разгульная и чудо красоты?

Во мне душа трепещет и пылает,
Когда, к тебе склоняясь головой,
Я слушаю, как дивный голос твой,
Томительный, журчит и замирает,
Как он кипит, веселый и живой!

Или когда твои родные звуки
Тебя зовут — и, буйная, летишь,
Крутишь главой, сверкаешь и дрожишь,
И прыгаешь, и скидываешь руки,
И топаешь, и свищешь, и визжишь!

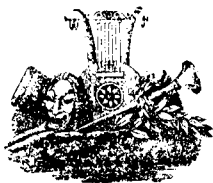
Приди! Тебя улыбкой задушевной,
Объятая восторгом встречу я,
Желанная и добрая моя,
Мой лучший сон, мой ангел сладкопевный
Поэзия московского житья!

Приди, утешь мое уединенье,
Счастливою рукой благослови
Труды и дни грядущие мои
На светлое, святое вдохновенье,
На праздники и шалости любви!

Д. В. ДАВЫДОВУ

Давным-давно люблю я страстно
Созданья вольные твои,
Певец лихой и сладкогласный
Меча, фиала и любви!
Могучи, бурно-удалые,
Они мне милы, святы мне, —
Твои, которого Россия
В свои години роковые
Радужно видит на коне,
В кровавом зареве пожаров,
В дыму и прахе боевом,
Отваге пламенных гусаров
Живым примером и вождем;
И на скрижалях нашей Клии
Твои дела уже блещут:
Ты кровью всех врагов России
Омыл свой доблестный булат!
Прими рукою благосклонной
Мой дерзкий дар: сии стихи —
Души студентски-забубенной
Разнообразные грехи.
Там, в той стране полу-немецкой,
Где безмятежные живут
Веселый шум, ученый труд
И чувства груди молодецкой,
Моя поэзия росла
Самостоятельно и живо,
При звонком говоре стекла,
При песнях младости гульливой,
И возросла она счастливо —
Резва, свободна и смела,

Певица братского веселья,
Друзей, да хмеля и похмелья
Беспечных юношеских дней:
Не удивляйся же ты в ней
Разливам пенных вдохновений,
Бренчанью резкому стихов,
Хмельному буйству выражений
И незастенчивости слов!
1833

Александр Иванович Одоевский родился 26 ноября 1802 года в Петербурге, в знатной семье. Одоевские принадлежали к древнему княжескому роду, но давно уже находились в захудалом состоянии. Впрочем, от матери А. И. Одоевский унаследовал крупное состояние и был богатым человеком.

Единственный сын в семье, Одоевский получил блестящее и разностороннее образование под руководством лучших гувернеров, учителей и профессоров. Родители устроили для него настоящий университет на дому.

Девятнадцатилетним юношей Одоевский поступил на военную службу, в конную гвардию, хотя и собирался «всецело посвятить себя служению искусствам и наукам». Литературой он занимался исподволь, мало заботился о судьбе своих произведений и не отдавал их в печать.

Уже самое раннее из дошедших до нас стихотворений Одоевского, «Молитва русского крестьянина», свидетельствует о том, что он был человеком передовых убеждений, противником крепостного права.

Сблизившись с видными деятелями революционного подполья двадцатых годов, осо-

бенно с Рылеевым, А. Бестужевым и Кюхельбекером, Одоевский вступил в тайное Северное общество за полгода до декабрьского восстания 1825 года.

Одоевский был типичным представителем умеренных декабристов. Политические его взгляды были довольно расплывчатыми. Но, увлеченный романтикой революционного заговора, он принял активное участие в вооруженном восстании и был присужден к двенадцати годам каторжных работ в сибирских рудниках.

Разгром восстания поверг Одоевского в полное отчаяние. На допросах в следственной комиссии он вел себя очень нестойко, говорил, что «впал в преступление по заблуждениям ума и молодости», и вообще находился в таком растерянном и угнетенном состоянии, что казался посторонним людям «поврежденным в уме».

Больше года Одоевский просидел в Петропавловской крепости, в одиночном заключении. Потом его в кандалах повезли в Сибирь. Пять лет он провел в Читинском остроге и Петровском заводе, в 1832 году был «выпущен на поселение» под Иркутском, а еще четыре года спустя, после настойчивых ходатайств родных, заручившихся поддержкой влиятельных лиц, был переведен в Западную Сибирь, в Тобольскую губернию.

Как поэт Одоевский родился после 14 декабря. Если Рылеев был поэтом декабризма эпохи его подъема, то Одоевский в лучших

Alexander von Humboldt

своих стихах стал выразителем чувств и настроений декабристской каторги.

Декабристы очень любили Одоевского и относились к нему чрезвычайно бережно. Очутившись на каторге в тесном декабристском кругу, он сумел освободиться от своих покаянных настроений, поборол охватившее его отчаяние и создал целый ряд подлинно революционных стихотворений.

Лучшее из них — ответ на знаменитое послание Пушкина ссыльным декабристам («В Сибирь»). В этом превосходном стихотворении Одоевский выступил от имени всех декабристов, томившихся на каторге, — побежденных, но не разоружившихся революционеров. «Ответ» Одоевского замечателен именно тем, что в нем говорится о непрерывности и преемственности революционной борьбы:

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя...

. . . . .

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы:
Она нагрянет на царей...

Не случайно это стихотворение прочно вошло в историю русского революционного движения: строка «Из искры возгорится пламя» стала лозунгом газеты «Искра», издававшейся в 1900—1903 годах под руководством В. И. Ленина.

Революционная направленность отличает и другие стихотворения Одоевского, написан-

ные на каторге. Таковы, например, «Тризна», призывающая к отпущению «за павших» (то есть за повешенных вождей декабристского движения), «Стихи на переход наш из Читы в Петровский завод», стихи, посвященные польской революции 1831 года и воспоминанию о пяти повешенных декабристах. Подобно другим поэтам-декабристам, Одоевский особенно охотно обращался к историческим темам, к героическому прошлому русского народа, к его борьбе за свободу и национальную независимость. «С очень давних лет, — говорил Одоевский, — история России служит источником моих обычных вдохновений». Несколько стихотворений было написано им на популярную в декабристских кругах тему борьбы древних русских республик Новгорода и Пскова с московскими царями («Зосима», «Неведомая странница», отрывок из «Послов Пскова», «Кутья», «Старица-пророчица»).

Одоевский обладал небольшим, но собственным поэтическим голосом и искал в поэзии новых, непроторенных путей. Пытаясь обновить классическую систему стихосложения, он широко применял русские народные песенные размеры.

С выходом Одоевского на поселение, когда он опять очутился в одиночестве, вне декабристского круга, предоставленный самому себе, творчество его потеряло революционную направленность. Одоевским снова овладели покаянные настроения.

В конце 1837 года Одоевский был переведен рядовым в кавалерийский полк, расположенный на Кавказе. Здесь он встретился и подружился с Лермонтовым, сосланным на Кавказ за стихи на смерть Пушкина.

Условия жизни Одоевского на Кавказе значительно улучшились. Несмотря на солдатское звание, он пользовался различными преимуществами, жил в отдельной палатке и даже имел собственного повара.

Но перенесенные лишения и нравственные потрясения наложили на Одоевского глубокий отпечаток. По словам одного из декабристов, он «совершенно изменился и душевно и физически». Из веселого и приветливого красавца он превратился в мрачного меланхолика. В 1839 году он писал: «Все кончено для меня... Чувствую, что не принадлежу к этому миру».

Через полтора года после переселения на Кавказ, 15 августа 1839 года, находясь в военной экспедиции на побережье Черного моря, Одоевский погиб от малярии в глухой деревушке Псезуапсе. Лермонтов посвятил его памяти замечательные стихи:

Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений.

Вл. О.

* * *

Таится звук в безмолвной лире,
Как искра в темных облаках;
И песнь, неизвестную в мире,
Я вылью в огненных словах.
В темнице есть певец народный,
Но не поет для суеты:
Скрывает он душой свободной
Небес бессмертные цветы;
Но, похвалой не обольщенный,
Не ищет раннего венца...
Почтите сон его священный,
Как пред борьбою сон борца.
1826

**<ОТВЕТ НА ПОСЛАНИЕ
ПУШКИНА «В СИБИРЬ»>**

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки
И лишь оковы обрели.

Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой гордимся мы

Читинский острог.

И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Наш скорбный труд не пропадет:
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы:
Она нагрянет на царей, —
И радостно вздохнут народы.
1827

* * *

Еще твой образ светлоокой
Стоит и дышит предо мной;

Как в душу он запал глубоко!
Тревожит он ее покой.

Я помню грустную разлуку:
Ты мне на мой далекий путь,
Как старый друг, пожала руку
И мне сказала: «Не забудь!»

Тебя я встретил на мгновенье,
Навек расстался я с тобой!
И всё как сон. Ужель виденье —
Мечта души моей больной?

Но если только сновиденье
Играет бедною душой, —
Кто даст мне сон без пробужденья?
Нет, лучше смерть и образ твой!
1827

ТРИЗНА

Ф. Ф. ВАДКОВСКОМУ

Утихнул бой Гафурский. По волнам
Летят изгнанники отчизны.
Они, пристав к Исландии брегам,
Убитым в честь готовят тризны.
Златится мед, играет меч с мечом...
Обряд исполнили священный
И, мрачные, воссели пред холмом
И внемлют арфе вдохновенной.

С к а л ь д

Утешьтесь о павших! Они в облаках

П. И. Пестель.

Пьют юных Валкирий живые лобзанья,
Их чела цветут на небесных пирах,
Над прахом костей расцветает

преданье.

Утешьтесь! За павших ваш меч

отомстит.

И где б ни потухнул наш пламенный

жизни,

Пусть доблестный дух до могилы кипит,
Как чаша заздравная в память отчизны.

1828

УЗНИЦА ВОСТОКА

П. А. МУХАНОВУ

Как много сильных впечатлений
Еще душе недостает!
В тюрьме минула жизнь мгновений,
И медлен и тяжел полет
Души моей, не обновленной
Явлений новых красотой
И дней темничных чередой
Без снов любимых усыпленной.
Прошли мгновенья бытия,
И на земле настала вечность;
Однообразна жизнь моя,
Как океана бесконечность...
Но он кипит: свои главы
Подъемлет он на вызов бури;
То отражает свод лазури
Бездонным сводом синевы,
Пылает в заревах, кровавый
Он брани пожирает след,
Шумит в ответ на громы славы
И клики радостных побед.
Но мысль моя, едва живая,
Течет, в себе не отражая
Великих мира перемен:
Всё прежний мир она объемлет,
И за оградой душных стен
Востока узница не внемлет
Восторгам западных племен.

1829

Петровский остров в Сибири.

М. П. ВОЛКОНСКОИ

Был край, слезам и скорби посвященный,
 Восточный край, где розовых зарей
 Луч радостный, на небе том рожденный,
 Не услаждал страдальческих очей;
 Где душам был и воздух вечно ясный,
 И узникам кров светлый докучал,
 И весь обзор, обширный и прекрасный,
 Мучительно на волю вызывал.

Вдруг ангелы с лазури низлетели
 С оградою к страдальцам той страны,
 Но врежде свой небесный дух одели
 В прозрачные земные пелены.

И вестники благие провиденья
Явились, как дочери земли,
И узникам, с улыбкой утешенья,
Любовь и мир душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесные уста
По капле им точили мед отрады...
С тех пор лились в темнице дни, лета;
В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшились одного —
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего.

1829

СТИХИ НА ПЕРЕХОД НАШ ИЗ ЧИТЫ В ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОД

Что за кочевья чернеются
Средь пылающих огней, —
Идут под затворы молодцы
За святую Русь.
За святую Русь неволя и казни —
Радость и слава.
Весело ляжем живые
За святую Русь.

Дикие кони стреножены,
Дремлет дикий их пастух;
В юртах засыпая, узники
Видят Русь во сне.

За святую Русь неволя и казни —
    Радость и слава.
Весело ляжем живые
    За святую Русь.

Шепчут деревья над юртами,
    Стража окликает страж, —
Вещий голос сонным слышится
    С родины святой.
За святую Русь неволя и казни —
    Радость и слава.
Весело ляжем живые
    За святую Русь.

Зыблется, светом объятая,
    Сосен цепь над рядом юрт.
Звезды светлы, как видения,
    Под навесом юрт.
За святую Русь неволя и казни —
    Радость и слава.
Весело ляжем живые
    За святую Русь.

Спите, рабыни угрюмые.
    Вы забыли, как поют.
Пробудитесь! Песни вольные
    Оглашают вас.
Славим нашу Русь, в неволе поем
    Вольность святую.
Весело ляжем живые
    В могилу за святую Русь.

Юрты декабристов по дороге из Читы в Петровский завод.

**<ПРИ ИЗВЕСТИИ О ПОЛЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ>**

Недвижимы, как мертвые в гробах,
Невольно мы в болезненных сердцах
Хороним чувств привычные порывы;
Но их объял еще не вечный сон,
Еще струна издаст бывалый звон,
Она дрожит... еще мы живы!

Едва дошел с далеких берегов
Небесный звук спадающих оков,
!! вздрогнули в сердцах живые струны, —
Все чувства вдруг в созвучие слились...
Нет, струны в них еще не порвались!
Еще, друзья, мы сердцем юны!

И в ком оно от чувств не задрожит?
Вы слышите: на Висле брань кипит! —
Там с Русью лях воюет за свободу
И в шуме битв поет за упокой
Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому народу.

Мы братья их!.. Святые имена
Еще горят в душе: она полна
Их образов, и мыслей, и страданий.
В их имени таится чудный звук:
В нас будит он всю грусть минувших мук,
Всю цепь возвышенных мечтаний!

Нет! в нас еще не гаснут их мечты!
У нас в сердца их врезаны черты,
Как имена в надгробный камень.
Лишь вспыхнет огонь во глубине сердец,
Пять жертв встанут пред нами; как венец,
Вкруг выи вьется синий пламень.

Сей огонь пожжет чело их палачей,
Когда пред суд властителя царей
И палачи и жертвы станут рядом...
Да судит бог!.. А нас, мои друзья,
Пускай утешит мирная кутья
Своим таинственным обрядом.

1831

* * *

По дороге столбовой
Колокольчик заливаётся;
Что, не парень удалой

Белым снегом опушается?
Нет, то ласточкой летит
По дороге красна девица.
Мчатся кони... От копыт
Вьется легкая метелица.

Кроясь в пухе соболей,
Вся душою в даль уносится;
Из задумчивых очей
Капля слез за каплей просится:
Грустно ей... Родная мать
Тужит тугою сердечною:
Больно душу оторвать
От души разлукой вечною.

Сердцу горе суждено!
Сердце надвое не делится, —
Разрывается оно...
Дальний путь пред нею стелется.
Но зачем в степную даль
Свет-душа стремится взорами?
Ждет и там ее печаль
За железными затворами.

«С другом любо и в тюрьме! —
В думе молвит красна девица, —
Свет он мне в могильной тьме...
Встань, неси меня, метелица,
Занеси в его тюрьму.
Пусть, как птичка домовитая,
Прилечу я — и к нему
Притаюсь, людьми забытая!»
1831—1832

ДВА ОБРАЗА

Мне в ранней юности два образа предстали
И, вечно ясные, над сумрачным путем
Слились в созвездие, светились сквозь печали
И согревали дух живительным лучом.

Я возносился к ним с молитвой благодарной,
Следил их мирный свет и жаждал их огня,
И каждая черта красы их светозарной
Запала в душу мне и врезалась в меня.

Я мира не узнал в отливе их сиянья:
Казалось, предо мной открылся мир чудес;
Он их лучами цвел, и блеск всего созданья
Был отсвет образов, светивших мне с небес.

И жаждал я на всё пролить их вдохновенье,
Блестящий ими путь сквозь бури провести...
Я в море бросился, — и бурное волнение
Пловца умчало вдаль по шумному пути.

Светились две звезды, я видел их сквозь
тучи;
Я ими взор поил; но встал девятый вал,
На влажную главу подъял меня могучий,
Меня недвижимого понес он и примчал —

И с пеной выбросил в могильную пустыню...
Что шаг — то гроб, на жизнь — ответной
жизни нет;
Но я еще хранил души моей святыню,
Заветных образов небесный огонь и свет.

Что искрилось в душе, что 'из души
теснилось,
Всё было их огнем; их луч меня живил.
Но небо надо мной померкло и спустилось —
И пали две звезды на камни двух могил...

Они рассыпались, они смешались с прахом!
Где образы? Их нет! Я каждую черту
Ловлю, храню в душе, и с нежностью
и страхом,
Но не могу их слить в живую полноту.

Кто силу воскресит потухших впечатлений
И в образы сведет несвязные черты?
Ловлю все призраки летучих сновидений,
Но в них божественной не блещет красоты.

И только в памяти, как на плитах могилы,
Два имени горят: когда я их прочту,
Как струны задрожат все жизненные силы —
И вспомню я сквозь сон всю мира красоту.
1832

* * *

Ты знаешь их, кого я так любил,
С кем черную годину я делил?
Ты знаешь их? — Как я, ты жал им руку
И передал мне дружный разговор,
Душе моей знакомый с давних пор,
И я опять внимал родному звуку,
Казалось, был на родине моей,
Опять в кругу союзников-друзей.

Так путники идут на богомолье
 Сквозь огненно-песчаный океан,
 И пальмы тень, студеной вод приволье
 Манят их вдаль... Лишь сладостный обман
 Чарует их; но их бодрят силы,
 И далее проходит караван,
 Забыв про зной пылающей могилы.

1836

* * *

Куда несетесь вы, крылатые станицы?
 В страну ль, где на горах шумит лавровый
 лес,

Где реют радостно могучие орлицы
 И тонут в синеве пылающих небес?
 И мы — на юг! Туда, где яхонт неба рдеет,
 И где гнездо из роз себе природа вьет,
 И нас, и нас далекий путь влечет...

Но солнце там души не отогреет

И свежий мирт чела не обовьет.

Пора отдать себя и смерти и забвенью!

Не тем ли, после бурь, нам будет смерть

красна,

Что нас не севера угрюмая сосна,

А южный кипарис своей покроет тенью?

И что не мерзлый ров, не снеговой увал

Нас мирно подарят последним новосельем,

Но кровью жаркою обрызганный чакал

Гостей бездомный прах разбросит

по ущельям.

1837—1838

МОЯ ПЕРИ

Взгляни, утешь меня усладой мирных дум,
Степных небес заманчивая Пери!
Во мне грусть тихая сменила бурный шум,
Остался дым от пламенных поверий...
Теперь, томлю ли грусть в волнении людей,
Меня смешит их суетная радость;
Ищу я думою подернутых очей,
Люблю речей задумчивую сладость.
Меня тревожит смех дряхлеющих детей,
С усмешкою гляжу на них угрюмый;
Но жизнь моя цветет улыбкою твоей,
Твой ясный взор с моей сроднился думой.
О Пери! улети со мною в небеса,
В твою отчизну, где всё негой веет,
Где тихо и светло, и времени коса
Пред цветом жизни цепенеет.
Как облако плывет в иной, прекрасный мир
И тает, просияв вечернею зарею,
Так полечу и я, растаю весь в эфир
И обовью тебя воздушной пеленою.

1838

* * *

Как носятся тучи за ветром осенним,
Я мыслью ношусь за тобою;
А встречу — забьется в груди ретивое,
Как лист запоздалый на ветке.

Хотел бы, как небо в глубь синего моря,
Смотреть и смотреть тебе в очи,

Приветливой речи, как песни родимой,
В изгнании хотел бы послушать!

Но света в пространстве падучей звездой
Мелькнешь, ненаглядная, мимо, —
И снова не видно, и снова тоскую,
Усталой душой сиротея...

1838—1839

27 июля 1826 года в Москве министр просвещения Шишков получил небольшую записку на восьмушке листа, написанную императором.

Николай I писал:

«Имею необходимую надобность вас видеть равно особо ректора здешнего университета генерала Писарева и прошу вас быть ко мне завтра в 11 часов пополудни и если есть налицо здесь студент Александр Полежаев то и ему быть тогда же ко мне».

Полежаева разыскали. Он жил в номерах на Тверской.

«Его взяли утром, в чем был, и отвезли к государю в грязном сюртуке с двумя пуговицами и в пуху. Когда государь, сурово взглянув на него, спросил:

— Ты ли сочинил эти стихи?

— Я, — ответил Полежаев.

— Читай! — сказал ему государь, протягивая тетрадь.

— Кто писал, тот читал, ваше императорское величество, — ответил поэт, опять сложив тетрадь и подав ее обратно.

— Бравый солдат, — произнес государь, смотря с любопытством на поэта.

— Готов служить вашему императорско-

му величеству, — ответил, кланяясь, Полежаев.

Когда поэт вышел из царского кабинета, то генералитет говорил ему:

— Надо было упасть к ногам государя и сказать: «Игра ума, ваше императорское величество».

На что поэт ответил:

— Что сказано, то сказано».

Так рассказывает этот эпизод современница Полежаева Е. А. Дроздова.

Дело, видимо, происходило так: Полежаева нашли на рассвете в номерах на Тверской и повезли к министру. Возможно, что разыскал его ректор университета Писарев. Осмотрев, все ли пуговицы студенческого мундира на месте, и обнаружив весьма не блестящее состояние студенческого мундира, растерявшийся ректор без всяких объяснений повез Полежаева к министру. Министр, также не вступая ни в какие объяснения, посадил Полежаева в свою карету и повез прямо к царю.

Сохранился более подробный рассказ об этом свидании Полежаева с Николаем I. Рассказ этот сделан со слов Полежаева А. И. Герценом. Вот что рассказывает Герцен:

Полежаева ввели к императору. Царь стоял, держа в руках тетрадь.

— Ты ли, — спросил он, — сочинил эти стихи? — и подал тетрадь Полежаеву. — Читай вслух, — сказал царь.

Александр Николаевич

— Я не могу, — ответил Полежаев.

— Читай! — закричал Николай.

Этот крик воротил Полежаеву силы. Он развернул тетрадь.

Это была «чисто, на прекрасной бумаге» переписанная его, Полежаева, поэма «Сашка». Сначала ему трудно было читать, потом, одушевляясь все более и более, он живо и громко дочитал поэму до конца.

В местах особенно резких император делал знак рукой министру. Министр закрывал глаза от ужаса.

И было от чего. В поэме не только рассказывалось о похождениях компании молодых дебоширов, но в ней были и некоторые стихи, прямо направленные против тогдашней самодержавной власти.

— Я положу предел этому разврату, — сказал Николай. — Это все еще следы, последние остатки. Я их искореню. Какого он поведения?

Министру стало жаль юношу, и, хотя он ничего не знал о его поведении, он ответил:

— Превосходнейшего.

— Этот отзыв тебя спас, — сказал Николай и приказал отдать Полежаева в армию, в солдаты.

Говоря о следах, Николай имел в виду только что разгромленную декабристскую революцию.

Таким образом, суровое наказание (солдатчина в царской армии) было обрушено на Полежаева как на одного из представителей

«духа декабристов». Впоследствии Лермонтов, назвав свою ироническую юношескую поэму также «Сашкой», писал в ней:

«Сашка» — старое название!
Но «Сашка» тот печати не видал,
И, нездоровый, он угас в изгнание.

Кто же такой Полежаев?

Александр Иванович Полежаев родился в селе Покрышкине Пензенской губернии, в 1805 году. Отцом его был крупный помещик Л. Н. Струйский, матерью — крепостная девушка. Незадолго до рождения ребенка Струйские отпустили ее на волю и нашли ей мужа, мещанина Полежаева.

Рассказывают, что отец Полежаева, Л. Н. Струйский, очень любил свою крепостную и даже хотел на ней жениться, но родные не допустили этого брака и почти насильно выдали ее за Полежаева.

Это несчастье самым трагическим образом повлияло на Л. Н. Струйского, и он предался безудержному разгулу и запою.

И мальчик, Александр Полежаев, рос в принадлежавшем его отцу, Л. Н. Струйскому, селе Рузаевке в обстановке непрерывного пьянства, распутства и кутежей, рос в крепостнической среде, отличавшейся даже по тем временам особенной дикостью.

В своей поэме «Сашка» Полежаев говорит о детстве своего героя:

Пропустим также, что родитель
Его до крайности любил,

И первый Сашенькин учитель
Лакей из двора его был.

...Пропустим, что на балалайке
В шесть лет он «барыню» играл
И что в похабствах, бабках, свайке
Он кучерам не уступал.

Пяти лет Полежаев лишился матери. Сохранилось предание, будто она была задушена.

Десяти лет он был отправлен в Москву и отдан там в частный пансион. Вскоре после этого его отец, Л. Н. Струйский, допившись до припадков белой горячки, во время одного из таких припадков забил насмерть поленом своего крепостного, был отдан за это под суд, лишен дворянства и сослан на поселение в Сибирь, в Тобольск. Полежаев перешел на попечение своего дяди, А. Н. Струйского, жестокого крепостника, которого через некоторое время зарубил топором один из его крепостных.

В 1820 году Полежаев оставил пансион и поступил вольнослушателем в Московский университет. Уже в университетские годы у него оформляются серьезные литературные интересы. Он много читает, изучает новую европейскую, главным образом французскую и английскую, поэзию.

В 1826 году Полежаев окончил университет. Он должен был получить даваемые окончанием университета чин и личное дворянство. Но в это время как раз и разрази-

лись события, круто изменившие всю его судьбу.

В 1826 году Николай I был весьма недоволен Московским университетом за господствовавший там, по его мнению, либеральный дух. Он искал случая произвести расправу. В это время шеф жандармов и начальник тайной полиции Бенкендорф получил донос полковника И. П. Бибикова на Московский университет. Бибиков писал в своем доносе:

«Я привожу в пример университетского воспитания отрывки из поэмы московского студента Александра Полежаева под заглавием: «Сашка» и наполненной самыми развратными картинами и самыми пагубными для юношества мыслями».

Поэма была немедленно разыскана и доставлена Николаю. Был разыскан и доставлен к Николаю вслед за тем и сам Полежаев.

В результате этой встречи (о которой рассказано выше), по приказу Николая, Полежаев 14 августа 1826 года был зачислен унтер-офицером в Бутырский полк с сохранением полученного им по окончании университета дворянства. Попав в казарму, Полежаев пробовал вымолить себе освобождение; он писал к царю, но на письма не было ответа. 14 июня 1827 года он самовольно отправился пешком из Тверской губернии, где стоял полк, в Петербург, лично просить царя об освобождении от солдатчины. По дороге, опомнившись, он вернулся обратно.

За этот побег он, по приказу Николая, был лишен дворянства (которое избавляло его от телесных наказаний) и разжалован в рядовые «без выслуги». С этого момента положение его стало безнадежным и отчаянным.

В начале 1828 года, вернувшись поздно, он обругал фельдфебеля, сделавшего ему выговор. За это он был отдан под суд. К этому присоединилось и политическое дело. У одного из арестованных по политическому делу студентов нашли стихи «Ах, где те острова...», которые, по словам этого студента, он получил от Полежаева. Николай велел выяснить, когда Полежаев написал эти стихи: до отдачи в армию или после. Если до — простить, если после — судить. Эта резолюция практического значения не имела, ибо эти стихи принадлежали Рылееву. Но, пока тянулись оба процесса, Полежаева заковали в кандалы, надели ему наручники и поместили в тюремном каземате Спасских казарм. Его ожидало «прогнание сквозь строй». Сознавая это, он решился на самоубийство. Один из солдат, пожалев его, отточил для него штык, которым Полежаев должен был заколоться. (См. его «Провидение».)

Пробыл Полежаев в заключении около года. К этому времени относятся наиболее известные его автобиографические стихотворения («Песнь пленного ирокезца» и др.). В приговоре было сказано, что «хотя надлежало бы за сие к прогнанию сквозь строй шпирутенами, но в уважение весьма моло-

дых лет» зачесть сидение под арестом и перевести его без наказания в Московский полк.

В 1829 году вместе с Московским полком Полежаев был отправлен на Кавказ, где он принимал участие в войне с восставшими горцами. Походы дали Полежаеву материал для ряда его произведений, отличающихся отсутствием характерной для тогдашней литературы ходульной романтизации кавказской природы и реалистическим изображением тягот солдатской походной жизни:

Вот эти дивные картины —
Каскады, горы и стремнины...
С окаменелою душой,
Убитый горестною долей,
На них смотрю я поневоле,
И верь мне — вижу из всего
Уродство — больше ничего!

(Последние стихи — парафраза из «Евгения Онегина».)

За участие в кавказской войне и за отличия в боях Полежаев был произведен в унтер-офицеры и представлен к производству в прапорщики. Война была уже почти закончена. Николай производства в прапорщики не утвердил. Видимо, вскоре по возвращении с Кавказа Полежаев написал свою солдатскую песню «Опять нечто». В этой песне Полежаев писал о Николае:

...Помыкаешь ты нас
По горам, по долам —

Не позволишь ты нам
 Отдохнуть ни на час!
 < . . . . . >
 День и ночь напрояд,
 Как волов, наповал
 Бьют и мучат солдат
 Офицер и капрал.

...Православный наш царь,
 Николай-государь,
 Ты болван наших рук,
 Мы склеили тебя
 И на тысячу штук
 Разобьем, разлюбя!

В 1828 году Полежаев снова начал печататься. Появление его поэмы, его драматическая судьба — все это привлекло к нему широкое общественное внимание. Полковник Бибиков, некогда написавший на него донос, пригласил его к себе и познакомил его со своею дочерью, в которую Полежаев влюбился и о браке с которой в это время, видимо, серьезно стал помышлять. Бибиков попытался выхлопотать Полежаеву офицерский чин. С этою целью он предложил Полежаеву написать стихотворение, которое могло бы показать, что он совершенно переменялся, и полученное от Полежаева стихотворение отправил Бенкендорфу с соответствующим письмом. Дело закончилось отрицательной резолюцией Николая, ибо Бенкендорфу был доставлен вскоре после отправления Полежаева на Кавказ новый донос, в котором приводились новые антимонархические стихи Полежаева.

Здесь можно было прочесть:

Сокрушает тоска
 Молодого певца,
 Как в земле мертвеца
 Гробовая доска...
 Я увял, я увял
 Навсегда, навсегда!
 И я жил — но я жил
 На погибель свою...
 Буйной жизнью убил
 Я надежду мою...
 Не расцвел — и отцвел
 В утре пасмурных дней;
 Что любил, в том нашел
 Гибель жизни моей.
 (Изменила судьба...
 Навсегда решена
 С самовластьем борьба,
 И родная страна
 Палачу отдана)...

Это из стихотворения «Вечерняя заря», а вот что читаем в стихотворении «Рок»:

Пред ним <роком> равны — рабы, цари;
 Он шутит над султаном,
 Равно как шучивал Али
 Янинский над фирманом.
 Он восхотел — и Крез избег
 Костра при грозном Кире,
 И Кир, уснув на лоне нег,
 Восстал в подземном мире.
 Велел — и Рима властелин —
 Народный гладиатор,
 И Русь как кур передушил
 Ефрейтор-император.

Е. И. Бибилова в своих воспоминаниях о Полежаеве рассказывает, что когда ее отец, отправляя Бенкендорфу стихотворение Поле-

жаева, предложил ему приписать просьбу о прощении, то Полежаев отказался, сказав, что он ни в чем не виноват и просить прощения ему не в чем. Тогда Бибииков сам сочинил еще одну строфу, которую и приписал к концу стихотворения.

Убедившись в безнадежности попыток облегчить судьбу Полежаева, Бибииков, очевидно, пришел к выводу, что и женитьба на его дочери опального поэта-солдата весьма нежелательна. Он отправил Полежаева обратно в полк.

Безнадежность положения Полежаева подчеркивало и то, что цензура систематически запрещала его сборники один за другим. 16 июля 1837 года Полежаева снова представили к производству в офицеры. Именно в это время он особенно жестоко запил, пропал из полка и пропил амуницию. Его разыскали, подвергли наказанию розгами, такому, что «долго из его спины вытаскивали прутья». Он был уже тяжело болен чахоткой. Наказание сразу приблизило его к смерти. 16 января 1838 года он умер в солдатской больнице.

По странной иронии судьбы, не зная о его новых проступках, Николай наконец произвел его в прапорщики. 10 января был издан приказ. Возможно, что он уже не дошел до Полежаева. В гробу тело его было одето в офицерский мундир, и было запрещено к сочинениям его прилагать портрет без офицерских эполет.

Белинский так охарактеризовал причины трагической судьбы Полежаева: «Полежаев, подобно многим людям того времени, не подумал, что он мог и должен был уволить себя от понятий и нравственности толпы, а не от всякой нравственности. Освобождение от предрассудков он считал освобождением от всякой разумности и начал обожать эту буйную свободу. Избыток сил пламенной натуры заставил его обожать другого, еще более страшного идола — чувственность... Известность Полежаева была двойкая и в обоих случаях печальная: поэзия его тесно связана с его жизнью, а жизнь его представляла грустное зрелище сильной натуры, побежденной необузданностью страстей, которые, совратив его талант с истинного направления, не дали ему ни развиться, ни созреть... Это была жизнь буйного безумия, способного возбуждать к себе и ужас и сострадание».

Но, считая виновником гибели Полежаева только его самого, Белинский был не вполне прав.

Уже Добролюбов указал на те обстоятельства русской общественной действительности николаевской эпохи, которые создавали почву для того, чтобы талант Полежаева вырождался. Именно трагическая судьба Полежаева и придала своеобразие его таланту. Образ Полежаева — этого байронического несчастливца, выросшего на декабристских идеях и предвосхитившего в своих стихах и

некоторые черты поэзии Некрасова и неукротимый протестующий байронический стих Лермонтова — очень характерен именно для николаевской эпохи второй половины двадцатых и для тридцатых годов. Трагедия Полежаева — это трагедия наиболее одаренных представителей поколения, вступившего в жизнь после поражения декабристов, восставших против реакции и ею сначала духовно покалеченных, а затем и уничтоженных.

Ц. В.

ЕЩЕ НЕЧТО

Притеснил мою свободу
Кривоногий штабс-солдат,
В угождение уроду
Я отправлен в каземат.

И мечтает блинник сальный
В черном сердце подлеца
Скрыть под лапою нахальной
Имя вольного певца.

Но едва ль придется шуту
Отыгаться без стыда:
Я — под спудом на минуту,
Он — в болоте навсегда.
1828

ПЕСНЬ ПЛЕННОГО ПРОКЕЗЦА

Я умру! на позор палачам
Беззащитное тело отдам!
    Равнодушно они
    Для забавы детей
    Отдирать от костей
    Станут жилы мои!
    Обругают, убьют
    И мой труп разорвут!

Но стерплю! Не скажу ничего,
 Не наморщю чела моего!

И, как дуб вековой,
 Неподвижный от стрел,
 Неподвижен и смел,
 Встречу миг роковой,
 И, как воин и муж,
 Перейду в страну душ.

Перед сонмом теней воспою
 Я бесстрашную гибель мою.

И рассказ мой пленит
 Их внимательный слух
 И воинственный дух
 Стариков оживит;
 И пройдет по устам
 Слава громким делам.

И рекут они в голос один:
«Ты достойный прапрадедов сын!»

Совокупной толпой
Мы на землю сойдем
И в родных разольем
Пыл вражды боевой;
Победим, поразим
И врагам отомстим!

Я умру! на позор палачам
Беззащитное тело отдам!
Но, как дуб вековой,
Неподвижный от стрел,
Я недвижим и смел
Встречу миг роковой!

1828

ВЕСНЬ ПОГИБАЮЩЕГО ПЛОВЦА

I

Вот мрачится
Свод лазурный!
Вот крутится
Вихорь бурный!
Ветр свистит,
Гром гремит,
Море стонет —
Путь далек...
Тонет, тонет
Мой челнок!

II

Всё чернее
Свод надзвездный;

А. И. Полежаев.

Всё страшнее
Воют бездны.
Глубь без дна —
Смерть верна!
Как заклятый
Враг грозит,
Вот девятый
Вал бежит!..

III

Горе, горе!
Он настигнет:
В шумном море
Челн погибнет!
Гроб готов...
Треск громов

Над пучиной
Ярых вод —
Вздых пустынный
Разнесет!

IV

Дар заветный
Провиденья,
Гость приветный
Наслажденья —
Жизнь иль миг!
Не привык
Утешаться
Я тобой, —
И расстаться
Мне с мечтой!

V

Сокровенный
Сын природы,
Неизменный
Друг свободы, —
С юных лет
В море бед
Я направил
Быстрый бег
И оставил
Мирный брег!

VI

На равнинах
Вод зеркальных,
На пучинах

Погребальных
Я скользил;
Я шутил
Грозной влагой —
Смертный вал
Я отвагой
Побеждал!

V II

Как минутный
Прах в эфире
Бесприютный
Странник в мире,
Одинок,
Как челнок,
Уз любви
Я не знал,
Жаждой крови
Не сгорал.

V III

Парус белый
Перелетный,
Якорь смелый,
Беззаботный,
Тусклый луч
Из-за туч,
Проблеск дали
В тьме ночей —
Заменяли
Мне друзей!

IX

Что ж мне в жизни
Безызвестной?
Что в отчизне
Повсеместной?
Чем страшна
Мне волна?
Пусть настигнет
С вечной мглой,
И погибнет
Труп живой!..

X

Всё чернее
Свод надзвездный;
Всё страшнее
Воют бездны;
Ветр свистит,
Гром гремит,
Море стонет —
Путь далек...
Тонет, тонет
Мой челнок!
1828

ПРОВИДЕНИЕ

Я погибал...
Мой злобный гений
Торжествовал!..
Отступник мнений

Своих отцов,
Враг угнетений,
Как царь духов,
В душе безбожной
Надежды ложной
Я не питал
И из Эреба
Мольбы на небо
Не воссылал.
Мольба и вера
Для Люцифера
Не созданы, —
Гордыне смелой
Они смешны,
Злодей созрелый,
В виду смертей,
В когтях чертей, —
Всегда злодей.
Порабощенье,
Как зло за зло,
Всегда влекло
Ожесточенье,
Окаменен,
Как хладный камень,
Ожесточен,
Как серный пламень,
Я погибал
Без сожалений,
Без утешений...
Мой злобный гений
Торжествовал!..
Печать проклятий —
Удел моих

Подземных братьев,
Тиранов злых
Себя самих —
Уже клеймилась
В моем челе;
Душа ко мгле
Уже стремилась...
Я был готов
Без тайной власти
Сорвать покров
С моих несчастий.
Последний день
Сверкал мне в очи;
Последней ночи
Встречал я тень, —
И в думе лютой
Всё решено;
Еще минута
И... свершено!..
Но вдруг неожиданный
Надежды луч,
Как свет багряный,
Блеснул из туч:
Какой-то скрытый,
Но мной забытый
Издавна бог
Из тьмы открытой
Меня извлек!
Рукою сильной
Остов могильный
Вдруг оживил, —
И Каин новый
В душе суровой

Творца почтил.
 Непостижимый,
 Неотразимый,
 Он снова влил
 В грудь атеиста
 И лжесофиста
 Огонь любви!
 Он снова дни
 Тоски печальной
 Озолотил
 И озарил
 Зарей прощальной!
 Гори ж, сияй,
 Заря святая!
 И догорай,
 Не померкая!
 1828

ОСУЖДЕННЫЙ

Нас было двое — брат и я...
 А. Пушкин

I

Я осужден! К позорной казни
 Меня закон приговорил!
 Но я печальный мрак могил
 На плахе встречу без боязни, —
 Окончу дни мои, как жил!

II

К чему раскаянье и слезы
 Перед бесчувственной толпой,

Когда назначено судьбой
Мне слышать вопли, и угрозы,
И гул проклятий за собой?

III

Давно душой моей мятежной
Какой-то демон овладел,
И я зловещий мой удел,
Неотразимый, неизбежный,
В дали туманной усмотрел!..

IV

Не розы светлого Пафóса,
Не ласки гурий в тишине,
Не искры яхонта в вине, —
Но смерть, секира и колеса
Всегда мне грезились во сне!

V

Меня постигла дума эта
И ознакомилась со мной, —
Как холод с южною весной
Или фантазия поэта
С унылой северной луной!

VI

Мои утраченные годы
Текли, как бурные ручьи,
Которых мутные струи
Не серебрят, а пенят воды
На лоне илистой земли.

VII

Они рвались, они бежали
К неверной цели без препон;

Но быстрый бег остановлен,
И мне размах холодной стали
Готовит праведный закон.

VIII

Взойдет она, взойдет, как прежде,
Заутра ранняя звезда, —
Проснется неба красота, —
Но я!.. Я небу и надежде
Скажу: «Простите навсегда!»

IX

Взгляну с улыбкою печальной
На этот мир, на этот дом,
Где я был с счастьем незнаком,
Где я, как факел погребальный,
Горел в безмолвии ночном,

X

Где, может быть, суровой доле
Я чем-то свыше обречен!
Где я страстями заклею, —
Где чем-то свыше, поневоле,
Я был на время заключен!

XI

Где я... Но что?.. Толпа народа
Уже кипит на площадях...
Я слышу: «Узник, выходи!»
Готов — иду!.. Прости, природа,
Палач, на казнь меня веди!..

ТАБАК

Курись, табак мой! Вылетай
Из трубки, дым приятный,
И облаками расстилай
Свой запах ароматный!
Не столько персу мил кальян
Или шербет душистый,
Сколь мил душе моей туман
Твой легкий и волнистый!
Тиран лишил меня всего —
И чести и свободы,
Но всё курю, назло его,
Табак, как в прежни годы;
Курю и мыслю: как горит
Табак мой в трубке жаркой,
Так и меня испепелит
Рок пагубный и жалкой...
Курись же, вейся, вылетай,
Дым сладостный, приятный,
И, если можно, исчезай
И жизнь с ним невозвратно!

1828

РОМАНС

Пышно льется светлый Терек
В мирном лоне тишины;
Девы юные на берег
Вышли встретить пир весны.
Вижу игры, слышу ропот
Сладкозвучных голосов,

Слышу резвый, легкий топот
Разноцветных башмачков,

Но мой взор не очарован
И блесит не для побед —
Он тобой одним окован,
Алый шелковый бешмет!

Образ девы недоступной,
Образ строгой красоты
Думой грустной и преступной
Отравил мои мечты.

Для чего у страсти пылкой
Чародейной силы нет —
Превратиться невидимкой
В алый шелковый бешмет?

Для чего покров холодный,
А не чувство, не любовь
Обнимает, жмет свободно
Гибкий стан, живую кровь?

1830

МЕРТВАЯ ГОЛОВА

Из-за черных облаков
Блещет месяц в вышине,
Видны в стане казаков
Десять копий при луне.
Отчего ж она темна,
Что не светится она,

Сталь десятого копья?
Что за призрак вижу я
При обманчивой луне
На таинственном копье?
О, не призрак — наяву
Вижу вражеский укор —
Безобразную главу
Сына брани, сына гор.
Вечный сон ее удел
На отеческих полях;
На убийственных мечях
Он к ней рано прилетел.
Пять ударов острия
Твердый череп разнесли;
Муку смерти затая,
Очи кровью затекли.
Силу дивную бойца
Злобный гений превозмог, —
Труп холодный мертвеца
В землю с честью не лег.
И глава его темнит
Сталь десятого копья,
И душа его парит
В новой сфере бытия...

. . . . .

1830

ЦЫГАНКА

Кто идет перед толпою
По широкой площаді
С загорелой красотою
На щеках и на груди?

Под разодранным покровом
Проницательна, черна,
Кто в величии суровом
Эта дивная жена?..
Вьются локоны небрежно
По нагим ее плечам,
Искры наглости мятежно
Разбежались по очам, —
И, страшной ударов сечи,
Как гремучая река,
Льются сладостные речи
У бесстыдной с языка.
Узнаю тебя, вакханка
Незабвенной старины:
Ты коварная цыганка,
Дочь свободы и весны!
Под узлами бедной шали
Ты не скроешь от меня
Ненавистницу печали,
Друга радостного дня!
Ты знакома вдохновенью
Поэтической мечты,
Ты дарила наслажденью
Африканские цветы!
Ах, я помню... Но ужасно
Вспоминать лукавый сон;
Фараонка, не напрасно
Тяготит мне душу он!
Пронеслась с годами сила,
Я увял, — и наяву
Мне рука твоя вручила
Приворотную траву...

Е. И. Бибилова (автопортрет).

К СВОЕМУ ПОРТРЕТУ

Судьба меня в младенчестве убила!
Не знал я жизни *тридцать лет*,
Но ваша кисть мне вдруг проговорила:
«Восстань из тьмы, живи, поэт!»
Расцвела холодная могила,
И я опять увидел свет...

НЕГОДОВАНИЕ

Где ты, время невозвратное
Незабвенной старины?
Где ты, солнце благодатное
Золотой моей весны?
Как видение прекрасное,
В блеске радужных лучей,
Ты мелькнуло, самовластное,
И сокрылось от очей!
Ты не светишь мне попрежнему,
Не горишь в моей груди —
Предан року неизбежному
Я на жизненном пути,
Тучи мрачные, громовые
Над головой моей шумят;
Предвещения суровые
Дух унылый тяготят.
Ах, как много драгоценного
Я в сей жизни погубил!
Как я идола презренного —
Жалкий мир — боготворил!
С силой дивной и кичливою
Добровольного бойца
И с любовью ревнивою
Исступленного жреца
Я служил ему торжественно,
Без раскаянья страдал
И рассудок — луч божественный —
На безумство променял!
Как преступник, лишь окованный
Правосудною рукой —
Грозен ум, разочарованный
Светом истины нагой!

Что же?.. Страсти ненасытные
Я таил среди огня,
И друзья — злодеи скрытные —
Злобно предали меня!
Под эгидою ласкательства,
Под личиною любви,
Роковой кинжал предательства
Потонул в моей крови!
Грустно видеть бездну черную
После неба и цветов,
Но грустнее жизнь позорную
Убивать среди рабов
И, попранному обидою,
Видеть вечно за собой
С неотступной Немезидою
Безответственный разбой!
Где ж вы, громы-истребители,
Что ж вы кроетесь во мгле,
Между тем как притеснители
Торжествуют на земле!
Люди, люди развращенные —
То рабы, то палачи, —
Бросьте, злобой изощренные,
Ваши копья и мечи!
Не тревожьте сталь холодную —
Лютой ярости кумир!
Вашу внутренность голодную
Не насытит целый мир!
Ваши зубы кровожадные
Блещут лезвием косы —
Так грызитесь, плотоядные,
До последнего, как псы!..

БАЮ-БАЮШКИ-БАЮ

В темной горнице постель;
Над постелью колыбель;
В колыбели с полуночи
Бьется, плачет что есть мочи
Беспокойное дитя...
Вот, лампаду засветя,
Чернобровка молодая
Суется, припадая
Белой грудью к крикуну,
И лелеет, и ко сну
Избалованного клонит,
И поет, и тихо стонет
На чувствительный распев
Девяностолетних дев:

Усыпительная песня

«Да усни же ты, усни,
Мой хороший молодец!
Угомон тебя возьми,
О постылый сорванец!
Баю-баюшки-баю!

Уж и есть ли где такой
Сизокрылый голубок,
Ненаглядный, дорогой,
Как мой миленький сынок?
Баю-баюшки-баю!

Во зеленом во саду
Красно вишенья растет;

По широкому пруду
Белый селезень плывет.
Баю-баюшки-баю!

Словно вишенье румян,
Словно селезень он бел —
Да усни же ты, буян!
Не кричи же ты, пострел!
Баю-баюшки-баю!

Я на золоте кормить
Буду сына моего;
Я достану, так и быть,
Царь-девицу для него...
Баю-баюшки-баю!

Будет важный человек,
Будет сын мой генерал...
Ну, заснул... хоть бы навек!
Побери его провал!
Баю-баюшки-баю!»

Свет потух над генералом;
Чернобровка покрывалом
Обернула колыбель —
И ложится на постель...
В темной горнице молчанье,
Только тихое лобзанье
И неясные слова
Были слышны раза два...

После, тенью боязливой,
Кто-то, чудилось мне,
Осторожно и счастливо,
При мерцающей луне,
Пробирался по стене.

1834

Дмитрий Владимирович Веневитинов родился в Москве 14 сентября 1805 года. Он получил превосходное образование и уже к четырнадцати годам в подлинниках читал греческих и римских авторов. К семнадцати годам он прекрасно владел древними и новыми европейскими языками, обнаружил музыкальное дарование, работал серьезно по теории музыки, серьезно занимался и живописью.

Ему давали на дому уроки профессора Московского университета. Товарищами в его домашних занятиях были братья Хомяковы.

Семнадцати лет Веневитинов поступил вольнослушателем в Московский университет.

В университете Веневитинов входит в кружок молодых поклонников новой немецкой романтической философии. Он с увлечением изучает новых немецких философов-романтиков, и его вскоре избирают секретарем этого университетского кружка интересующихся философией. Кружок этот получил название кружка «любомудрия», а члены этого кружка назывались «любомудрами» («любомудрие», то есть любовь к мудрости, —

буквальный перевод на русский язык греческого слова «философия»). На собраниях кружка читали и обсуждали произведения немецких философов: Канта, Фихте, Шеллинга.

Учение немецких романтиков о поэте, вдохновенно возносящемся над жизнью, определило взгляды «любомудров» на назначение поэзии. Этот романтический взгляд на значение поэзии воспринял и Веневитинов.

В 1824 году Веневитинов окончил университет и поступил на службу в Московский архив коллегии иностранных дел. Работы в архиве почти никакой не было, и молодые люди из аристократических семейств, числившиеся на службе в архиве, заполняли время литературными разговорами. Постепенно этим разговорам придали более организованный характер. Архив приобрел репутацию клуба московской светской молодежи. Называли этих молодых сотрудников архива «архивными юношами». Пушкин в «Онегине» писал неодобрительно о высокомерии «архивных юношей», подчеркивая, что в своем романтическом зазнайстве они не сумели оценить значительности его любимой героини Татьяны, когда она попала на бал в Москву:

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про нее между собою
Неблагодарно говорят.
Один какой-то шут печальный
Ее находит идеальной...

D. Писемский

К 1825 году общее обострение политического положения в стране перед революцией сказалось и на интересах кружка «любомудров». После приезда в Москву Рылеева и встречи с ним философские интересы в кружке уступают место политическим. В годы 1824—1825 «любомудры» испытали влияние декабристских настроений.

Разгром декабристского восстания перепугал «любомудров». На последнем заседании кружка все протоколы общества были торжественно сожжены, а само общество распущено.

После разгрома декабристов радикальные политические настроения у «любомудров» быстро проходят. Сперва «любомудры» отказываются от прямой политической критики русской действительности, а затем постепенно эволюционируют к славянофильству. Некоторые из них доходят впоследствии до прямого примирения с царским режимом (Шевырев, историк Погодин).

В литературе «любомудры», воспользовавшись завоеваниями Пушкина, явились продолжателями мистического романтизма Жуковского.

Однако для них огромное значение имело то, что они сформировались как поэты в эпоху полной победы пушкинской школы. Поэтому поиски нового стиля связались для них с борьбой против пушкинской дороги русской поэзии.

В сущности говоря, линия «любомудров» в

литературе — это одна из больших дорог развития русской литературной культуры, дорога, противоположная пушкинской.

8 сентября 1826 года в Москву приехал Пушкин. Пушкин в это время сближается с московскими «любомудрами». Он дважды читает им «Бориса Годунова», который производит на них огромное впечатление. Он затевает с ними вместе журнал «Московский вестник» для борьбы против общих литературных врагов. «Любомудры» его интересуют прежде всего как теоретическая сила. Вот почему Веневитинов привлек его внимание не столько как поэт, сколько как критик. Он с интересом прочел статью Веневитинова — разбор первой главы «Евгения Онегина». Эта статья заинтересовала его своим отличием от остальной критики того времени, заинтересовала его как первое проявление в литературе нового духа молодой московской философской школы.

Однако вскоре выяснилось, что из этих попыток сближения Пушкина с «любомудрами» почти ничего не выходит. «Любомудры» относились к друзьям Пушкина, Вяземскому и Баратынскому, враждебно. Они выступали резко против пушкинской школы в поэзии, противопоставляя мелодической, гармонической поэзии поэзию философской мысли. Веневитинов, так же как и другие «любомудры», противопоставлял «гладким, бессодержательным» стихам поэзию мысли. Он нападал в своих статьях на «французскую фило-

софию искусства» (классицизм) и доказывал что «истинные поэты всех времен и народов всех веков были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения». Идеальными поэтами, образцами для подражания, он считал Гёте и Шиллера.

Именно потому, что стихи Баратынского поражали своим мелодическим совершенством, несмотря на их философскую содержательность, они вызвали у «любомудров» резко отрицательную оценку. К самому Пушкину они также относились очень холодно. Пушкину пришлось вскоре же бороться против неправильного противопоставления совершенства отделки стихов, их мелодического благозвучия — их содержательности. За этим спором, по существу, стояло более глубокое расхождение. Пушкину было враждебно все мировоззрение «любомудров», Пушкину была враждебна немецкая идеалистическая философия. Вот почему все эти попытки сближения Пушкина и «любомудров» привели в конце концов к взаимному разочарованию и охлаждению.

В 1826 году Веневитинов сделался усердным посетителем салона княгини Зинаиды Волконской, умной и художественно одаренной женщины. К этому времени салон Волконской сделался центром художественной жизни Москвы. В ее доме выступали приезжие европейские знаменитости: Лист, Мицкевич и др.

Веневитинов вскоре безнадежно влюбился в Волконскую.

Осенью 1826 года, чтобы расстаться с Волконской, он переехал служить в Петербург. На прощание она подарила ему в знак дружбы чугунный перстень, найденный, по преданию, при раскопках в погибшем при извержении Везувия городе Геркулануме.

По дороге, уже подъезжая к Петербургу, Веневитинов был арестован, так как в своей карете он вез человека, связанного с декабристами, которого согласился взять с собой по просьбе Волконской.

Веневитинов просидел около двух суток под арестом в сыром помещении. На допросе, когда его спросили о его отношении к декабристам, он ответил, что «если не принадлежал к обществу декабристов, то мог бы легко принадлежать к нему». Происшествие грозило обернуться большими неприятностями. Однако, так как повод для задержания оказался ничтожным, то допрос прекратили и Веневитинова просто выпустили.

В Петербурге Веневитинов поддерживает теснейшую связь со своими московскими друзьями. Еще до отъезда он выступал инициатором ряда издательских предприятий «любомудров». Теперь, в Петербурге, он разрабатывает план журнала «любомудров» «Московский вестник».

В Петербурге Веневитинов усердно занял-

ся также и сочинительством. Здесь он написал основные свои произведения.

В его стихах нашло отражение мировоззрение немецких философов-романтиков. Из его стихов встает романтический образ молодого поэта, полного ощущения своего высокого нравственного предназначения, порывающегося в идеальный мир от ничтожной и пошлой действительности, чувствующего ограниченность своих поэтических и жизненных сил и тоскующего в предчувствии своей близкой смерти.

И если рассмотреть поэзию Веневитинова в свете тех философских задач, которые он, следуя за романтической философией искусства Шеллинга, предъявлял к поэзии, то и его собственные стихи окажутся весьма далекими от того характера искусства, которого он требовал в своих статьях (не говоря уже о том, что они вообще широко используют те общие поэтические условные выражения, которые характерны для эпигонов пушкинской школы). Содержание его поэзии, если ее рассмотреть в свете высоких романтических требований, окажется очень общо и очень узко, оно исчерпывается несколькими поэтическими мотивами, группирующимися вокруг темы: молодой поэт, полный высокого идеализма и ощущения своего высокого нравственного предназначения, чувствует ограниченность своих поэтических и жизненных сил и тоскует, предчувствуя свою близкую смерть. Этот поэтический образ юно-

ши — поэта, философа, музыканта, художника и мечтателя, предсказавшего свою гибель, образ, вокруг которого циклизированы стихи Веневитинова, в какой-то мере символизирует его концепцию поэзии. Благодаря этому он определил собой все последующее истолкование друзьями и почитателями Веневитинова его судьбы.

Посреди всяческих своих литературных работ Веневитинов внезапно, 15 марта 1827 года, умер.

Неожиданная его смерть вызвала всеобщее сожаление. Она послужила поводом для создания легенды о юноше-поэте, безнадежно влюбленном в замечательную женщину, предсказавшем свою смерть и умершем в самом начале расцвета своего дарования.

Герцен подхватил эту легенду и подчеркнул ее политический смысл, связав гибель Веневитинова с разгромом декабризма. Он писал:

«14 декабря слишком глубоко отделило прошедшее, чтобы можно было продолжать предшествовавшую ему литературу. Уже на другой день этого великого дня мог притти молодой человек, полный фантазий и идей 1825 года, Веневитинов. Отчаяние, как и боль от раны, наступает не тотчас. Но едва только он произнес несколько благородных слов, как исчез, подобно цветам, выросшим под более теплым небом, умирающим от морозного дуновения Балтийского моря. Веневитинов не родился способным к жизни в новой

русской атмосфере. Нужен был другой закал, чтобы вынести воздух этой мрачной эпохи.. чтобы высоко держать голову, имея цепи на руках и ногах... Веневитинов убит обществом, 22 лет».

Ц. В.

К ПУШКИНУ

Известно мне: доступен Гений
Для гласа искренних сердец.
К тебе, возвышенный певец,
Взываю с жаром песнопений.
Рассей на миг восторг святой,
Раздумье творческого духа
И снисходительного слуха
Младую музу удостой.
Когда пророк свободы смелый,
Тоской измученный поэт,
Покинул мир осиротелый,
Оставя славы жаркий свет
И тень всемирных печали,
Хвалебным громом прозвучали
Твои стихи ему вослед.
Ты дань принес увядшей силе
И славе на его могиле
Другое имя завещал.
Ты тише, слаще воспевал
У муз похищенного галла.
Волнуясь песнею твоей,
В груди восторженной моей
Душа рвалась и трепетала.
Но ты еще не доплатил
Каменам долга вдохновенья;

К хвалам оплаканных могил
Прибавь веселые хваленья.
Их ждет еще один певец:
Он наш, — жилец того же света,
Давно блестит его венец;
Но славы громкого привета
Звучней, отрадней глас поэта.
Наставник наш, наставник твой,
Он кроется в стране мечтаний,
В своей Германии родной.
Досель хладающие длани
По струнам бегают порой,
И перерывчатые звуки,
Как после горестной разлуки
Старинной дружбы милый глас,
К знакомым думам клонят нас.
Досель в нем сердце не остыло,
И верь, он с радостью живой
В приюте старости унылой
Еще услышит голос твой.
И, может быть, тобой плененный,
Последним жаром вдохновенный,
Ответно лебедь запоет
И, к небу с песнею прощанья
Стремя торжественный полет,
В восторге дивного мечтанья
Тебя, о Пушкин, назовет.
1826

ПОЭТ

Тебе знаком ли сын богов,
Любимец муз и вдохновенья?

Узнал ли б меж земных сынов
Ты речь его, — его движенья?
Не вспыльчив он, и строгий ум
Не блещет в шумном разговоре,
Но ясный луч высоких дум
Невольно светит в ясном взоре.
Пусть вокруг него, в чаду утех,
Бушует ветренная младость, —
Безумный крик, нескромный смех
И необузданная радость,
Всё чуждо, дико для него.
На всё безмолвно он взирает,
Лишь редко что-то с уст его
Улыбку беглую срывает.
Его богиня — простота,
И тихий гений размышленья
Ему поставил от рожденья
Печать молчанья на уста.
Его мечты, его желанья,
Его боязни, упованья,
Всё тайна в нем, всё в нем молчит:
В душе заботливо хранит
Он неразгаданные чувства.
Когда ж внезапно что-нибудь
Взволнует огненную грудь, —
Душа, без страха, без искусства,
Готова вылиться в речах
И блещет в пламенных очах.
И снова тих он, и стыдливый
К земле он опускает взор,
Как будто слышит он укор
За невозвратные порывы.
О, если встретишь ты его

С раздумьем на челе суровом, —
Пройди без шума близ него,
Не нарушай холодным словом
Его священных, тихих снов!
Взгляни с слезой благоговенья
И молви: это сын богов,
Любимец муз и вдохновенья!
1826

ТРИ РОЗЫ

В глухую степь земной дороги,
Эмблемой райской красоты,
Три розы бросили нам боги,
Эдема лучшие цветы.

Одна под небом Кашемира
Цветет близ светлого ручья;
Она любовница зефира
И вдохновенье соловья.
Ни день, ни ночь она не вянет,
И если кто ее сорвет,
Лишь только утра луч проглянет,
Свежее роза расцветет.

Еще прелестнее другая:
Она, румяною зарей
На раннем небе расцветая,
Пленяет яркой красотой.
Свежей от этой розы веет
И веселей ее встречать.
На миг один она алеет,
Но с каждым днем цветет опять.

Еще свежей от третьей веет,
Хотя она не в небесах;
Ее для жарких уст лелест
Любовь на девственных щеках.
Но эта роза скоро вянет,
Она пуглива и нежна,
И тщетно утра луч проглянет —
Не расцветет опять она.
1826

ЭЛЕГИЯ

<Кн. З. Волконской>

Волшебница! Как сладко пела ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!
Как я любил твои воспоминанья,
Как жадно я внимал словам твоим
И как мечтал о крае неизвестном!
Ты упилась сим воздухом чудесным,
И речь твоя так страстно дышит им!
На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла.
Душа твоя так ясно разгорелась
И новый огонь в груди моей зажгла.
Но этот огонь томительный, мятежной,
Он не горит любовью тихой, нежной, —
Нет! он и жжет, и мучит, и мертвит,
Волнуется изменчивым желаньем,
То стихнет вдруг, то бурно закипит,
И сердце вновь пробудится страданьем.

З. А. Волконская.

Зачем, зачем так сладко пела ты?
Зачем и я внимал тебе так жадно
И с уст твоих, певица красоты,
Пил яд мечты и страсти безотрадной?
1826

УТЕШЕНИЕ

Блажен, кому судьба вложила
В уста высокий дар речей,
Кому она сердца людей
Волшебной силой покорила;
Как Прометей, похитил он
Творящий луч, небесный пламень
И вокруг себя, как Пигмальон,
Одушевляет хладный камень,
Немногие сей дивный дар
В удел счастливый получают,
И редко, редко сердца жар
Уста послушно выражают.
Но если в душу вложена
Хоть искра страсти благородной, —
Поверь, недаром в ней она;
Не теплится она бесплодно;
Не с тем судьба ее зажгла,
Чтоб смерти хладная зола
Ее навеки потушила:
Нет! — что в душевной глубине,
Того не унесет могила:
Оно останется во мне.

Души пророчества правдивы.
Я знал сердечные порывы,

Я был их жертвой, я страдал
И на страданья не роптал;
Мне было в жизни утешенье,
Мне тайный голос обещал,
Что не напрасное мученье
До срока растерзало грудь.
Он говорил: «Когда-нибудь
Созреет плод сей муки тайной,
И слово сильное случайно
Из груди вырвется твоей.
Уронишь ты его недаром;
Оно чужую грудь зажжет,
В нее как искра упадет,
А в ней пробудится пожаром».

1826

НОВГОРОД

<Кн. А. И. ТРУБЕЦКОЙ>

— Валяй, ямщик, да говори,
Далеко ль Новград? «Недалеко,
Версты четыре или три.
Вон видишь что-то там высоко,
Как черный лес издалека».

— Ну, вижу; это облака.
«Нет! Это Новградские кровли».

Ты ль предо мной, о древний град
Свободы, славы и торговли!
Как живо сердцу говорят
Холмы разбросанных обломков!

Не смолкли в них твои дела,
И слава предков перешла
В уста правдивые потомков.

«Ну, тройка! духом донесла».

— Потихе. Где собор Софийской?
«Собор отсюда, барин, близко.
Вот улица, да влево две,
А там найдешь уж сам собою,
И крест на золотой главе
Уж будет прямо пред тобою».

Везде былого свежий след!
Века прошли... но их полет
Промчался здесь, не разрушая.
— Ямщик, где площадь вечевая?
«Прозванья этого здесь нет».
— Как нет?

«А, площадь? Недалёко:
За этой улицей широкой,
Вот площадь. Видишь шесть столбов?
По сказкам наших стариков,
На сих столбах висел когда-то
Огромный колокол, но он
Давно отсюда увезен».

— Молчи, мой друг, здесь место свято;
Здесь воздух чище и вольней!
Потихе!.. Нет, ступай скорей:
Чего ищу я здесь, безумный?
Где Волхов? — «Вот перед тобой
Течет под этою горой».
Всё так же он волною шумной,
Играя, весело бежит!..

Новгородский кремль.

Он о минувшем не грустит.
Так всё здесь близко, как и прежде...
Теперь ты сам ответствуй мне,
О Новград! В вековой одежде
Ты предо мной, как в седине,
Бессмертных витязей ровесник.
Твой прах гласит, как бдящий вестник,
О непробудной старине.
Ответствуй, город величавый:
Где времена цветущей славы,
Когда твой голос, бич князей,
Звуча здесь медью в бурном вече,
К суду или к кровавой сече
Сзывал послушных сыновей?

Когда твой меч, гроза соседа,
Карал и рыцарей и шведа,
И эта гордая волна
Носила дань войны жестокой?
Скажи, где эти времена?

Они далёко, ах, далёко!

1826

* * *

Я чувствую, во мне горит
Святое пламя вдохновенья,
Но к темной цели дух парит...
Кто мне укажет путь спасенья?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипит, как океан безбрежный...
Найду ли я утес надежный,
Где твердой обопрусь ногой?
Иль, вечного сомненья полный,
Я буду горестно глядегь
На переменчивые волны,
Не зная, что любить, что петь?

Открой глаза на всю природу, —
Мне тайный голос отвечал, —
Но дай им выбор и свободу.
Твой час еще не наступал:
Теперь гонись за жизнью дивной
И каждый миг в ней воскрешай,
На каждый звук ее призывный
Отзывной песнью отвечай!
Когда ж минуты удивленья,

Веневетинин

Карикатура А. С. Пушкина на Д. В. Веневетинова.

Как сон туманный, пролетят
И тайны вечного творенья
Ясней прочтет спокойный взгляд —
Смирится гордое желанье
Обнять весь мир в единый миг,
И звуки тихих струн твоих
Сольются в стройные созданья

Не лжив сей голос прорицанья,
И струны верные мои
С тех пор душе не изменяли.
Пою то радость, то печали,
То пыл страстей, то жар любви
И беглым мыслям простодушно
Вверяюсь в пламени стихов.
Так соловей в тени дубров,
Восторгу краткому послушный,
Когда на доли ляжет тень,
Уныло вечер воспеваает
И утром весело встречает
В румянном небе ясный день.

1826—1827

К МОЕМУ ПЕРСТНЮ

Ты был отрыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной
Завещан будешь, перстень мой.
Но не любовь теперь тобой
Благословила пламень вечный

И над тобой, в тоске сердечной,
Святой обет произнесла;
Нет! дружба в горький час прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя залогом состраданья.
О, будь мой верный талисман!
Храни меня от тяжких ран,
И света, и толпы ничтожной,
От едкой жажды славы ложной,
От обольстительной мечты
И от душевной пустоты.
В часы холодного сомненья
Надеждой сердце оживи,
И если в скорбях заточенья,
Вдали от ангела любви,
Оно замыслит преступленье, —
Ты дивной силой укроти
Порывы страсти безнадёжной
И от груди моей мятежной
Свинец безумства отврати.
Когда же я в час смерти буду
Прощаться с тем, что здесь люблю,
Тогда я друга умолю,
Чтоб он с руки моей холодной
Тебя, мой перстень, не снимал,
Чтоб нас и гроб не разлучал.
И просьба будет не бесплодна:
Он подтвердит обет мне свой
Словами клятвы роковой.
Века промчатся, и быть может,
Что кто-нибудь мой прах встревожит
И в нем тебя отроет вновь;
И снова робкая любовь

Тебе прошепчет суеверно
Слова мучительных страстей.
И вновь ты другом будешь ей,
Как был и мне, мой перстень верный.
1827

<ПОСЛЕДНИЕ СТИХИ>

Люби питомца вдохновенья
И гордый ум пред ним склоняй;
Но в чистой жажде наслажденья
Не каждой арфе слух вверяй.
Не много истинных пророков
С печатью власти на челе,
С дарами выпрених уроков,
С глаголом неба на земле.
1827

Степан Петрович Шевырев родился 18 октября 1805 года в Саратове, в средней помещичьей семье. Учился он в Москве, в университетском Благородном пансионе. Пансион привил Шевыреву любовь к немецкой литературе. Уже в это время Шевырев поражает окружающих своими разносторонними и широкими познаниями.

Окончив пансион, Шевырев поступил в Московский архив коллегии иностранных дел, где сблизился с кружком московских «любомудров». Его захватывает круг философских интересов «любомудров». Особенно большое влияние на Шевырева оказывает философия немецкого философа-романтика Шеллинга.

В литературе Шевырев начинает выдвигаться вскоре же после разгрома декабристского движения. Одно из его первых стихотворений, «Я есмь», заслужило одобрительные отзывы Баратынского и Пушкина.

В организованном «любомудрами» журнале «Московский вестник» Шевырев делается руководящим критиком.

Как теоретик новой литературной школы Шевырев выступал с требованием создания философски содержательной поэзии, поэзии

больших тем и идей. Эту «поэзию мысли» он противопоставлял поэзии «выражения», гармоническую «гладкость» поэтов пушкинской школы. Он указывал на Шиллера и Державина как на идеальные типы поэтов, как на образцы для подражания, требуя от поэзии широты, глубины и высоты одического парения.

Выдвигая в своих статьях требование «поэзии мысли», Шевырев и сам писал стихи философского содержания. Белинский писал о его лирике двадцатых годов: «В основании его стихотворения лежит мысль глубокая и поэтическая, видны претензии на шиллеровскую обширность взгляда и глубокость чувства, и надо сказать правду, его стих всегда отличался энергической краткостью, крепостью и выразительностью... <Стихи Шевырева> при всех их достоинствах часто обнаруживают более усилия ума, нежели изливания горячего вдохновения».

Шевырев как поэт сознательно пренебрегал отделкой стихов, работая в манере неуклюжей, карежащейся речи, подчеркивающей своею неловкостью и грубостью, что она служит единственно средством выражения мысли.

В стихах Шевырева его романтическое философское мировоззрение получило свое выражение. Он создает пантеистические (одушевляющие природу) лирические стихотворения, в которых предвосхищены черты философской лирики Тютчева (см. его «Ночь»,

C. Webb.

в которой уже намечена тема «двойного бытия» и «ночного мира»).

Во второй половине двадцатых годов Пушкин с интересом присматривается к деятельности Шевырева. Шевырев кажется ему самым одаренным теоретиком молодой московской школы. Но уже и в это время обнаруживаются крупные противоречия во взглядах его и Пушкина. Нападения Шевырева на мелодические стихи, резкое осуждение им поэзии Баратынского, тяготение к немецкому идеализму — все это делало Шевырева для Пушкина человеком чуждым.

В 1829 году Шевырев уезжает в Италию. В Италии он пробыл три года. Здесь он основательно изучил итальянскую литературу: Тассо, Данте, Петрарка становятся его любимыми писателями. Здесь он много работает над изучением классического искусства, читает Лессинга и Винкельмана и приходит к убеждению, что самый эстетический анализ стихов надо поставить на историческую почву. Взгляды немецких романтиков на природу искусства, в которых проповедовалось противопоставление возвышенной души поэта жизни обывателей, кажутся Шевыреву теперь слишком схоластическими. Он пытается понять явление искусства в связи с общим историческим развитием народов.

В Италии Шевырев обдумывает также план реформы русского стихосложения. Он пытается перенести в русскую поэзию законы структуры поэзии итальянской. С этой

целью он затевает перевод 7-й песни «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо, пытаясь перенести в русскую поэзию особенности итальянских октав, в которых стих основан на свободном расположении ударений внутри стиховой строки, то есть Шевырев затеял возвратить русский стих к силлабическому стихосложению, от которого русскую поэзию освободила реформа метрики, осуществленная Ломоносовым. Привожу, для примера, одну из строф этого перевода Шевыревым 7-й песни «Освобожденного Иерусалима»:

Но и там гроза в гонении жестоком
Побегом утомленных не щадит;
Огни затушены; вода потоком
Повсюду хлещет, ветер злой свистит,
Полотна рвет, столбы крушит наскоком,
Шатры свивая, по полю кружит:
Дождь с воплем, ветром, громом согласился,
И страшный мир гармонией оглушился!

В своей «Эпиграмме-октаве» Шевырев характеризует шутя эту свою попытку реформировать русскую метрику. Однако затея возвратить русское стихосложение к силлабическому стиху была обречена на неудачу, ибо она тянула русский стих назад, к XVIII веку. Начинания Шевырева не имели успеха, и попытки реформировать русскую стихотворную технику окончились ничем.

Вскоре после возвращения Шевырева из Италии, в 1834 году, началась его ученая карьера. В 1835 году он получил звание профессора, и тогда же становится руково-

дящим критиком журнала «Московский наблюдатель». В этом журнале он ведет борьбу против капитализации России, защищая старую дворянскую культуру. Борьба эта весьма быстро превратилась, однако, в полемику не столько с капитализмом, сколько с передовыми литературными течениями и, прежде всего, с Белинским.

В то же время Шевырев готовит и выпускает ряд университетских курсов по литературе всеобщей и русской.

Со времени получения профессуры Шевырев эволюционирует в сторону прямой реакции. Он проделывает эволюцию сперва в сторону славянофилов, а затем переходит на позиции «официальной народности». С 1841 года он становится одним из руководителей журнала «Москвитянин», официального органа «самодержавия, православия и народности». С этого времени о Шевыреве говорят как о прямом реакционере. В университете в эти годы он занимается преследованием передовых профессоров-западников (особенно Грановского). Герцен писал о Шевыреве, что «он с особенным успехом нападает на тех лиц, за защиту которых можно попасть в острог».

В 1852 году Шевырев получает звание академика.

Умер он в Париже 8 мая 1864 года.

СОН

Мне бог послал чудесный сон:
Преобразилась природа,
Гляжу — с заката и с восхода
В единый миг на небосклон
Два солнца всходят лучезарных —
В порфирах огненно-янтарных —
И над воскреснувшей землей
Чета светил по небокругу
Течет во сретенье друг другу.
Всё дышит жизнью двойной:
Два солнца отражают воды,
Два сердца бьют в груди природы —
И кровь ключом двойным течет
По жилам божия творенья,
И мир удвоенный живет —
В едином миге два мгновенья.

И с сердцем грудь полуразбитым
Дышала вдвое у меня, —
И двум очам полузакрытым
Тяжел был свет *двойного* дня.
Мой дух предчувствие томило:
Ударит полдень роковой,
Найдет светило на светило,

И сокрушительной войной
Небесны огласятся своды,
И море смерти и огня
Польется в жилы всей природы:
Не станет мира и меня...
И на последний мира стон
Последним вздохом я отвечу.
Вот вижу роковую встречу,
Полудня слышу вещей звон:
Как будто молний миллионы
Мне опаляют ясный взор,
Как будто рвутся цепи гор,
Как будто твари слышны стоны...
От треска рухнувших небес
Мой слух содрогся и исчез.
Я бездыханный пал на землю.
Прошла гроза — очнулся — внемлю:
Звучит гармония небес,
Как будто надо мной незримы
Егову славят серафимы.
Я пробуждался ото сна —
И тихо открывались очи,
Как звезды в мраке бурной ночи, —
Взглянул горé: прошла война;
В долинах неба осиянных
Не видел я двух солнцев бранных —
И вылетел из сердца страх!
Прозрел я смелыми очами —
И видел: светлыми семьями
Сияли звезды в небесах.

[1827]

НОЧЬ

Как ночь прекрасна и чиста,
Как чувства тихи, светлы, ясны!
Их не коснется суета,
Ни пламень неги сладострастный!

Они свободны, как эфир;
Они, как эти звезды, стройны, —
Как в лоне бога спящий мир,
И величавы и спокойны.

Единый хор их слышу я,
Когда всё спит в странах окрестных!
Полна, полна душа моя
Каких-то звуков неизвестных.

И всё, что ясно зрится в день,
Что может выразиться словом,
Слилося в сумрачную тень,
Облечено мечты покровом.

Неясно созерцает взор,
Но всё душою дозираешь:
Так часто сердцем понимаешь
Немого друга разговор

[1828]

ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА

Видал ли ты, как пляшет Египтянка?
Как вихрь, она столбом взвевает прах,
Бежит, поет, как дикая Вакханка,
Ее власы, как змеи, на плечах.

Как песня вольности она прекрасна,
Как песнь любви она души полна,
Как поцелуй горячий сладострастна,
Как буйный хмель неистова она.

Она летит как полный звук цевницы,
Она дрожит как звонкая струна,
И пышет взор как жаркий луч денницы,
И дышит грудь как бурная волна.

[1828]

МЫСЛЬ

Падет в наш ум чуть видное зерно
И зреет в нем, питаясь жизни соком;
Но придет час, и вырастет оно
В создании иль подвиге высоком.
И разовьет красу своих рамен,
Как пышный кедр на высотах Ливана:
Не подточить его червям времен;
Не смыть корней волнами океана;
Не потрясти и бурям вековым
Его главы, увенчанной звездами,
И не стереть потопом дождевым
Его коры, исписанной летами.
Под ним идут неслышною стопой
Полки веков — и падают державы,
И племена сменяются чредой
В тени его благословенной славы.
И трупы царств под ним лежат без сил,
И новые растут для новых целей,
И миллион оплаканных могил,

И миллион веселых колыбелей.
Под ним и тот уже давно истлел,
Во чьей главе зерно то сокрывалось,
Отколь тот кедр родился и созрел,
Под тенью чьей потомство воспиталось.
/1828!

НОЧЬ

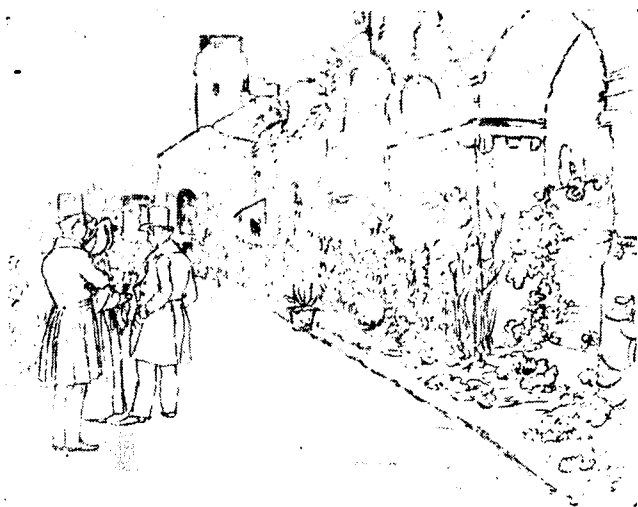
Немая ночь! прими меня,
Укрой испуганную думу;
Боюсь рассеянного дня,
Его бессмысленного шуму.
Там дремлют праздные умы,
Лепечут ветреные люди,
И свет их пуст, как пусты груди.
Бегу его в твои потьмы,
Где смело думы пробегают,
Не сторожит их чуждый зрак,
Где искры мыслей освещают
Кипящий призраками мрак.
Как всё в тебе согласно, стройно!
Как ты велика и спокойна!
И скольких тайн твоя полна
Пророческая тишина!
Какие думы и порывы
Ты в недрах зачала святых,
И сколько подвигов твоих
Присвоил день самолюбивый!
Как часто в тьме твоей сверкал
Смертельной искрою кинжал,
И освещал нерун свободы
Спокойно-темные народы!

О ночь! на глас любви моей
Слети в тумане покрывала;
Под чистой ризою твоей
Не скрою теплого кинжала.
Не в соучастницы греха,
Не на кровавое свиданье —
Мольбой смиренного стиха
Зовет тебя мое желанье.
Я чист — и, чистая, ко мне
Простри горящие объятья,
И нарисуй в волшебном сне:
Где други сердца, мысли братья!
И коль утраты суждены,
Не откажи ты мне в участьи
И звуком порванной струны
Не вдруг пророчь мне о несчастьи.
В душе потонет тяжкой стон,
Твоей тиши я не нарушу;
Любовник ждет; сведите сон
И всех друзей в родную душу.
[1829]

ПЕТРОГРАД

Море спорило с Петром:
«Не построишь Петрограда;
Покачу я шведский гром,
Кораблей крылатых стадо.
Хлынет вспять моя Нева,
Ополченная водами:
За отъятые права
Отомщу ее волнами.

С. П. Шевырсов, З. А. Волконская и Н. В. Гоголь в Италии. Рисунок В. А. Жуковского.

Что тебе мои поля,
Вечно полные волнений,
Велика твоя земля,
Не озреть твоих владений!»
Глухо Петр внимал речам:
Море злилось и шумело,
По синеющим устам
Пена белая кипела.

Речь Петра гремит в ответ:
«Сдайся, дерзостное море! —
Нет, — так пусть узнает свет;

Кто из нас могучей в споре?
Станет град же, наречен
По строителе высоком:
Для моей России он
Просвещенья будет оком.

По хребтам твоих же волн,
Благодарна, изумленна,
Плод наук мне принесет
В пользу чад моих, вселенна, —
И с твоих же берегов
Да узрят народы славу
Руси бодрственных сынов
И окрепшую державу».

Рек могучий — и речам
Море вторило сурово,
Пена билась по устам,
Но сбылось Петрово слово.
Чу!.. в Рифей стучит булат!..
Истекают реки злата,
И рождается чудо-град
Из неплодных топей блата.

Тяжкой движется стопой
Исполин — гранит упорный,
И приемлет вид живой,
Млату бодрому покорный.
И в основу зыбких блат
Улеглись миллионы:
Всходят храмы из громад
И чертоги и колонны.

Шпиц, прорезав недра туч,
С башни вспыхнул величавый,
Как ниспадный солнца луч
Или луч Петровой славы.
Что чернеет лоно вод?
Что шумят валы морские?
То дары Петру несет
Побежденная стихия.

Прилетели корабли, —
Вышли чуждые народы,
И России принесли
Дань наук и плод свободы.
Отряхнув она с очей
Мрак невежественной ночи,
К свету утренних лучей
Отверзает бодры очи.

Помнит древнюю вражду,
Помнит мстительное море,
И да мщенья примет мзду,
Шлет на град потоп и горе.
Ополчается Нева,
Но от твердого гранита,
Не отъяв свои права,
Удаляется сердита.

На отломок диких гор
На коне взлетел строитель:
На добычу острый взор
Устремляет победитель;
Зоркий страж своих работ,

Взором сдерживает море
И насмешливо зовет:
«Кто ж из нас могучей в споре?»
1829

ТИБР

Песня

Барвар севера надменный
Землю Рима хладно мнет
И с угрозой дерзновенной
Тибру древнему поет:

«Тибр! ты ль это? чем же славен?
Что добра в твоих волнах?
Что так шумен, своенравен
Расплескался в берегах?»

Тесен, мутен!.. — незавидно
Прокатил тебя твой рок!
Солнцу красному обидно
Поглядеться в твой поток.

Не гордись! — Когда б ты — горе!
Нашу Волгу увидал,
От стыда, от страха б, в море
Струи грязные умчал.

Как парчою голубою
Разостлалась по степям!
Как привольно в ней собою
Любоваться небесам!

Как молодой народ могуча,
Как Россия широка,
Как язык ее гремуча
Льется дивная река!

Далеко валы широки
Для побед отважных шлет
И послушные потоки
В царство влажное берет.

Посмотрел бы ты, как вскинет
Со хребта упорный лед
И суда свои подвинет
Да на Каспия пойдет!

О когда бы доплеснула
До тебя ее волна, —
Словно каплю бы сглотнула
И в свой Каспий унесла!»

Тибр в ответ: «Ужели, дикий,
Мой тебе невнятен вой?
Пред тобою Тибр великий
Плещет вольною волной.

Славен я между реками
Не простором берегов,
Не богатыми водами,
Не корыстию судов —

Славен тем я, Тибр свободный,
Что моих отважных вод

Развалины древнего Рима.

Цепью тяжелой и холодной
Не ковал могучий лед!

Славен тем, непобежденный,
Что об мой несдержный вал
Конь подковою презренной
В гордом беге не стучал.

Пусть же реки на просторе
Спят под цепью ледяной:
Я бегу, свободный, в море
Неумолчную волной».

СТАНСЫ РИМУ

По лестнице торжественной веков
Ты к славе шел, о древний град
свободы!

Ты путь свершил при звоне тех оков,
Которыми опутывал народы.
Всё вслед тебе, покорное, текло,
И тучами ты скрыл во мгле эфирной
Перунами сверкавшее чело,
Венчанное короною всемирной.

Но ринулись посланницы снегов,
Кипящие мятели поколений, —
И пал гигант, по лестнице ж веков,
Биясь об их отзывные ступени.
Рассыпалась, слетев с главы твоей,
На мелкие венцы корона власти.
Так новый рой плодится малых змей
От аспида, разбитого на части.

Но путь торжеств еще не истреблен,
Проложенный гигантскими пятами:
И Колизей, и мрачный Пантеон,
И храм Петра стоят перед веками.
В дар вечности обрек твои труды
С тобой времен условившийся гений,
Как шествия великого следы,
Не стертые потопом изменений.

СТЕНЫ РИМА

Веками тканная величия одежда!
 О каменная летопись времен!
 С благоговением, как набожный невежда,
 Вникаю в смысл твоих немых письмен.
 Великой буквою мне зрится всяк обломок,
 В нем речи прерванной ищу следов...
 Здесь всё таинственно — и каждый камень
громок
 Отзывами отгрянувших веков.
 1829—1830

ШИРОККО

Воздух скован теплотой,
 Крылья ветра не прохладны:
 Манят тени темнотой,
 Но и тени безотрадны.

В теплых рощах стрекоча,
 Надоела саранча;
 Зэфир листьев не колышет;
 Всё чуть движется, чуть дышет;

Мир уснул, оцепенел;
 Парит зной, но небо ясно,
 И не жди, чтоб дождь ненастно
 Над тобою прошумел.
 1830

ЭПИГРАММА-ОКТАВА

Рифмач, стихом российским недовольный,
 Затеял в нем лихой переворот:
 Стал стих ломать он в дерзости
крамольной,
 Всем рифмам дал бесчиннейший развод,
 Ямб и хорей пустил бродить по вольной.
 И всех грехов какой же вышел плод:
 «Дождь с воплем, ветром, громом
согласился,
 И страшный мир гармонией оглушился!»
 1831

МАДОННА

Мадонна грустная крестом сложила руки:
 О чем же плакать ей, блаженной, в небесах?
 О чем молиться ей — и к небу сердца звуки,
 Вдыхая, воссылать, в уныньи и слезах?

Недаром падает, свежа и благовонна,
 На землю жесткую насущная роса:
 То плачут каждый день, как грустная
Мадонна,
 О немощах земли святые небеса.

Недаром голуби в лазури неба вьются,
 Недаром лилии белеют по полям,
 И мысли чистые от избранных несутся
 Сквозь тьму нечистых дел к прекрасным
небесам.

Когда б безгрешное о грешном не молилось,
Когда бы праведник за гордых не страдал,
Давно бы уж земля под нами расступилась,
Давно бы мрачный ад всё светлое пожрал.

Вздохай же и молись, и не скудей слезами,
Источник радости, вселюбящая мать!
Да льются теплые живящими реками
И в мире темном зла не будут иссыхать!

В сердцах пресыщенных, на алчном жизни
пире,
В сердцах, обманутых надеждою земной,
Чем будет жить любовь в сем отлюбившем
мире? —
Твоей молитвою, вздыханьем и слезой.

1840

Алексей Степанович Хомяков родился 1 мая 1804 года в Москве, в старинной и состоятельной дворянской семье. Образование он получил домашнее и, нужно думать, основательное. Русскую словесность одно время преподавал ему драматург А. А. Жандр, друг Грибоедова и Катенина.

Еще в годы юности Хомяков подружился с Дмитрием Веневитиновым, будущим поэтом и фактическим руководителем литературно-философского кружка «любомудров». Очевидно под влиянием Веневитинова, Хомяков стал писать стихи. Среди его первых поэтических опытов была поэма о Вадиме, полупоэтическом герое древнего вольного Новгорода. В 1821 году Хомяков впервые выступил в печати с переводом отрывка из римского историка Тацита. Стихи он начал печатать позже.

В 1822 году Хомяков определился на военную службу, в кавалерию. Вообще в молодости им владела романтическая мечта о воинских подвигах. Семнадцатилетним юношей он задумал отправиться к восставшим грекам и сбежал из родительского дома, но был возвращен с дороги. В 1823 году Хомяков пере-

велся в Петербург и здесь сблизился с некоторыми участниками декабристского движения, между прочим с Рылеевым.

Неизвестно, как сложилась бы дальнейшая судьба Хомякова: возможно, что он прикнул бы к декабристам. Но весной 1825 года он оставил службу и отправился в длительное заграничное путешествие. 14 декабря застало его в Париже, где он занимался живописью и писал большую историческую трагедию «Ермак» (поставлена на сцене и напечатана она была значительно позже). Посетив Швейцарию, Италию и западные славянские земли, в 1826 году Хомяков вернулся на родину.

Живя в Москве, он вошел в кружок «любомудров» и деятельно сотрудничал в журнале «Московский вестник». Стихи Хомякова были встречены сочувственно и создали ему репутацию талантливому поэту.

Весной 1829 года, в начале войны с Турцией, Хомяков снова поступил на военную службу и уехал в армию. В походах он написал несколько стихотворений, которые Пушкин назвал прекрасными. Свои патриотические настроения Хомяков выразил в стихотворении «Прощание с Адрианополем» (турецкое название Адрианополя — Эды́рне):

Эды́рне! Прощай, уже более мне
Не зреть Забалканского края!
Ни синих небес в их ночной тишине,
Ни роскоши древней Сарая,

S. Lawrence

Ни тени густой полуденных садов,
Ни вас, кипарисы, любимцы гробов!

Эды́рне! На стройных мечетях твоих
Орел возвышался двуглавый;
Он вновь улетает: но вечно на них
Останутся отблески славы!
И турок в мечтах будет зреть пред собой
Тень крыльев Орла над померкшей Луной!

По окончании войны Хомяков оставил службу, и на этот раз навсегда. Он переживал в это время сильный творческий подъем, написал лучшие свои стихотворения и новую историческую трагедию «Дмитрий Самозванец».

В начале тридцатых годов Хомяков стал признанным вождем и вдохновителем московских славянофилов. Вокруг него объединились братья Киреевские, Аксаковы, Шевырев, Погодин, поэт Языков (на его сестре Хомяков женился в 1836 году) и др.

Ареной деятельности Хомякова служили московские салоны. Защита славянофильства и ожесточенные споры с идейными противниками поглощали все его время. А. И. Герцен следующим образом охарактеризовал Хомякова: «Ум сильный, подвижной, богатый памятью и быстрым соображением, он горячо и неумолимо проспорил всю свою жизнь. Боец без усталости и отдыха, он бил и колол, нападал и преследовал, осыпал островами и цитатами... Во всякое время дня и ночи он был готов на запутаннейший спор и употреб-

для торжества своего все на свете... Я не думаю, чтоб кто-нибудь из славян сделал больше для распространения их воззрений, чем Хомяков. Вся его жизнь, человека очень богатого и не служившего, была отдана пропаганде».

Поэтическое творчество Хомякова в это время угасает. Он выступает главным образом как писатель по религиозно-философским и публицистическим вопросам. Немногочисленные свои стихотворения он также посвящает преимущественно пропаганде славянофильских идей, в частности излюбленной своей идее освобождения западных славянских народов от власти католической Австрии и объединения их под покровительством России (таково, например, программное стихотворение «Мечта»). «Славянство» и «всеславянское единение» отныне становятся центральной темой поэзии Хомякова.

Славянофильские воззрения Хомякова были реакционны; однако в иных случаях он со своих славянофильских позиций выступал с критикой мрачной действительности николаевской эпохи. Таково, например, его стихотворение «России» (1854 года), заключающее резкие выпады против рабства, гнета и произвола, царивших во времена Николая Палкина:

В сулах черна неправдой черной,
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,

И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Стихотворение это произвело большой шум и создало Хомякову не заслуженную им славу передового политического поэта.

Умер Хомяков от холеры 23 сентября 1860 года.

Вл. О.

ЖЕЛАНИЕ

Хотел бы я разлиться в мире,
Хотел бы с солнцем в небе течь,
Звездой в сумрачном эфире
Ночной светильник свой зажечь.

Хотел бы зыбию стеклянной
Играть в бездонной глубине
Или лучом зари румяной
Скользить по плещущей волне.

Хотел бы с тучами скитаться,
Туманом виться вокруг холмов
Иль буйным ветром разыгаться
В седых изгибах облаков;

Жить ласточкой под небесами,
К цветам ласкаться мотыльком
Или над дикими скалами
Носиться дерзостным орлом.

Как сладко было бы в природе
То жизнь и радость разливать,
То в грóмах, вихрях, непогоде
Пространство неба обтекать!

КЛИВОК

Не презирай клинка стального
В обделке древности простой
И пыль забвенья векового
Сотри заботливой рукой.
Мечи с красивою оправой,
В золотых покояся ножна́х,
Блестали тщетною забавой
На пышных роскоши пирах;
А он, в порывах бурь военных,
По латам весело стучал
И на главах иноплеменных
Об Руси память зарубал.
Но тяжкий меч, в ножна́х забытый
Рукой слабеющих племен,
Давно лежит, полусокрытый
Под едкой ржавчиной времен,
И ждет, чтоб грянул голос брани,
Булата звонкого призыв,
Чтоб вновь воскрес в могущей длани
Его губительный порыв;
И там, где меч с золотой оправой
Как хрупкий сломится хрусталь, —
Глубоко врежет след кровавый
Его синеющая сталь.
Так не бросай клинка стального
В обделке древности простой
И пыль забвенья векового
Сотри заботливой рукой.

ДВА ЧАСА

Есть час блаженства для поэта,
Когда мгновенною мечтой
Душа внезапно в нем согрета,
Как будто огненной струей:
Сверкают слезы вдохновенья,
Чудесной силы грудь полна,
И льются стройно песнопенья,
Как сладкозвучная волна.
Но есть поэту час страданья,
Когда восстанет в тьме ночной
Вся роскошь дивная созданья
Перед задумчивой душой;
Когда в груди его сберется
Мир целый образов и снов,
И новый мир сей к жизни рвется,
Стремится к звукам, просит слов.
Но звуков нет в устах поэта,
Молчит окованный язык,
И луч божественного света
В его виденья не проник.
Вотще он стонет исступленный,
Ему не внемлет Феб скупой,
И гибнет мир новорожденный
В груди бессильной и немой.
1830(?)

ЗИМА

Поля покрылись пушистыми снегами
И солнце, скрытое туманными зыбями,
Как будто крадется невидимой стезей

От утра позднего до ранней тьмы ночной.
 Прощайте, осени разгульные забавы!
 Прощай, призывный рог в безмолвии
 дубравы

И легкий скок коня по долам и горам,
 И звучная гоньба по утренним зарям!
 Когда пройдет зима? Когда увидим снова
 Веселый цвет лугов и поля озимного,
 Леса, согретые дыханием весны,
 И синеву небес над зеркалом волны?
 Вотще, исполненный невольного томленья,
 Чтоб разогнать тоску и скуку заточенья,
 Гляжу в замерзшее и тусклое окно;
 Вокруг всё холодно, и мертво, и темно!
 Вдали шумит мятель, и на земле печальной
 Раскинут белый снег, как саван
 погребальный;

Вокруг всё холодно, но что ж? В груди
 моей

Теплее кровь бежит и взор души светлей.
 Мечта проснулася, и чудные виденья
 Рисует предо мной игра воображенья:
 Мне помнятся края, где, путник молодой,
 Я, с мирным посохом и пылкою душой,
 Бродил среди картин и прелестей природы;
 Скалы Швейцарии, убежище свободы,
 И роскошь Франции, и ты, страна чудес
 И пламенных искусств и радужных небес —
 Страна Италии, где луг, и лес, и волны,
 И диких гор верхи — восторгов сладких
 полны!

Мне битвы помнятся, гусаров шумный стан,

Блестящей сабли взмах, погибель мусульман,
Марицы светлый ток, Эдырне горделивый,
И стройный минарет в пустыне молчаливой.
Но чаще помню я, забывши внешний мир,
На лоне юности мой беззаботный пир,
Надежды смелые, веселые мечтанья,
Давно увядшие цветы существованья,
И брата и певца, любимца чистых муз,
И смертью раннею разорванный союз;
И с памятью утрат и прежних наслаждений
Бегут потоки слез, стихов и вдохновений.

1831

ИНОСТРАНКЕ

I

Вокруг нее очарованье,
Вся роскошь юга дышит в ней;
От роз ей прелесть и названье,
От звезд полудня — блеск очей.
Прикован к ней волшебной силой,
Поэт восторженный глядит,
Но никогда он деве милой
Своей любви не посвятит.

Пусть ей понятны сердца звуки,
Высокой думы красота,
Поэтов радости и муки,
Поэтов чистая мечта;
Пусть в ней душа как пламень ясный,
Как дым молитвенных кадил;

А. О. Россети-Смирнова.

Пусть ангел светлый и прекрасный
Ее с рожденья осенил, —
Но ей чужда моя Россия,
Отчизны дикая краса,
И ей милей страны другие,
Другие лучше небеса!
Пою ей песнь родного края —
Она не внемлет, не глядит!
При ней скажу я: «Русь святая!» —
И сердце в ней не задрожит!

И тщетно луч живого света
Из черных падает очей:
Ей гордая душа поэта
Не посвятит любви своей.

II

О дева-роза, для чего
Мне грудь волнуешь ты
Порывной бурею страстей,
Желанья и мечты?

Спусти на свой блестящий взор
Ресницы длинной тень:
Твои глаза огнем горят,
Томят, как летний день.

Нет: взор открой! Отраднo мне
От зноя изнывать,
Чем знать, что в небе солнце есть,
И солнца не видать!

1832

МЕЧТА

О грустно, грустно мне! ложится тьма
густая
На дальнем Западе, стране святых чудес:
Светила прежние бледнеют, догорая,
И звезды лучшие срываются с небес.
А как прекрасен был тот Запад величавый!
Как долго целый мир, колена преклонив,
И чудно озарен его высокой славой,

Пред ним безмолвствовал, смирен

и молчалив!

Там солнце мудрости встречали наши очи,
 Кометы бурных сеч бродили в высоте,
 И тихо, как луна, царица летней ночи,
 Сияла там любовь в невинной красоте;
 Там в ярких радугах сливались вдохновенья,
 И веры огонь живой потоки света лил...
 О, никогда земля от первых дней творенья
 Не зрела над собой столь пламенных светил!
 Но горе! век прошел, и мертвенным

покровом

Задернут Запад весь! Там будет мрак

глубок...

Услышь же глас судьбы, воспрянь в сияньи
 новом,

Проснися, дремлющий Восток!

1834

КНЕВ

Высоко передо мною
 Старый Киев над Днепром;
 Днепр сверкает под горою
 Переливным серебром.

Слава, Киев многовечный,
 Русской славы колыбель!
 Слава, Днепр наш быстротечный,
 Руси чистая купель!

Сладко песни раздалися,
 В небе тих вечерний звон:
 «Вы откуда собралися,
 Богомольцы, на поклон?»

— «Я оттуда, где струится
 Тихий Дон — краса степей».

— «Я оттуда, где клубится
 Беспредельный Енисей!»

— «Край мой — теплый берег
Эвксина!»

— «Край мой — берег тех дальних стран,
 Где одна сплошная льдина
 Оковала океан».

— «Дик и страшен верх Алтая,
 Вечен блеск его снегов:
 Там страна моя родная!»

— «Мне отчизна — старый Псков».

— «Я от Ладоги холодной»,

— «Я от синих волн Невы»,

— «Я ст Камы многоводной»,

— «Я от матушки Москвы».

Слава, Днепр, седые волны!
 Слава, Киев, чудный град!
 Мрак пещер твоих безмолвный
 Краше царственных палат.

Знаем мы: в века былые,
 В древню ночь и мрак глубок,
 Над тобой блеснул России
 Солнца вечного восток.

Київ.

И теперь из стран далеких,
Из неведомых степей,
От полночных рек глубоких, —
Полк молящихся детей, —

Мы вокруг твоей святыни
Все с любовью собраны...
Братцы, где ж сыны Волини?
Галич, где твои сыны?

Горе, горе! их спалили
Польши дикие костры;
Их сманили, их пленили
Польши шумные пиры:

Меч и лесть, обман и пламя
Их похитили у нас;
Их ведет чужое знамя,
Ими правит чуждый глас.

Пробудися, Киев, снова!
Падших чад своих зови!
Сладок глас отца родного,
Зов моления и любви.

И отторженные дети,
Лишь услышат твой призыв,
Разорвав коварства сети,
Знамя чуждое забыв,

Снова, как во время оно,
Успокоиться придут
На твое святое лоно,
В твой родительский приют.

И вокруг знамен отчизны
Потекут они толпой
К жизни духа, к духу жизни,
Возрожденные тобой!

1839

ВИДЕНИЕ

Как темнота широко воцарилась!
Как замер шум денного бытия!
Как сладостно дремотою забылась
Прекрасная, любимая моя!

Весь мир лежит в торжественном покое,
Увитый сном и дивной тишиной;
И хоры звезд, как празднество ночное,
Свои пути свершают над землей.

Что пронеслось, как вешнее дыханье?
Что надо мной так быстро протекло?
И что за звук, как арфы содроганье,
Как лебедя звенящее крыло?
Вдруг свет блеснул, полнеба распахнулось,
Я задрожал, безмолвный, чуть дыша...
О, перед кем ты, сердце, встрепенулось?
Кого ты ждешь? — скажи, моя душа!

Ты здесь, ты здесь, владыка песнопений,
Прекрасный царь моей молодой мечты!
Небесный друг, мой благодатный гений,
Опять, опять ко мне явился ты!
Всё та ж весна ланиты оживленной,
И тот же блеск твоих эфирных крыл,
И те ж уста с улыбкой вдохновенной,
Всё тот же ты: но ты не то, что был.

Ты долго жил в лазурном том просторе,
И на челе остался луч небес;
И целый мир в твоём глубоком взоре,
Мир ясных дум и творческих чудес.
Прекраснее, и глубже, и звучнее
Твоих речей певучая волна,
И крейкий стан подымется смелее,
И звонких крыл грознее ширина.

Перед тобой с волненьем тайным страха
Сливается волнение любви.

Склонись ко мне, возьми меня из праха,
Попрежнему мечты благослови!
Попрежнему эфирным дуновеньем,
Небесный брат, коснись главы моей,
Всю грудь мою наполни вдохновеньем,
Земную мглу от глаз моих отвей!

И полный сил, торжественный и мирный,
Я встаю над бездной бытия...
Проснись, тимпан! проснись, голос лирный!
В моей душе проснись, песнь моя!
Внемлите мне, вы, страждущие люди;
Вы, сильные, склоните робкий слух;
Вы, мертвые и каменные груди,
Услыша песнь, примите жизни дух!

1840

* * *

Беззвездная полночь дышала прохладой;
Крутилася Лаба, гремя под окном;
О Праге я с грустною думал отрадой,
О Праге мечтал, забываясь сном.

Мне снилось — лечу я: орел сизокрылый
Давно и давно бы в полете отстал,
А я, увлекаем невидимой силой,
Всё выше и выше взлетал.

И с неба картину я зрел величаву:
В убранстве и блеске весь Западный край,
Мораву, и Лабу, и дальнюю Саву,
Гремящий и синий Дунай.

37*

И Прагу я видел, и Прага сияла,
Сиял златоверхий на Петчине храм,
Молитва славянская громко звучала
В напевах, знакомых минувшим векам.

И в старой одежде святого Кирилла
Епископ на Петчин всходил,
И следом валила народная сила,
И воздух был полон куреньем кадил.

И клир, воспевая небесную славу,
Звал милость господню на Западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синий Дунай.

1847

В 1835 году вышел из печати первый сборник стихов никому до того в литературе не известного поэта В. Бенедиктова и сразу же сделал это имя самым модным в русской литературе. «Не один Петербург, — писал впоследствии в своей статье-воспоминаниях о Бенедиктове поэт Полонский, — вся читающая Россия упивалась стихами Бенедиктова». Стихи Бенедиктова имели невиданный в России, хотя и недолгий успех. Всюду только и говорили что о стихах Бенедиктова. Жуковский, Тютчев, Грановский, Тургенев с одобрением отзывались о его даровании. Шевырев провозгласил его «поэтом мысли». Многим современникам казалось, что Бенедиктов как поэт много крупнее Пушкина.

С другой стороны, Пушкин отозвался о стихах Бенедиктова очень холодно, сказав только, что ему нравится превосходное сравнение неба с опрокинутой чашей и удивительные рифмы, а затем Белинский подверг стихи Бенедиктова уничтожающему разбору, показав, что в этих стихах надутый, ходульный романтизм основан на ничтожности мысли и чувства и сочетается с мещанской безвкусицей стиля.

Белинский писал: «Стихотворения г. Бенедиктова имели особенный успех в Петербурге, успех, можно сказать, народный, — такой же как Пушкин имел в России. Разница только в продолжительности, но не в силе. И это очень легко объясняется тем, что поэзия г. Бенедиктова не поэзия природы, или истории, или народа, а поэзия средних кружков бюрократического населения Петербурга. Она вполне выразила их, с их любовью и любезностью, с их балами и светскостью, с их чувствами и понятиями, словом, со всеми их особенностями, и выразила простодушно восторженно, без всякой иронии, без всякой скрытой мысли».

Каково же значение стихов Бенедиктова в истории русской поэзии?

Владимир Григорьевич Бенедиктов происходил из чиновничьей семьи. Родился он 5 ноября 1807 года.

Он учился сперва в гимназии в Петрозаводске, а затем был отдан в кадетский корпус в Петербурге. Учился он старательно, окончил курс первым по успехам и поэтому, несмотря на свое чиновничье происхождение, был зачислен прапорщиком в гвардейский Измайловский полк.

В 1831 году он принимал участие в войне с восставшими поляками и, хотя ни в каких сражениях не участвовал, был награжден орденом за храбрость. В следующем году он вышел в отставку и поступил секретарем к министру финансов Канкрину.

Blanchard

Он проявил себя дельным и старательным чиновником. Был очень ценен министром, успешно делал чиновничью карьеру и дослужился наконец до должности директора банка, после чего вышел в отставку.

Внешность его была также типично чиновничья. Одна из его приятельниц впоследствии вспоминала о нем: «Бенедиктов сам по себе не очень был интересен. Он был мал ростом, имел круглое красное одутловатое лицо, светлые блуждающие глаза; по физиономии он был несимпатичен».

Так же вспоминает о нем и Полонский.

«Я впервые, — пишет он, — увидел Бенедиктова в 1854 году. Несчастливая наружность Бенедиктова была поразительно не в его пользу. Он казался чистеньким, скромным, даже несколько застенчивым чиновником — глядел несколько исподлобья, говорил мало, улыбался добродушно».

Образование Бенедиктова было невелико. Не окончив университета, он имел разнообразные, по большей части случайные сведения. Очень интересовался новой французской поэзией, любил Гюго, Барбье, Ламартина. Кроме того, очень интересовался астрономией и основательно знал астрономическую литературу.

Бенедиктов был, несомненно, наделен поэтическим талантом. Он писал стихи, отличавшиеся смелыми романтическими метафорами и нарядными, звучными рифмами.

Однако чиновничий характер его личной

культуры и мещанские представления о красивом делали его звучные стихи выражением безвкусицы, претенциозности, ходульной романтики и даже прямой пошлости. Впоследствии в литературе появился специальный термин «бенедиктовщина» для обозначения одной из важных особенностей поэзии Бенедиктова. «Бенедиктовщина» — это раскрытие высокой лирической поэтической темы средствами не подходящего ей мещанского «возвышенного» языка, приводящими к дискредитации самого лирического настроения. Так, в стихотворении «Кудри» читаем:

Кто из нас, друзья-страдальцы,
Будет амбру их глотать,
Навевать их шелк на пальцы,
Поцелуем прижигать...

Стих «Поцелуем прижигать», напоминающий словом «прижигать» о назойливом жаре или о медицинском прижигании, сразу приносит то настроение, которое опошляет поэтический смысл лирического рассказа. Еще пример:

Бурный ветер тучи двинул,
Зашатался ночи мрак.
Тучи лопнули, и хлынул
Крупный ливень на бивак.

Слово «лопнули» может быть отнесено к бутылке или к надутому пузырю. А в соединении со словом «тучи» оно придает образу ту ходульную эффектность стиля, которую и обозначают как «бенедиктовщину».

Эту «бенедиктовщину» и разоблачил в своих критических высказываниях о поэзии Бенедиктова Белинский. И, однако, значение поэзии его не только отрицательное.

В своеобразном стиле смелых метафор, в соединении несовместимых поэтических понятий, в любовании безобразным или злым (смотри, например, «Черные глаза» и др.), в попытках прозирать сквозь какой-нибудь обычный вальс «кружение всего мироздания» заключались некоторые зачаточные черты декадентской поэзии, некоторые элементы символического стиля, которые в России получили развитие в конце XIX века. Бенедиктов в стихотворении «Пиши, поэт...» так формулировал свое понимание задач поэта:

Чтоб выразить отчаянные муки,
Чтоб весь твой огонь в словах твоих изник —
Изобретай неслыханные звуки,
Выдумывай неведомый язык!

Эти предсказания будущего декадентского стиля и делают поэзию Бенедиктова своеобразным явлением.

В пятидесятые годы Бенедиктов снова вернулся к поэзии, уже в качестве гражданского либерального поэта. Но значение этого периода его творчества очень невелико.

Умер Бенедиктов 14 апреля 1873 года.

К ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ

Небо полночное звезд мириадами
Взорам бессонным блестит,
Дивный венец его светит Плеядами,
Альдебараном горит.
Пышных тех звезд красоту лучезарную
Бегло мой взор миновал,
Все облетел, — но, упав на Полярную,
Вдруг, как прикованный, стал.

Тихо горишь ты, дочь неба прелестная,
После докучного дня;
Кротко, таинственно, дева небесная,
Смотришь с высот на меня.
Жителя севера ночь необъятная
Врежет надолго во тьму:
Ты — безвосходная, ты — беззакатная —
Солнце ночное ему!

В длинную ночь селянин озабоченной,
Взоры стремя к высотам,
Ждет, — не пропустит поры обуроченной:
Он наглядит ее там,
Где колесница небес безотъездная
Искрой твоей зажжена;

Там в книге звездной ему семизвездная
Времени буква видна.

Плаватель по морю бурному носится —
Где бы маяк проблеснул?
У моря жадного дна не допросится,
Берег — давно потонул.
Там его берег, где ты зажигаешься,
Горный маяк, для очес!
Там его дно, где ты в небо впиваешься,
Огненный якорь небес!

Вижу: светил хоровод обращается, —
Ты ж в свою высь укреплена;
Лик неба звездного чудно меняется, —
Ты неизменно — одна.
Не оттого ли так сердцу мечтателя
Мил твой серебряный луч?
Молви, не ты ли в деснице создателя,
Звездочка, вечности ключ?

1830-е годы

КУДРИ

Кудри девы-чародейки,
Кудри — блеск и аромат,
Кудри — кольца, струйки, змейки,
Кудри — шелковый каскад!
Вейтесь, лейтесь, сыптесь дружно,
Пышно, искристо, жемчужно!

Вам не надобен алмаз:
Ваш извив неуловимый
Блещет краше без прикрас,
Без перловой диадимы;
Пусть лишь роза — цвет любви, —
Роза — нежности эмблема, —
Красит прелестью эдема
Ваши мягкие струи!
Помню: в сфере бальной ночи,
Убаюканные, вы,
Задремав, чрез ясны очи
Ниспадали с головы;
Сотня глаз вас окружала,
И при трепетных свечах
Чудно тень от вас дрожала
На груди и на плечах;
Ручка нежная бросала
Вас небрежно за ушко;
Сердце юношей пылало
И металось высоко.
Жадным взором мы ловили
Этих локонов разброс,
Слов уста не находили,
Но в глазах горел вопрос:
«Кто ж владелец будет полный
Этой россыпи златой?
Кто-то будет эти волны
Черпать жадною рукой?
Кто из нас, друзья-страдалцы,
Будет амбру их глотать,
Навевать их шелк на пальцы,
Поцелуем прижигать,
Путать негой, мять любовью

И во тьме по изголовью
Беззаветно рассыпать?»
Кудри, кудри золотые,
Кудри пышные, густые,
Девы царственный венец!
Вами юноши прельщались,
К вам мольбы их выражались
Стуком пламенных сердец;
Но, снедаемые взглядом
И доступны лишь ему,
Вы земным, бесценным кладом
Не вручились никому:
Появились, порезвились, —
И, как в море вод хрусталь,
Ваши волны укатились
В неизведанную даль.

/1836/

ЧЕРНЫЕ ОЧИ

Как могущественна сила
Черных глаз твоих, Адель!
В них — бесстрастия могила
И блаженства колыбель.
Очи, очи — обольщенье!
Как чудесно вы могли
Дать небесное значенье
Цвету скорбному земли!

Прочь с лазурными глазами,
Дева-ангел! — Ярче дня

Ты блестяшь; но у меня
Ангел — с черными очами.
Вы, кому любовь дано
Пить очей в лазурной чаше, —
Будь лазурно небо ваше!
У меня — оно черно.
Вам — кудрей руно золотое,
Други милые! Для вас
Блещет пламя голубое
В паре нежных, томных глаз;
Я пирую в черном цвете;
И во сне и наяву
Я витаю в черном свете,
Черным пламенем живу.
Пусть вас тешит жизни сладость
В ярких радужных цветах:
Мне мила, понятна радость
Только в траурных очах.
Полдень катит волны света —
Для других все мраки прочь:
Для меня ж всё тьмой одета
Глаз Адели черна ночь.

Вот смотрю, смотрю ей в очи,
Проникаю в глубину, —
Глубже, дальше... там одну
Вижу искру в бездне ночи:
О, как искра та чудна!
То трепещет, то затихнет,
То замрет, то пуще вспыхнет,
Так и рэзвится она.
Искра неба в женском теле!
Я узнал тебя, узнал,

Тайный блеск твой разгадал:
Ты — душа моей Адели!
Вот блестящая взвилась,
Задрожала, поднялась,
Подступила, подлетела
К рамам, к прорези очей,
И умильно посмотрела
В окна храмины своей,
Тихо влагой в них плеснула,
Тихо в глубь опять порхнула, —
А на черные глаза
Навернулась и блеснула,
Как жемчужинка, слеза.

Вот и ночь. Средь этой ночи,
Черноты ее черней,
Блещут черные те очи
Черным пламенем страстей.
Ветер юга теплокрылый
Двинул тучи; из-за туч
Лунный вырезался луч
И, упав на очи милой,
На окате их живом
Раздробился серебром.
Девы грудь волнообразна...
Ночь глуха, полна соблазна...

Прочь, лукавая мечта!
Нет, Адель, живи — чиста!
Не довольно ль любоваться
На тебя, звезда любви,
И очами погружаться
В очи черные твои,

Карикатура на В. Г. Бенедиктова.

Проникать в их мглу густую
И высматривать в тиши
Неба слезку золотую,
Эту искорку святую —
Блестку ангельской души?

1830-е годы

<ИЗ ЦИКЛА «ОТРЫВКИ ИЗ КНИГИ ЛЮБВИ»>

Пиши, поэт! Слагай для милой девы
 Симфонии сердечные свои!
 Переливай в гремучие напевы
 Несчастный жар страдальческой любви!
 Чтоб выразить отчаянные муки,
 Чтоб весь твой огонь в словах твоих
изник —
 Изобретай неслыханные звуки,
 Выдумывай неведомый язык!

И он поет. Любовью к милой дышит
 Откованный в горниле сердца стих.
 Певец поет: она его не слышит;
 Он слезы льет: она не видит их.
 Когда ж молва, все тайны расторгая,
 Песнь жаркую по свету разнесет
 И, может быть, красавица другая
 Прочувствует ее, не понимая,
 Она ее бесчувственно поймет;
 Она пройдет, измерит без раздумья
 Всю глубину поэта тяжких дум;
 Ее живой быстро-летучий ум
 Поймет язык сердечного безумья, —
 И, гордого могущества полна,
 Перед своим поклонником она
 На бурный стих порой ему укажет,
 Где вся душа, вся жизнь его горит,
 С улыбкою: «Как это мило!» — скажет
 И, легкая, к забавам улетит,
 А ты ступай, мечтатель неизменный,
 Вновь расточать бесплодные мечты!

Чиновникъ: Есть нужная бумага къ докладу.
Поэтъ: Вы дайте мнѣ лѣсу! дремучаго лѣсу!

(см. *Бенедик.* Т. III, ст. 52.)

Карикатура на В. Г. Бенедиктова.

Иди опять красавице надменной
Ковать венец, работник вдохновенный,
Ремесленник во славу красоты!
/1838/

ВАЛЬС

Всё блестит: цветы, кенкеты,
И алмаз, и бирюза,
Люстры, звезды, эполеты,
Серьги, перстни и браслеты,
Кудри, фразы и глаза.
Всё в движеньи: воздух, люди,
Блонды, локоны и груди,
И достойные венца
Ножки с тайным их обетом,
И страстями и корсетом
Изнуренные сердца.

Бурей вальса утомленной
Круг, редая постепенно,
Много блеска своего
Уж утратил. Средь разгара
Откружась, за парой пара
Отпадают от него.
Это — вихрем относимый
Прах с алмазного кольца,
Пыль с жемчужной диадимы,
Осыпь с царского венца; —
Это — искры звезд падучих,
Что порой в кругах летучих

Просекая небеса,
Брызжут в области земные,
Будто блески отсыпные
Переливчато-цветные
С огневого колеса.
Вот осталась только пара,
Лишь *она* и *он*. На ней
Белый газ — подобье пара;
Он — весь в черном — туч черней.
Гений тьмы и дух эдема,
Мнится, реют в облаках,
И Коперника система
Торжествует в их глазах.
Очевидно мир вертится,
Всё вращается, кружится,
Всё в пределах естества —
Вечный вальс! — Смычки живес
Сыплют гром; чета быстрее
В новом блеске торжества
Чертит молнии кругами,
И плотней свились крылами
Два летучих существа.
Тщетно хочет чернокрылый
Удержать полет свой: силой
Непонятною влеком,
Как над бездной океана,
Он летит в слоях тумана,
Весь обхваченный огнем.
В сфере радужного света
Сквозь хаос и огонь и дым
Мчится мрачная планета
С ясным спутником своим.
Тщетно белый херувим

Ищет силы иль заклятий
Разломить кольцо объятий;
Грудь томится, рвется речь,
Мрут бесплодные усилья,
Над огнем открытых плеч
Веют блондовые крылья,
Брызжет локонов река,
В персях места нет дыханью,
Воспаленная рука
Крепко сжата адской дланью,
А другою — горячо
Ангел, в ужасе паденья,
Держит демона круженья
За железное плечо.

1840

В 1834 году профессор П. А. Плетнев, поэт и критик, широко известный своею дружбой с Пушкиным и Жуковским, придя на лекцию, объявил студентам, что один из них, Петр Павлович Ершов, сочинил превосходную стихотворную сказку. Плетнев тут же прочел студентам первую ее часть. Сказка эта — «Конек-горбунок».

Этот эпизод послужил началом всероссийской славы Ершова. Студенту Ершову было тогда девятнадцать лет.

Родился он 22 февраля 1815 года, в далекой Сибири, в селе Безруком, за четыреста верст от Тобольска.

Отец его был исправником.

В семье Ершова знали народные рассказы и легенды, верили во всякие приметы и гадания. Так, сохранился характерный рассказ о следующем факте. Ершов родился очень слабым и больным. Опасаясь, что ребенок умрет, родители, по принятому в Сибири поверью, для спасения сына продали его через окно нищему за грош. Продажа эта, конечно, была условна. Ершов поправился и выжил. Впоследствии он сам, смеясь, говорил: «Что мне чины и почести, когда я стою только один грош».

Еще в детстве Ершов с интересом прислушивался к народным сказкам и легендам. Один из его друзей рассказывает, что свои уроки Ершов «готовил шутя, то припевая что-нибудь, то разнообразя их рассказами и непременно в сказочном роде».

Когда мальчику исполнилось двенадцать лет, семья переехала в Тобольск. Там Ершов окончил гимназию. Затем семья Ершова переехала в Петербург. Здесь он поступил в университет, на юридический факультет.

В университете Ершов учился малоуспешно. Окончил он университет благодаря ряду случайностей. Так, приготовив к экзамену по уголовному праву только один вопрос, Ершов счастливо вытащил билет именно с этим вопросом. Впоследствии он с огорчением говорил о себе: «Я кандидат университета, а не знаю ни одного иностранного языка».

Литературная культура его также была невелика. Так, он говорил о Шекспире: «Я читал, читал его, да и оставил: к чему преждевременно охлаждать себя?» В то же время стихи Бенедиктова приводили его в восторг.

В университетские годы Ершов написал «Конька-горбунка» и передал его на суд профессору П. А. Плетневу.

Плетнев показал сказку Пушкину. Рассказывают, что Пушкин сказку одобрил, что он переделал первые четыре стиха сказки и возвратил ее Плетневу. Через некоторое время, при знакомстве с Ершовым, Пушкин любезно сказал ему (не без иронии): «Теперь

Wm. E. Guady

этот род сочинений можно мне и оставить!»

«Конек-горбунок» получил восторженное одобрение самых широких читательских кругов. Среди всеобщих одобрений, однако, заметно прозвучала суровая оценка этой сказки Белинским, который писал, что «Конек-горбунок» — произведение ложного стиля, «подделка под народное творчество».

Сам Ершов считал свою сказку произведением народным, говорил, что он почти слово в слово взял ее из уст народных рассказчиков, от которых слышал разные ее куски, что он только привел ее в более стройный вид и в отдельных местах дополнил.

И действительно, хотя Ершов писал свою сказку по образцу тех переработок народных легенд и сказаний, которые получили широкую популярность в начале тридцатых годов XIX века благодаря замечательным использованиям народного творчества большими писателями этой эпохи (Пушкиным, Гоголем, Жуковским и т. д.), хотя в его сказке можно заметить явное влияние некоторых знаменитых литературных произведений того времени (например, «Горе от ума»), в «Коньке-горбунке» можно найти большое количество эпизодов, восходящих к подлинно народной сказочной литературе.

В свое сказочное повествование Ершов внес много народной иронии: сатирические характеристики чиновничества, суда, царской власти и т. п.

Увлекательный сюжет и народный характер сатирического повествования и сделали сказку необычайно популярной. Она уже при жизни Ершова вышла семью изданиями. Вскоре она породила большое количество подражаний (вроде «Конек-горбунок с золотой щетинкой» или «Конек-горбунок, подражание сказке Ершова» и т. д.) и сама вошла в круг массового народного чтения. В 1864 году балетмейстер Сен-Леон написал на текст ершовской сказки либретто и поставил балет. С тех пор «Конек-горбунок» сохраняется на балетной сцене.

Сам Ершов так объяснял, почему «Конек-горбунок» оказался крупной литературной удачей. «На «Коньке-горбунке», — писал он впоследствии, — воочию сбывается русская пословица: не родись ни умен, ни пригож, а родись счастлив. Вся моя заслуга тут, что мне удалось попасть в народную жилку».

Эта «народная жилка» обеспечила успех «Конька-горбунка», она же объясняет, почему сказка не утратила интереса и в наши дни.

Успех «Конька-горбунка» ввел Ершова в литературу. Однако все, что он написал после этой сказки, было вяло и неинтересно. Литературный заработок не мог его обеспечить. Нужно было подумать о службе. К тому же Ершов все время стремился уехать обратно на родину. Происходя из Сибири, он не переставал интересоваться родным краем и даже обдумывал план путешествия по Сибири для подробного ее изучения.

Вот почему в конце концов Ершов решил принять предложенное ему место учителя тобольской гимназии и уехать из Петербурга.

Летом 1836 года он переехал в Сибирь.

В первые годы жизни в Тобольске Ершов встречался с сосланными туда декабристами, был близок с композитором Алябьевым. Свидетельством дружеских его отношений с декабристами может служить тот факт, что через Ершова декабристы переслали в Петербург знаменитый ответ Одоевского на послание к ним Пушкина. В это время Ершов полон различных литературных замыслов. Здесь, в Сибири, он мечтает написать сибирский роман, взяв за образец Фенимора Купера.

Но через несколько лет Ершов связи с декабристами утратил, умственно опустился, женился на многодетной вдове и, обремененный огромным семейством, стал думать исключительно о заработке. Воззрения его делались все реакционнее, он превратился в типичного провинциального чиновника педагогического ведомства и дослужился к концу жизни до должности директора гимназии.

Когда в конце пятидесятых годов он приехал в Петербург хлопотать о должности директора, он произвел на своих друзей тягостное впечатление. Перед ними был разживший провинциал, ничего не читающий, ничем не интересующийся.

Умер Ершов 18 августа 1869 года.

Ц. В.

КОНЕК-ГОРБУНОК

Русская сказка

<ОТРЫВОК ИЗ 1-й ЧАСТИ>

Начинается сказка сказываться.

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле
Жил старик в одном селе.
У крестьянина три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын и так и сяк,
Младший вовсе был дурак.
Братья сеяли пшеницу
Да возили в град-столицу:
Знать, столица та была
Недалече от села.
Там пшеницу продавали,
Деньги счетом принимали
И с набитою сумой
Возвращались домой.

В долгом времени аль вскоре,
Приключилося им горе:
Кто-то в поле стал ходить
И пшеницу шевелить.

Мужички такой печали
Отродясь не видали;
Стали думать да гадать,
Как бы вора соглядать.
Наконец себе смекнули,
Чтоб стоять на карауле,
Хлеб ночами поберечь,
Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться,
Начал старший брат собираться,
Вынул вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь ненастная настала;
На него боязнь напала,
И со страхов наш мужик
Закопался под сенник.
Ночь проходит, день приходит,
С сенника дозорный сходит
И, облив себя водой,
Стал стучаться под избой:
«Эй, вы, сонные тетери!
Отпирайте брату двери,
Под дождем я весь промок
С головы до самых ног».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?
Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И, прокашлявшись, сказал:
«Всю я ноченьку не спал;

На мое ж притом несчастье,
Было страшное ненастье:
Дождь вот так ливмя и лил,
Рубашонку всю смочил.
Уж куда как было скучно!..
Впрочем, всё благополучно».
Похвалил его отец:
«Ты, Данило, молодец!
Ты, вот, так сказать, примерно,
Сослужил мне службу верно,
То есть, будучи при всем,
Не ударил в грязь лицом».

Стало сызнава смеркаться;
Средний брат пошел собирать,
Взял и вилы и топор
И отправился в дозор.
Ночь холодная настала,
Дрожь на малого напала,
Зубы начали плясать;
Он ударился бежать, —
И всю ночь ходил дозором
У соседки под забором.
Жутко было молодцу!
Но вот утро! Он к крыльцу.
«Эй, вы, сони! Что вы спите!
Брату двери отоприте;
Ночью страшный был мороз,
До животиков промерз».
Братья двери отворили,
Караульщика впустили,
Стали спрашивать его:
Не видал ли он чего?

Караульщик помолился,
Вправо, влево поклонился
И сквозь зубы отвечал:
«Всю я ноченьку не спал,
Да к моей судьбе несчастной,
Ночью холод был ужасный,
До сердцов меня пробрал;
Всю я ночь проскакал;
Слишком было несподручно...
Впрочем, всё благополучно».
И ему сказал отец:
«Ты, Гаврило, молодец!»

Стало в третий раз смеркаться,
Надо младшему собираться;
Он и усом не ведет,
На печи в углу поет
Изо всей дурацкой мочи:
«Распрекрасные вы очи!»
Братья ну ему пенять,
Стали в поле погонять,
Но сколь долго ни кричали,
Только голос потеряли:
Он ни с места. Наконец
Подошел к нему отец,
Говорит ему: «Послушай,
Побегай в дозор, Ванюша;
Я куплю тебе лубков,
Дам гороху и бобов».

Тут Иван с печи слезает,
Малахай свой надевает,
Хлеб за пазуху кладет,
Караул держать идет.

Ночь настала; месяц всходит;
Поле всё Иван обходит,
Озираючись кругом,
И садится под кустом:
Звезды на небе считает
Да краюшку уплетает.
Вдруг о полночь конь заржал...
Караульщик наш привстал,
Посмотрел на рукавицу
И увидел кобылицу.
Кобылица та была
Вся, как зимний снег, бела,
Грива в землю, золотая,
В мелки кольца завитая.
«Эхе-хе! Так вот какой
Наш воришко!.. Но постой,
Я шутить ведь не умею,
Разом сяду те на шею.
Вишь, какая саранча!»
И, минуто улуча,
К кобылице подбегает,
За волнистый хвост хватает
И садится на хребёт —
Только задом наперед.
Кобылица молодая,
Очью бешено сверкая,
Змеем голову свила
И пустилась как стрела.
Вьется кругом над полями,
Виснет пластью надо рвами,
Мчится скоком по горам,
Ходит дыбом по лесам,

Хочет силой аль обманом,
Лишь бы справиться с Иваном;
Но Иван и сам не прост —
Крепко держится за хвост.

Наконец она устала.
«Ну, Иван, — ему сказала, —
Коль умел ты усидеть,
Так тебе мной и владеть.
Дай мне место для покою
Да ухаживай за мною
Сколько смыслишь. Да смотри,
По три утренни зари
Выпускай меня на волю
Погулять по чисту полю.
По исходе же трех дней
Двух рожу тебе коней, —
Да таких, каких поныне
Не бывало и в помине;
Да еще рожу конька
Ростом только в три вершка,
На спине с двумя горбами
Да с аршинными ушами.
Двух коней, коль хошь, продай,
Но конька не отдавай
Ни за пояс, ни за шапку,
Ни за черную, слышь, бабку.
На земле и под землей
Он товарищ будет твой,
Он зимой тебя согреет,
Летом холодом обвеет;
В голод хлебом угостит,
В жажду медом напоит.

Я же снова выйду в поле
Силы пробовать на воле».

«Ладно», думает Иван
И в пастуший балаган
Кобылицу загоняет,
Дверь рогожей закрывает,
И, лишь только рассвело,
Отправляется в село,
Напевая громко песню:
«Ходил молодец на Пресню».

Вот он всходит на крыльцо,
Вот хватает за кольцо,
Что есть силы в дверь стучится,
Чуть что кровля не валится,
И кричит на весь базар,
Словно сделался пожар.
Братья с лавок поскакали,
Заикаясь, вскричали:
«Кто стучится сильно так?» —
«Это я, Иван-дурак!»
Братья двери отворили,
Дурака в избу впустили
И давай его ругать,
Как он смел их так пугать!
А Иван наш, не снимая
Ни лаптей, ни малахая,
Отправляется на печь
И ведет оттуда речь
Про ночное похождение,
Всем ушам на удивленье:
«Всю я ноченьку не спал,

Звезды на небе считал;
Месяц, ровно, тоже светил, —
Я порядком не приметил.
Вдруг приходит дьявол сам,
С бороною и с усам;
Рожа словно как у кошки,
А глаза-то что те плошки!
Вот и стал тот чорт скакать
И зерно хвостом сбивать.
Я шутить ведь не умею
И вскочи ему на шею.
Уж таскал же он, таскал,
Чуть башки мне не сломал,
Но и я ведь сам не промах,
Слышь, держал его, как в жомах.
Бился, бился мой хитрец
И взмолился наконец:
«Не губи меня со света!
Целый год тебе за это
Обещаюсь смирно жить,
Православных не мутить».
Я, слышь, слов-то не померил
Да чертенку и поверил».
Тут рассказчик замолчал,
Позевнул и задремал.
Братья, сколько ни сердчали,
Не смогли — захохотали,
Ухватившись за бока,
Над рассказом дурака.
Сам старик не мог сдержаться,
Чтоб до слез не посмеяться.
Хоть смеяться, так оно
Старикам уж и грешно.

Много ль времени аль мало
С этой ночи пробежало, —
Я про это ничего
Не слышал ни от кого.
Ну, да что нам в том за дело,
Год ли, два ли пролетело, —
Ведь за ними не бежать...
Станем сказку продолжать.

< . . . . . >

1834

В 1830 году замечательный русский человек, юноша, оказавший огромное влияние на всю передовую русскую литературу середины XIX века, Н. В. Станкевич, гостил у своего отца, воронежского помещика. Отец Н. В. Станкевича имел также и винокуренный завод, куда часто приезжали торговцы скотом (прасолы), пригоняя свои гурты для корма бардой.

Однажды Н. В. Станкевич, ложась спать, долго не мог разыскать своего камердинера. Наконец тот явился и стал оправдывать свое опоздание тем, что за ужином вновь прибывший прасол, по фамилии Кольцов, читал им такие песни, что они все заслушались и никак не могли от него отстать. При этом камердинер прочел несколько строчек. Стихи показались Станкевичу замечательными. Он велел привести к нему наутро Кольцова. Когда на следующее утро Кольцов пришел, Станкевич спросил его, откуда он достал такие превосходные песни. К своему удивлению, он услышал, что тот сочинил их сам.

Станкевич заинтересовался молодым поэтом-самородком. Он взял с собой несколько песен Кольцова и напечатал одну в 1831 году

в «Литературной газете» в Петербурге. Тогда же Станкевич показал стихи Кольцова своему другу, критику Белинскому.

Вслед за тем, в 1831 году, приезжал в Москву по делам и сам Кольцов. Здесь он познакомился с Белинским.

Белинский очень высоко оценил поэзию Кольцова. Вскоре Белинский сделался его лучшим другом и самым авторитетным для него литературным судьей, оказавшим огромное влияние на все дальнейшее развитие творчества Кольцова и на его литературную судьбу.

В 1835 году кружок Белинского и Станкевича на средства членов этого кружка издал первый сборник стихотворений Кольцова. С этого времени имя Кольцова получает литературную известность.

Авторитетное мнение Белинского много способствовало созданию общенародной славы поэзии Кольцова.

Белинский писал, что Кольцов первый из русских поэтов создал народную, а не подражательную литературную песню.

Вслед за Белинским столь же высоко оценила поэзию Кольцова и вся передовая русская критика. Добролюбов писал о стихах Кольцова: «Кольцов вполне заслужил наше мнение и сочувствие не только как замечательный простолюдин-самоучка, но и как великий народный поэт».

Высоко оценивая поэзию Кольцова, пред-

ставители общественной передовой критики середины XIX века ощущали, что она отражает только одну сторону той новой демократической поэзии, за которую они боролись. Добролюбов очень точно определил, чего нехватает Кольцову, для того чтобы быть тем поэтом, которого ждала в середине XIX века демократическая Россия.

«Нам нужен был бы теперь поэт, — писал он, — который бы с красотой Пушкина и силою Лермонтова умел бы продолжить и расширить реальную, здоровую сторону стихотворений Кольцова». Эти строки, несомненно, должны быть отнесены к Некрасову.

Таким образом, критики школы Белинского высоко оценили своеобразие поэзии Кольцова, ее обращенность к народному творчеству и ее демократический характер, угадав в Кольцове предшественника Некрасова. Одновременно эти критики наметили и те широкие требования к новому поэту демократии, которые Кольцов своей поэзией мог удовлетворить только частично.

Несмотря на завоеванную литературную известность, отдать себя целиком литературному труду Кольцову не удалось. Жизнь его сложилась тяжело и неудачно.

Происходил Алексей Васильевич Кольцов из воронежской мещанской семьи. Он родился 3 октября 1809 года в Воронеже. Ко времени рождения сына отец его сильно разбогател, купил дом на самой большой

улице Воронежа и вел крупную торговлю скотом.

Отец Кольцова был человек крутого нрава. Цележественный и жестокий мещанин, он держал все семейство в страхе и порабощении.

Когда мальчик немного подрос, к нему определили семинариста для обучения грамоте, а в 1818 году отдали в первый класс уездного училища.

Кольцов перешел в следующий класс, но отец нашел, что он потратил достаточно времени на науки, что пора ему заняться делом, и взял его из училища.

С этого времени Кольцов становится помощником отца в разнообразных деловых предприятиях. Он покупает и продает скот, ведет стройку дома, на нем лежат большие коммерческие расчеты по разнообразным делам отца, он ведет постоянные тяжбы отца с крестьянами и купцами и целые недели проводит в поездках, лежа в телеге под открытым небом, в степи, сопровождая караваны купленного или проданного скота.

Жизнь крестьян, которую Кольцов имел возможность хорошо изучить во время своих деловых путешествий, картины степи и южной природы, весь материал жизненных и личных наблюдений Кольцова — все это впоследствии войдет в его стихи как тот своеобразный мир его поэзии, который определил резкое отличие его поэтических раз-

мышлений и лирических раздумий от стиля дворянской поэзии той эпохи.

«Прасол, верхом на лошади, — писал Белинский, — гоняющий скот с одного поля на другое; по колени в крови присутствующий при резании, или, лучше сказать, при бойне скота; приказчик, стоящий на базаре у возов с салом — и мечтающий о любви, о дружбе, о внутренних поэтических движениях души, о природе, о судьбе человека, о тайнах жизни и смерти, в то же время...мышленный и бойкий русский торговец, который продает, покупает, бранится и дружится бог знает с кем, торгуется из копейки и пускает в ход все пружины мелкого торгашества, которых внутренне отвращается как мерзости: какая картина, какая судьба, какой человек!»

Окружающая мещанская обстановка и убожество собственного образования тяготят Кольцова. Неудовлетворенность его своей жизнью получает выражение и в его стихах.

Писать стихи он начал в 1825 году.

Первые его стихотворные опыты поражают своей беспомощностью и малограмотностью.

Вскоре Кольцов познакомился с воронежским книгопродавцем Д. А. Кашкиным. Кашкин начал снабжать его книгами. Кашкин же подарил Кольцову и русский учебник стихосложения.

В конце двадцатых годов Кольцов сблизился с воронежским семинаристом А. П. Се-

ребрянским — тоже поэтом, автором романсов и песен и, в частности, автором знаменитой песни: «Быстры, как волны, все дни нашей жизни...» Серебрянский много способствовал литературному развитию Кольцова. Под его влиянием Кольцов и начал писать русские песни.

К 1828 году относится личная трагедия Кольцова. У его отца была крепостная девушка по имени Дуняша, записанная на имя знакомого дворянина (так как у мещан не было права иметь своих крепостных). Кольцов полюбил Дуняшу и хотел на ней жениться. Об этом узнал его отец. Воспользовавшись тем, что Кольцов уехал по делам из города, отец продал Дуняшу в крепостные на Дон, где ее выдали замуж за казака и где она вскоре и умерла. (См. стихотворение Кольцова «Не шуми ты, рожь...»)

Эту историю своей любви Кольцов рассказал Белинскому в 1838 году. «Несмотря на то, — пишет Белинский, — что он вспоминал горе, постигшее его назад тому более десяти лет, лицо его было бледно, слова с трудом и медленно выходили из его уст, и, говоря, он смотрел в сторону и вниз... Только один раз говорил он с нами об этом, и мы никогда не решались более расспрашивать об этой истории».

С 1831 года завязываются новые знакомства и новые литературные связи. Кольцов несколько раз ездит по делам и тяжбам отца в Москву, сближается здесь коротко с Бе-

линским и Станкевичем и через Станкевича входит в круг литераторов. Он знакомится и с Пушкиным, и с Жуковским, и с другими крупными писателями. Новые его знакомцы были не только литераторами, но часто и влиятельными сановниками. При помощи Жуковского, Вяземского и В. Одоевского Кольцов устраивает благополучно дела отца.

Литературные занятия сына, на которые отец до этого времени смотрел как на пустую блажь, теперь, после того как обнаружилось, что они сблизили Кольцова с влиятельными людьми, получают признание отца, и тот уж не препятствует развитию литературных интересов сына.

Сблизившись с кружком Белинского, Кольцов попадает в круг напряженных философских интересов. Однако из-за его незначительного образования философские темы оказываются для него совершенно недоступными. Попробовав разобраться в философских проблемах, Кольцов с отчаянием писал Белинскому: «Субъект и объект я еще немножечко понимаю, а абсолюта ни крошечки».

Философские системы Гегеля, Шеллинга, Фихте производят в голове Кольцова полный сумбур. В воронежских литературных кругах начинают издеваться над его претензиями походить на передового столичного литератора. Окружавшая Кольцова мещанская среда, из которой он вышел, не могла простить ему ни его славы, ни таланта.

Кольцов горестно писал о своем положении в родном городе в письме к Белинскому:

«Что я? человек без лица, без слова, безо всего просто. Жалкое создание, несчастная тварь, которая годится лишь на одно: возить воду да таскать дрова, — вот и всё. Торгаш, копеечник... цыган, подлец я должен быть: вот мое значение. Вот в каких слоях я могу быть президент. Лишь в этих местах я гражданин. И что еще всего хуже: жить дома, в кругу купцов, решительно я теперь не могу; в других кругах тоже. Безрадостная самая будущность у меня впереди. Я, кажется, собою одно выполню во всей точности: ворону... И, ей-богу, я ужасно похож на нее; остается лишь сказать: она к павам не попала, а от ворон отстала».

В 1841 году Кольцов в последний раз побывал в Петербурге и в Москве. Все дела отца он довел до благополучного окончания.

Когда отец Кольцова увидел, что сын сделал для него все, на что только можно было рассчитывать, что дом и имущество уже не подлежат описи и продаже с молотка, он круто переменил свое отношение к сыну. Сын стал ему более не нужен. «Ты можешь жить в Петербурге или где хочешь, — писал ему отец. — Денег тебе нет ни копейки... благословение дам, а больше ничего».

В это время Кольцов, окончив дела отца, сидел в Москве без копейки денег. Денег отец не слал. Наконец пришло цитированное

выше письмо. На взятые в долг деньги Кольцов поехал домой — объясниться с отцом.

Отец предложил ему продолжать вести попрежнему дела, но, воспользовавшись безвыходным положением сына, заставил его принять кабальные условия работы. Кольцову пришлось согласиться.

Отношения его с семьей сделались враждебными.

В это время он полюбил В. Г. Лебедеву. Но ни у него, ни у нее не было средств к безбедному существованию. Она должна была его оставить и уехать из Воронежа. Об этом расставании с В. Г. Лебедевой Кольцов написал стихотворение «Разлука».

В это время он уже был болен чахоткой.

Средств на лечение отец не давал.

Кольцов умирал совершенно одиноким, в проходной комнате, в обстановке полного безразличия к нему окружающих. В соседней комнате смеялись, шумели, курили, не обращая никакого внимания на умирающего поэта.

22 октября 1842 года Кольцов умер.

Ц. В.

КОЛЬЦО

Песня

Я затеплю свечу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.

Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распай, растопи
Чисто золото.

Без него — для меня
Ты не надобно;
Без него — на руке,
Камень на сердце.

Что взгляну́ — то вздохну,
Затоскуюся;
И зальются глаза
Горьким горем слез.

Возвратится ли он?
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную?

Нет надежды в душе...
Ты рассыпся же
Золотой слезой,
Память милова!

Невредимо, черно,
На огне кольцо;
И звенит по столу
Память вечную.

1830

ПЕСНЯ СТАРШКА

Оседлаю коня, —
Коня быстрого,
Я помчусь, полечу
Легче сокола,

Чрез поля, за моря,
В дальнюю сторону:
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь и явлюсь
Прежним молодцем,
И приглянусь опять
Красным девицам!

Но, увы! нет дорог
К невозвратному;

Никогда не взойдет
Солнце с запада!
1830

СЕЛЬСКАЯ ШРУШКА

Ворота тесовы
Растворилися,
На конях, на сáнях
Гости въехали;
Им хозяин с женой
Низко кланялись;
Со двора повели
В светлу горенку.
Перед спасом святым
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набранные,
На сосновых скамьях
Сели званые.
На столах кур-гусей
Много жареных,
Пирогов, ветчины
Блюда полные;

Бахромой, кисеей
Принаряжена,
Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подруг
С поцелуями,

Разносила гостям
Чашу *горькова*;
Сам хозяин, за ней,
Брагой хмельною
Из ковшей вырезных
Родных потчует;
А хозяйская дочь
Медом сýченым
Обносила кругом
С лаской девичьей.

Гости пьют и едят,
Речи гúторят:
Про хлеба, про покос,
Про старинушку;
Как-то бог и господь
Хлеб урóдит нам?
Как-то сено в степи
Будет зéлено?
Гости пьют и едят,
Забавляются
От вечерней зари
До полуночи.
По селу петухи
Перекликнулись;
Призатих говор, шум
В темной горенке;

От ворот поворот
Виден по снегу.

В. Г. Белинский

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбелим железо
О сырую землю,

Красавица зорька
В небе загорелась,
Из большова леса
Солнышко выходит.

Весело на пашне;
Ну! тащися, сивка!
Я сам-друг с тобою,
Слуга и хозяин.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телегу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вею;
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зернышку сготовим
Колыбель святую.

Его вспоит, вскормит
Мать-земля сырая;
Выйдет в поле травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдет в поле травка —
Вырастет и колос,
Станет спеть, рядиться
В золотые ткани.

Заблестит наш серп здесь,
Зазвенят здесь косы;
Сладок будет отдых
На снопах тяжелых.

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

С тихою молитвой
Я вспашу, посею:
Уроди мне, боже,
Хлеб — мое богатство!

1831

* * *

Не шуми ты, рожь,
Спелым колосом!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мне не для чего
Собирать добро,
Мне не для чего
Богатеть теперь!

Прочил молодец,
Прочил доброе,
Не своей душе,
Душе-девице.

Сладко было мне
Глядеть в очи ей,
В очи, полные
Полюбовных дум.

И те ясные
Очи стухнули,
Спит могильным сном
Красна девица!

Тяжелей горы,
Темней полночи
Легла на сердце
Дума черная!
1834

УРОЖАЙ

Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется.

На жатве.

Разгорелся день
Огнем солнечным,
Подобрал туман
Выше темя гор.

Нагустил его
В тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась,
Что задумалась,

Словно вспомнила
Свою родину...

Понесли ее
Ветры буйные
Во все стороны
Света белого.

Ополчается
Громом, бурей,
Огнем, молнией,
Дугой-радугой;

Ополчилась,
И расширилась,
И ударила,
И пролилась

Слезой крупною —
Проливным дождем
На земную грудь
На широкую.

И с горы небес
Глядит солнышко:
Напилась земля
Воды дóсыта;

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельские
Не насмотрятся.

Люди сельские
Божьей милости
Ждали с трепетом
И молитвою.

Заодно с весной
Пробуждаются
Их заветные
Думы мирные.

Дума первая:
Хлеб из зăкрома
Насыпать в мешки,
Убирагь воза;

А вторая их
Была думушка:
Из села гужом
В пору выехать.

Третью думушку
Как задумали,
Богу-господу
Помолилися,

Чем свет по полю
Все разъехались —
И пошли гулять
Друг за дружкою,

Горстью полною
Хлеб раскидывать...

И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Боронь зубьем
Порасчесывать.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послал господь
За труды людям:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремет колосом
Почти до земли,

Словно божий гость
На все стороны
Дню веселому
Улыбается.

Ветерок по ней
Плывет, лоснится,
Золотой волной
Разбегается.

Люди семьями
Принялися жать,
Косить под корень
Рожь высокую;

Крестьянский мальчик.

В копны частые
Снопы сложены;
От возов всю ночь
Скрыпит музыка.

На гумнах везде,
Как князя, скирды
Широко сидят,
Подняв головы.

Видит солнышко —
Жатва кончена;
Холодней оно
Пошло к осени.

Но жарка свеча
Поселянина
Пред иконою
Божьей матери!
/1836/

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ

Соловьем залетным
Юность пролетела,
Волной в непогоду
Радость прошумела.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
С телом износилась.

От кручины-думы
В сердце кровь застыла;
Что любил как душу —
И то изменило.

Как былинку ветер
Молодца шатает;
Зима лицо знобит;
Солнце сожигает.

До поры, до время
Всем я весь изжился;
И кафтан мой синий
С плеч долой свалился.

Без любви, без счастья
По миру скитаюсь:
Разойдусь с бедою,
С горем повстречаюсь!

На крутой горе
Рос зеленый дуб:
Под горой теперь
Он лежит, гниет...

1837

ЛЕС

Посвящено памяти А. С. ПУШКИНА

Что, дремучий лес,
Призадумался, —
Грустью темною
Затуманился?

Что Бова-силач
Заколдованный,
С непокрытою
Головой в бою, —

Ты стоишь, поник
И не ратуешь
С мимолетною
Тучей-бурею.

Густолиственный
Твой зеленый шлем
Буйный вихрь сорвал —
И развеял в прах.

Плащ упал к ногам
И рассыпался...
Ты стоишь, поник,
И не ратуешь.

Где ж девалася
Речь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

У тебя ль было
В ночь безмолвную
Заливная песнь
Соловьиная...

У тебя ль было
Дни — роскошество, —
Друг и недруг твой
Прохлаждаются...

У тебя ль было
Поздно вечером
Грозно с бурей
Разговор пойдет:

Распахнет она
Тучу черную,
Обоймет тебя
Ветром-холодом.

И ты молвишь ей
Шумным голосом:
Вороти назад!
Держи около!

Закружит она,
Разыграется...
Дрогнет грудь твоя,
Зашатаешься;

Встрепенувшись,
Разбушуешься:
Только свист кругом,
Голоса и гул...

Буря всплachtetся
Лешим, ведьмою, —
И несет свои
Тучи за море.

Где ж теперь твоя
Мочь зеленая?

Почернел ты весь,
Затуманился.

Одичал, замолк...
Только в непогоду
Воешь жалобу
На безвременье.

Так-то, темный лес,
Богатырь-Бова!
Ты всю жизнь свою
Маял битвами.

Не осилили
Тебя сильные,
Так дорезала
Осень черная.

Знать, во время сна
К безоружному
Силы вражие
Понахлынули.

С богатырских плеч
Сняли голову —
Не большой горой,
А соломинкой...

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

Нет у молодца
Молодой жены,
Нет у молодца
Друга вернова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря;

Вместе с бедностью
Дал мне батюшка
Лишь один талант —
Силу крепкую;

Да и ту как раз
Нужда горькая
По чужим людям
Всю истратила.

Сяду я за стол —
Да подумаю:
Как на свете жить
Одинокому?

1837

ХУТОРОК

Русская баллада

За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит;

В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет.

В эту ночь-полуночь
Удалой молодец
Хотел быть, навестить
Молодую вдову...

На реке рыболов
Поздно рыбу ловил:
Погулять, ночевать
В хуторочек приплыл.

«Рыболов мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекор дома сидит, —
Он не любит тебя...

Не сердися, плыви
В свой рыбачий курень;
Завтра ж, друг мой, с тобой,
Гулять рада весь день». —

«Сильный ветер подул..
А ночь будет темна!..
Лучше здесь, на реке,
Я просплю до утра».

Опознился купец
На дороге большой;

Он свернул ночевать
Ко вдове молодой.

«Милый купчик-душа!
Чем тебя мне принять...
Не топила избы,
Нету сена, овса.

Лучше к куму в село
Поскорее ступай;
Только завтра, смотри,
Погостить заезжай!» —

«До села далеко;
Конь устал мой совсем;
Есть свой корм у меня, —
Не печалься о нем.

Я вчера в городке
Долго был — всё купил;
Вот подарок тебе,
Что давно посулил». —

«Не хочу я его!..
Боль головушку всю
Разломила на смерть;
Ступай к куму в село». —

«Эта боль — пустяки!..
Средство есть у меня:
Слово-два — заживет
Вмиг головка твоя».

Засветился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогих
Стол готовит вдова.

За столом с рыбаком
Уж гуляет купец...
(А в окошко глядит
Удалой молодец...)

«Ты, рыбак, пей вино!
Мне с сестрой наливай!
Если мастер плясать:
Петь мы песни давай!

Я с людьми люблю
По-приятельски жить;
Ваше дело — поймать,
Наше дело — купить...

Так со мною, прошу,
Без чинов — по рукам;
Одну басню твержу
Я всем добрым людям:

Горе есть — не горюй,
Дело есть — работай;
А под случай попал, —
На здоровье гуляй!»

И пошел с рыбаком
Купец песни играть,

Молодую вдову
Обнимать, целовать.

Не стерпел удалой,
Загорелась душа!
И — как глазом моргнуть —
Растворилась изба...

И с тех пор в хуторке
Никого не живет;
Лишь один соловей
Громко песни поет...
1839

* * *

Что ты спишь, мужичок?
Ведь весна на дворе;
Ведь соседи твои
Работают давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты был? и что стал?
И что есть у тебя?

На гумне — ни снопа,
В закромах — ни зерна,
На дворе — по траве
Хоть шаром покатись.

Из клетей домовой
Сор метлою посмёл

И лошадок, за долг,
По соседям развел.

И под лавкой сундук
Опрокинут лежит;
И погнувшись изба
Как старушка стоит.

Вспомни время свое:
Как катилось оно
По полям и лугам
Золотою рекой!

Со двора и гумна,
По дорожке большой,
По селам, городам,
По торговым людям!

И как двери ему
Растворяли везде;
И в почетном углу
Было место твое!

А теперь под окном
Ты с нуждою сидишь
И весь день на печи
Беспросыпу лежишь.

А в полях, сиротой,
Хлеб некошен стоит.
Ветер точит зерно!
Птица клüбет его!

Что ты спишь, мужичок?
Ведь уж лето прошло,
Ведь уж осень на двор
Через прясло глядит;

Вслед за нею зима
В теплой шубе идет:
Путь снежком порошит;
Под санями хрустит;

Все соседи на них
Хлеб везут, продают,
Собирают казну,
Бражку ковшиком пьют.
1839

РАЗЛУКА

На заре туманной юности
Всей душой любил я милую:
Был у ней в глазах небесный свет;
На лице горел любви огонь.

Что пред ней ты, утро майское?
Ты, дубрава мать зеленая, —
Степь-трава — парча шелковая, —
Заря-вечер, ночь-волшебница?..

Хороши вы — когда нет ее;
Когда с вами делишь грусть свою;
А при ней вас — хоть бы не было;
С ней зима — весна; ночь — ясный день.

Не забыть мне, как в последний раз
Я сказал ей: прости, милая!
Так, зная, бог велел — расстанемся;
Но когда-нибудь увидимся.

Вмиг огнем лицо всё вспыхнуло —
Белым снегом перекрылося, —
И, рыдая, как безумная,
На груди моей повиснула.

«Не ходи, постой! дай время мне —
Задушить грусть, печаль выплакать;
На тебя, на ясна сокола...»
Занялся дух — слово замерло.

1840

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Дуют ветры,
Ветры буйные;
Ходят тучи,
Тучи темные.

Не видать в них
Света белого;
Не видать в них
Солнца красного.

Во сырой мгле,
За туманами,
Только ночка
Лишь чернеется...

В эту пору,
Непогожую,
Одному жить —
Сердцу холодно.

Грудь другую
Ему надобно:
Огонь-душу —
Красну девицу!

С ней зимою —
Лето теплое;
При бездольи —
Горе не горе!

1840

Михаил Юрьевич Лермонтов родился в ночь со 2 на 3 октября 1814 года в Москве. Вскоре после рождения его увезли в Тарханы, пензенское имение его бабушки (со стороны матери) — богатой и родовитой помещицы Елизаветы Алексеевны Арсеньевой.

Бабушка сыграла в жизни Лермонтова очень большую роль. Родителей он почти не знал. Мать поэта умерла, когда ему не было еще трех лет. Жизнь ее сложилась несчастливо. Умерла она будто бы от чахотки. Но ходили слухи, что она отравилась из-за неладов с мужем.

Отец поэта, захудалый помещик, отставной капитан Юрий Петрович Лермонтов, не занимался воспитанием сына. Это был человек со странной и даже загадочной судьбой. Какой-то трагический случай заставил его в 1811 году оставить военную службу и наложил глубокий отпечаток на его характер. Что именно случилось с ним, до сих пор остается невыясненным. На этот счет ходили различные слухи: одни утверждали, что Юрий Петрович был уличен в нечестной игре в карты, другие намекали на его принадлежность к какому-то тайному политическому обществу.

Гордая и властная старуха Арсеньева не любила зятя, а после смерти дочери открыто порвала с ним. Юрий Петрович уехал в свое тульское имение Кротовку. Мишель (так звали Лермонтова в семейном кругу) остался у бабушки. Позже Юрий Петрович неоднократно пытался забрать сына к себе, но Арсеньева каждый раз откупалась от зятя деньгами. В доме Арсеньевой, в Тарханах, и прошли детские годы поэта.

Детство Лермонтова было грустное, хотя он рос окруженный любовью и заботами. Бабушка его обожала и баловала. Ни в чем ему не было отказа; вся усадьба была предоставлена ему. Лермонтов был вспыльчивым, своенравным, нервным и очень впечатлительным ребенком. Он тяжело переживал раздоры бабушки и отца и с самых ранних лет привык к одиноким мечтам и раздумьям. Всяческие легенды увлекали его воображение.

Он воображал себя атаманом волжских разбойников и увлекался семейными преданиями, по которым родоначальником Лермонтовых был легендарный шотландский поэт-колдун, живший в XIII веке, Томас Лермонт, по прозвищу Рифмач. Георг Лермонт, попавший в XVII веке в плен к русским и оставшийся жить в России, был якобы потомком этого колдуна. Вот почему Лермонтов так часто упоминает в ранних стихах о Шотландии, называя ее «своей».

Когда Лермонтову шел десятый год, бабушка повезла его на Кавказ, в Пятигорск,

Mr. Negroni

лечить от последствий перенесенной им тяжелой болезни. Суровая и величественная страна произвела на мечтательного мальчика сильнейшее впечатление. Ему казалось, что он очутился в горах «родной» Шотландии. Со времени этого первого путешествия установилась прочная, неразрывная связь Лермонтова с Кавказом: он посвятил этой стране свои лучшие произведения; в этой стране ему суждено было жить и погибнуть.

В 1828 году бабушка определила Лермонтова в Благородный пансион при Московском университете, лучшее в ту пору среднее учебное заведение. К тому времени он уже начал писать стихи. Первые его поэмы были посвящены Кавказу («Черкесы», «Кавказский пленник»).

Раннее творчество Лермонтова еще не самостоятельное. Он увлекался Пушкиным и поэтами его школы и ученически подражал им в своих стихах и поэмах. Вскоре его покорила Байрон. Он находил сходство между собою и великим британским поэтом, старался во всем, даже по внешности, походить на него. Несколько позже, под впечатлением прочитанной биографии Байрона, он писал:

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел:
У нас одна душа, одни и те же муки:
О, если б одинаков был удел!..

Но вместе с тем в юном Лермонтове уже просыпался могучий самобытный поэт. Многие юношеские стихи Лермонтова поражают

глубиной содержания и замечательной силой, с какой ему удавалось выразить свои мысли и настроения. Еще в пансионе Лермонтовым была задумана и вчерне набросана поэма «Демон» (обработанная значительно позже).

Судьба родины тревожила молодого Лермонтова. Бесправие и нищета народа, томившегося в крепостной неволе, вызывали в нем чувство страстного негодования. Стихи Лермонтова все больше проникались вольнолюбивыми настроениями и мятежным, революционным духом. Он называет себя «свободы другом» и пишет иносказательное стихотворение «Жалобы турка», в котором под Турцией нужно понимать крепостническую николаевскую Россию:

Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утёхами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчина!

Весной 1830 года Лермонтов оставил Благородный пансион и осенью того же года поступил в Московский университет, на «нравственно-политическое» отделение (вскоре он перешел на словесное). Одновременно с ним в университете учились В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Н. В. Станкевич и другие в будущем замечательные деятели русской литературы и общественности. В студенческих кружках кипела жизнь, велись горячие и бесконечные споры по философским, политическим и литературным вопросам. Участники этих кружков вели

проповедь революционных идей, мечтали об установлении в России республиканского строя и, по словам Герцена, «пуще всего проповедовали ненависть ко всякому насилью, ко всякому произволу».

Лермонтов, углубленный в свои переживания и раздумья, держался в стороне от товарищей и не участвовал в студенческих сходках. Но, конечно, общие настроения не могли не отразиться на нем и, нужно думать, оказали известное влияние на формирование его мировоззрения. Лермонтов очень много писал в эти годы (в 1830—1831 годах им было написано около двухсот стихотворений, несколько поэм, три драмы). Умственный его кругозор расширялся все больше и больше. Революционные события, развернувшиеся в 1830 году во Франции, встретили его полное сочувствие: в своих стихах он «предсказывает», что и в России «настанет год... когда царей корона упадет».

Университетские лекции не удовлетворяли жадную любознательность Лермонтова. Много времени он уделял самостоятельному чтению, поглощал множество книг по самым разнообразным вопросам. Однажды на экзамене один из профессоров задал Лермонтову какой-то вопрос. Лермонтов начал прекрасно отвечать, но совсем не то, о чем говорил в своих лекциях профессор. «Я вам этого не читал, — прервал его педант-профессор. — Я желал бы, чтобы вы мне отвечали именно то, что я проходил. Откуда могли вы почерп-

нуть эти знания?» — «Это правда, господин профессор, — отвечал ему Лермонтов, — того, что я сейчас говорю, вы нам не читали и не могли передавать, потому что это слишком ново и до вас еще не дошло. Я пользуюсь источниками из своей собственной библиотеки, снабженной всем современным».

Естественно, что профессора невзлюбили самонадеянного и дерзкого юношу, ронявшего их авторитет перед студентами. Они отомстили Лермонтову тем, что провалили его на публичных экзаменах и оставили на второй год.

После этого Лермонтов не захотел оставаться в Московском университете и летом 1832 года переехал с бабушкой в Петербург, чтобы поступить в тамошний университет. Но здесь ему не зачли двухлетнего пребывания в Московском университете и предложили снова держать экзамен на первый курс.

Тогда Лермонтов решил бросить ученье и пойти на военную службу. Это был кратчайший путь к самостоятельной жизни. Поборов сопротивление бабушки, в ноябре 1832 года Лермонтов определился в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Через два года он должен был стать офицером.

Впрочем, Лермонтов порвал с прежней жизнью не без колебаний. «До сих пор я жил для литературной карьеры, принес столько жертв своему неблагодарному кумиру, и вот теперь я — воин, — писал он в ин-

тимном письме. — Быть может, это особенная воля провидения; быть может, это путь кратчайший, и если он не ведет меня к моей первой цели, может быть приведет к последней цели всего существующего: умереть с пулей в груди — это стоит медленной агонии старика. Итак, если начнется война, клянусь вам богом, что всегда буду впереди».

Для Лермонтова началась совершенно новая жизнь. «Два страшных года» — так называл он время, проведенное в юнкерской школе. Новая обстановка сильно изменила его характер: мечтательный и углубленный в свои переживания, несколько мрачный и мешковатый юноша Мишель превратился в бравого, грубоватого юнкера, кутилу и пересмешника Маёшку (так прозвали Лермонтова товарищи по школе).

Действительно, эти годы были для Лермонтова «страшными»: разгульная среда юнкеров была для него чуждой средой; их интересы, конечно, ни в малейшей мере не совпадали с его собственными. Он научился пересиливать себя и казаться не таким, каким был на самом деле. Стихов в эти годы он почти не писал, если не считать шуточных «юнкерских поэм».

В конце 1834 года двадцатилетний Лермонтов стал корнетом лейб-гвардии Гусарского полка, расположенного под Петербургом, в дворцовом городке Царское Село. Он целиком предался веселой светской жизни — пошли непрерывные балы, кутежи, любовные

увлечения. Бабушка не жалела денег для своего любимца: блестящий лейб-гусар должен был жить широко. Но высший свет, в котором вращался Лермонтов, относился к нему немного свысока, и это доставляло гордому юноше немало огорчений.

Светские успехи и развлечения составляли, однако, только внешнюю сторону жизни Лермонтова. Он жил душой и умом в своем мире, о котором и не подозревали его светские приятели. Он снова вернулся к творчеству. Дарование Лермонтова окрепло и определилось. Он преодолел влияние своих поэтических учителей и вышел на широкий путь самостоятельного творческого развития. За годы 1835—1836 он написал ряд превосходных стихотворений, поэму «Боярин Орша», драмы «Маскарад» и «Два брата», начал писать, сообщая со своим ближайшим в ту пору другом С. А. Раевским, большой роман «Княгиня Лиговская». С. А. Раевский, очевидно, играл значительную роль в жизни Лермонтова. То, что мы знаем о Раевском, характеризует его как умного и просвещенного человека, поборника передовых общественных идей. Он имел знакомства в литературных кругах.

В августе 1835 года в самом распространенном в ту пору русском журнале «Библиотека для чтения» была напечатана «кавказская» поэма Лермонтова «Хаджи Абрек». Ее принес в редакцию тайком от Лермонтова его товарищ и родственник Юрьев. Сам

Лермонтов еще не решался помещать свои произведения в журналах и был взбешен самовольным поступком Юрьева. Однако никто его поэму не разобрал, а наоборот, она имела даже некоторый успех.

Но подлинная и шумная известность пришла к Лермонтову позже, в начале 1837 года, когда по Петербургу широко распространилось его стихотворение «Смерть поэта», написанное под впечатлением гибели Пушкина. Оно размножалось от руки в сотнях экземпляров, с жадностью перечитывалось и заучивалось наизусть. «Навряд ли когда-нибудь еще в России стихи производили такое громадное и повсеместное впечатление», говорит по поводу «Смерти поэта» один из современников.

С громадной силой и страстью выразил Лермонтов скорбные и гневные чувства народа, потерявшего своего национального гения. Стихотворение было написано в два приема. Сначала оно кончалось строкой «И на устах его печать». Но несколько дней спустя, когда стали известны обстоятельства пушкинской дуэли, когда выяснилось, что великий поэт пал жертвой великосветских интриганов, когда в аристократических кругах стали защищать и выгораживать Дантеса, Лермонтов сделал к стихотворению приписку о «надменных потомках известной подлостью прославленных отцов». Стихи Лермонтова вырастали в грозное обличие всей николаевской монархии.

Они, конечно, стали известны царю и были расценены в правительственных сферах как прямое «воззвание к революции». Шеф жандармов и начальник тайной полиции граф Бенкендорф приказал начать строгое расследование. Лермонтов и С. А. Раевский, содействовавший распространению «Смерти поэта», были арестованы.

Вскоре был вынесен приговор: 25 февраля 1837 года Николай I приказал перевести Лермонтова прапорщиком в Нижегородский драгунский полк, расположенный на Кавказе. С. А. Раевского «за распространение стихов и в особенности за намерение тайно доставить сведение корнету Лермонтову о сделанном им показании» было решено продержать под арестом еще месяц, а потом отправить служить на север, в Олонецкую губернию.

Наказание, определенное Лермонтову, может показаться сравнительно легким. На самом деле это не так. Вольнодумного поэта постарались удалить из столицы подальше — на «погибельный» Кавказ, под пули «немирных горцев». Это была настоящая ссылка. Она вызвала в Петербурге взрыв общественного негодования.

Лермонтов уехал на Кавказ уже признанным поэтом, законным наследником Пушкина. К месту своего назначения он не торопился. Воспользовавшись простудой, он задержался в Пятигорске, где весело проводил время в кругу столичных жителей, приехав-

ших на минеральные воды. Здесь, между прочим, познакомился он с Виссарионом Григорьевичем Белинским, но общего языка тогда они еще не нашли.

После Лермонтов совершил небольшое путешествие по Кавказу, посетил Грузию. В старинном Мцхетском монастыре он встретил старого монаха, бывшего горца, в детстве взятого в плен русскими. Рассказ этого монаха был впоследствии положен Лермонтовым в основу поэмы «Мцыри». На Кавказе же Лермонтов закончил «Песню про купца Калашникова», начатую еще в Петербурге.

Осенью 1837 года на Кавказ приехал Николай I. В Тифлисе он производил смотр Нижегородского полка, в котором служил Лермонтов. Еще в Петербурге, перед отъездом царя и его свиты на Кавказ, старуха Арсеньева и поэт В. А. Жуковский упростили Бенкендорфа хлопотать перед Николаем с Лермонтове. Бенкендорф исполнил их просьбу, и 19 октября был отдан приказ о переводе Лермонтова в гвардейский Гродненский гусарский полк, стоявший в Новгороде.

По пути в Новгород Лермонтов около двух месяцев прожил в Ставрополе, на Северном Кавказе. Здесь он перезнакомился со многими декабристами, переведенными на Кавказ из Сибири. Особенно близко сошелся он с поэтом-декабристом А. И. Одоевским.

В Новгороде Лермонтов служил очень недолго — меньше двух месяцев. Благодаря хлопотам бабушки весной 1838 года его перевели обратно в лейб-гвардии Гусарский полк.

Опять началась светская жизнь, теперь уже тяготившая поэта своим «утомительным блеском». «В течение месяца, — писал Лермонтов одной своей приятельнице, — на меня была мода, меня наперерыв отбивали друг у друга. Это, по крайней мере, откровенно. Весь этот народ, которому доставалось от меня в моих стихах, старается осыпать меня лестью. Самые хорошенькие женщины выпрашивают у меня стихов и хвастаются ими, как триумфом. Тем не менее, я скучаю... Было время, когда я, в качестве новичка, искал доступа в это общество; это мне не удалось: двери аристократических салонов закрылись предо мной; а теперь в это же самое общество я вхожу уже не как искатель, а как человек, добившийся своих прав. Я возбуждаю любопытство, предо мной заискивают, меня всюду приглашают, а я и вида не подаю, что хочу этого... Согласитесь, что все это может опьянять; к счастью, моя природная лень берет верх, и мало-помалу я начинаю находить все это несносным».

В прежнем обличье лейб-гусара Лермонтов стал другим человеком. Годы 1838—1839 были для него временем напряженной литературной работы и исключительных творческих успехов. Именно в эту пору он вырос в ве-

личайшего русского поэта Стихотворения «Дума», «Поэт», «Три пальмы», «Молитва», «Дары Терека», «Памяти А. И. Одоевского», поэмы «Тамбовская казначейша», «Сашка», «Сказка для детей», «Мцыри» и «Демон» (в новой обработке), роман «Герой нашего времени» — вот главные итоги творческой работы Лермонтова за эти два года.

Литературные связи Лермонтова расширились. Он сблизился с В. Ф. Одоевским, поэтессой Е. П. Ростопчиной, встречался с П. А. Вяземским и другими писателями. Все чаще стали появляться произведения Лермонтова в журналах (в «Современнике», «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» и главным образом в «Отечественных записках»). В начале 1840 года отдельным изданием вышел роман «Герой нашего времени», а в конце того же года — сборник «Стихотворения М. Лермонтова», окончательно упрочивший за ним славу первоклассного поэта. Лермонтов подумывал даже выйти в отставку и всецело отдаться литературе. Но в судьбе его произошел новый неожиданный и крутой поворот.

Лермонтов все больше и больше тяготился окружающим его пустым и лживым светским обществом. Он стал раздражительным и желчным. На новогоднем балу в Благородном собрании, в ночь на 1 января 1840 года, он дерзко обошелся с замаскированными дочерьми Николая I, якобы не узнав их. Под впечатлением этого происшествия он написал

стихи, в которых с полной откровенностью выразил свои гневные чувства:

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
    При шуме музыки и пляски,
При диком шопоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
    Приличьем стянутые маски,

Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
    Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружась в их блеск и суету
Ласкаю я в душе старинную мечту,
    Погибших лет святые звуки.

< . . . . . >

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
    На праздник незваную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
    Облитый горечью и злостью!..

А в феврале 1840 года, на другом балу, произошло резкое столкновение Лермонтова с де-Барантом, сыном французского посланника в Петербурге. Они дрались на дуэли, за что Лермонтов снова был арестован. В арсенальной гауптвахте Лермонтова навесит В. Г. Белинский, высоко оценивший его «дьявольский талант». «Я в первый раз видел настоящего Лермонтова, каким я всегда желал его видеть, — рассказывал Белинский о своем четырехчасовом свидании с поэтом. — Боже мой! Сколько эстетического чутья в этом человеке! Какая нежная и тонкая душа в нем!.. Недаром же меня так тя-

нуло к нему. Мне, наконец, удалось-таки его видеть в настоящем свете». Год спустя Белинский объявил во всеуслышание, что «недалеко то время, когда имя Лермонтова в литературе делается народным именем, и гармонические звуки его поэзии будут слышимы в повседневном разговоре толпы, между толками ее о житейских заботах...»

Между тем дело о дуэли Лермонтова шло своим порядком. Высшее начальство радо было придаться к случаю, чтобы опять убрать Лермонтова подальше. К тому же выяснилось, что он принимал активное участие в собраниях кружка молодых офицеров и студентов (так называемого «кружка шестнадцати»), внушавших подозрения по части их политической благонадежности. Военный суд вынес по делу Лермонтова непомерно суровое решение: лишить его чинов, дворянского достоинства и прав состояния и записать в рядовые. Но даже Николай I не решился столь явно нарушить закон, по которому за участие в дуэли полагалось сравнительно легкое наказание.

Беспокойного поручика было определено спясть послать на Кавказ, на этот раз в Тенгинский пехотный полк, действовавший против горцев, — в тайной надежде на то, что оттуда он уже не вернется.

В конце апреля 1840 года Лермонтов отправился во вторую ссылку. Уезжая, он написал гневные и презрительные стихи, обращенные к государству Николая I и Бенкен-

дорфа: «Прощай, немытая Россия, страна рабов, страна господ...» По пути Лермонтов задержался в Москве и только 10 июня прибыл в уже знакомый ему Ставрополь.

Лето 1840 года Лермонтов провел главным образом в походах и сражениях. Горцы, защищавшие от русского самодержавия свою свободу и независимость, сражались с редким ожесточением. Война шла трудная, кровавая. Лермонтов проявлял замечательную храбрость и как будто искал смерти. Он стоял во главе небольшой команды «охотников», которая действовала на самых опасных участках, впереди главной колонны войск. Только на короткое время удавалось Лермонтову отлучаться из отряда; он побывал в Пятигорске и Кисловодске.

В январе 1841 года Лермонтов получил отпуск и приехал в Петербург. Он появился на великосветском балу, где присутствовали «высочайшие особы». Поступок опального офицера сочли «неприличным и дерзким». Лермонтову было приказано немедленно покинуть столицу и вернуться в полк. В конце апреля он уехал обратно в мрачном, подавленном настроении, с предчувствием, что на Кавказе его ждет смерть. Поэтесса Е. П. Ростопчина напутствовала Лермонтова стихами, в которых говорилось, что

...заняты радушно им
Сердец приятных желанья —
И минет срок его изгнанья,
И он вернется невредим!..

Но этому предсказанию не суждено было сбыться. Через два месяца Лермонтов погиб, однако не от чеченской пули, как ожидал. Он был убит на дуэли своим бывшим товарищем по юнкерской школе отставным майором Н. С. Мартыновым.

История последней дуэли Лермонтова темна. Внешне дело происходило так. По пути в полк Лермонтов получил позволение провести некоторое время в Пятигорске для лечения минеральными водами. В числе знакомых Лермонтова, съехавшихся на воды, был и Мартынов, человек недалекий, но страшно самолюбивый. Лермонтов постоянно дразнил Мартынова и приводил его этим в бешенство. В конце концов из-за сущих пустяков Мартынов вызвал Лермонтова на дуэль.

Современники подозревали, что это был не обычный поединок, а обдуманное убийство, осуществленное по чьему-то тайному приказу. Теперь почти окончательно установлено, что за спиной Мартынова стояли другие люди, искавшие смерти Лермонтова и сплетшие вокруг него сложную сеть интриги. Великосветской черни был ненавистен поэт, не побоявшийся бросить ей в лицо свой «железный стих, облитый горечью и злостью». Не подлежит сомнению, что Николай I и его приспешники были заинтересованы в уничтожении поэта, все творчество которого было проникнуто мятежным, революционным духом.

Дуэль состоялась 15 июля 1841 года. Ме-

стом поединка выбрали уединенную площадку у подножия горы Машук. Время шло к вечеру. Огромная черная туча поднималась из-за соседней горы Бештау. Когда секунданты подали противникам знак сходитьсь, Лермонтов остался стоять на месте, взвел курок и поднял пистолет дулом вверх. Он был совершенно спокоен, казался даже веселым. Мартынов быстро подошел к барьеру и застрелил Лермонтова наповал. Как раз в это время черная туча разразилась сильнейшей грозой. Раскаты грома гулко прокатились по ущелью. Мертвый Лермонтов до поздней ночи лежал под проливным дождем.

Официальное сообщение о гибели великого поэта, которому не исполнилось еще и двадцати семи лет, гласило:

«15 июля около 5 часов вечера разразилась ужасная буря с громом и молнией; в это самое время между горами Машуком и Бештау скончался лечившийся в Пятигорске М. Ю. Лермонтов».

Так русское самодержавие пыталось скрыть от общества истинные причины дуэли. Впоследствии виновники убийства Лермонтова даже сфабриковали фальшивые документы, чтобы закрепить версию о случайной гибели поэта. Но никакая ложь не могла обмануть передовое русское общество и никакими мерами самодержавие не в силах было лишить народ великого творческого наследия Лермонтова. Оно оплодотворило русскую литературу, служило делу идейного и худо-

жественного воспитания многих поколений и навсегда останется в сокровищнице нашего национального искусства как одно из самых драгоценных культурно-художественных достояний человечества.

Вл. О.

РУССКАЯ МЕЛОДЬ

1

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им названья;
Вдруг зимних бурь раздался грозный
вой, —
И рушилось неверное созданье!..

2

Так, перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой
И бескорыстный и свободный!..

3

Он громкий звук внезапно раздает,
В честь девы, милой сердцу
и прекрасной —
И звук внезапно струны оборвет, —
И слышится начало песни! —
но напрасно! —
Никто конца ее не допое!..

1829

ЖАЛОБЫ ТУРКА

(Письмо. К другу, иностранцу)

Ты знал ли дикий край, под знойными
лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань
несут?
Где сердце жителей волнуемо страстями?
И где являются порой
Умы и хладные и твердые, как камень?
Но мощь их давится безвременной тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный
пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!

R.S. Ах! если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? — все мы человеки!..

1829

ОДИНОЧЕСТВО

Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье — все готовы;
Никто не хочет грусть делить.

Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят, будто сны;

И вновь приходят, с позлащенной,
Но той же старою мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждет; что ж медлить над землей?

Никто о том не покрушится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...

1830

КАВКАЗУ

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..
Нет! прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее.

1830

*Развалины на берегу Арагвы и Куры.
Рисунок Лермонтова.*

КРЕСТ НА СКАЛЕ

M-lle Souchkoff

В теснине Кавказа я знаю скалу,
Туда долететь лишь степному орлу,
Но крест деревянный чернеет над ней,
Гниет он и гнется от бурь и дождей.

И много уж лет протекло без следов
С тех пор, как он виден с далеких холмов.
И каждая кверху подъята рука,
Как будто он хочет схватить облака.

О, если б взойти удалось мне туда,
Как я бы молился и плакал тогда;
И после я сбросил бы цепь бытия,
И с бурей братом назвался бы я!

1830

ГРОБ ОССИАНА

(Узнав от путешественника описание сей могилы)

Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей.
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей.
Летит к ней дух мой усыпленный
Родимым ветром подышать
И от могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять!..

1830

К***

Не думай, чтоб я был достоин сожаленья,
Хотя теперь слова мои печальны; — нет!
Нет! все мои жестокие мученья —
Одно предчувствие гораздо бóльших бед.

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел:
У нас одна душа, одни и те же муки;
О, если б одинаков был удел!..

Как он, ищу забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,

Любил закат в горах, пенящиеся воды
И бурь земных и бурь небесных вой.

Как он, ищу спокойствия напрасно,
Гоним повсюду мыслию одной.
Гляжу назад — прошедшее ужасно;
Гляжу вперед — там нет души родной!
1830

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь,
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.
1830

10 ИЮЛЯ

Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны.
И снова знамя вольности кровавой
Явилось, победы мрачный знак,
Оно любимо было прежде славой:
Суворов был его сильнейший враг.

. . . . .
1830

ИЩУЩИЙ

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою,
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

1830

ПОВГОРОД

(3 октября 1830)

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!..
Есть бедный град, там видели народы
Всё то, к чему теперь ваш дух летит.
1830

* * *

1

Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь жил;
И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сон
Как мир не мог быть ими омрачен.

2

Как часто силой мысли в краткий час
Я жил века и жизнью иной,
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,

Не походили на существ земных.
О нет! всё было ад иль небо в них.

3

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить
Желание блаженства. Пыл страстей
Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь
Хоть тень их перелить в другую грудь.

4

Известность, слава, что они? — а есть
У них над мною власть; и мне они
Велят себе на жертву всё принести,
И я влачу мучительные дни
Без цели, оклеветан, одинок;
Но верю им! — неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и живой
Я смерти отдал всё, что дар земной.

5

Но для небесного могилы нет.
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный свет
Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни вновь;
С моим названьем станут повторять
Твое: на что им мертвых разлучать?

6

К погибшим люди справедливы; сын
 Боготворит, что проклинал отец.
 Чтоб в этом убедиться, до седин
 Дожить не нужно! есть всему конец;
 Немного долголетней человек
 Цветка; в сравненьи с вечностью их век
 Равно ничтожен. Пережить одна
 Душа лишь колыбель свою должна.

7

Так и ее созданья. Иногда,
 На берегу реки, один, забыт,
 Я наблюдал, как быстрая вода,
 Синяя, гнется в волны, как шишит
 Над ними пена белой полосой;
 И я глядел, и мыслию иной
 Я не был занят, и пустынный шум
 Рассеивал толпу глубоких дум.

8

Тут был я счастлив... О, когда б я мог
 Забыть, что незабвенно! женский взор!
 Причину стольких слез, безумств,
тревог! —
 Другой владеет ею с давних пор,
 И я другую с нежностью люблю,
 Хочу любить, — и небеса молю
 О новых муках: но в груди моей
 Всё жив печальный призрак прежних
дней.

9

Никто не дорожит мной на земле,
И сам себе я в тягость как другим;
Тоска блуждает на моем челе.
Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне должна?
Зачем ей знать, что в нем заключено?
Огонь иль сумрак там — ей всё равно.

10

Темна проходит туча в небесах,
И в ней таится пламень роковой;
Он, вырываясь, обращает в прах
Всё, что ни встретит. С дивной быстротой
Блеснет, и снова в облаке укрыт;
И кто его источник объяснит,
И кто заглянет в недра облаков?
Зачем? они исчезнут без следов.

11

Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком краю
Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто голос мой
Услышит и, узнает... И с тоской
Я вижу, что любить, как я, порок,
И вижу, я слабей любить не мог.

12

Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она

Желанье, порожденное в крови,
 Расстройство мозга иль виденье сна.
 Я не могу любовь определить,
 Но это страсть сильнейшая! — любить
 Необходимость мне; и я любил
 Всем напряжением душевных сил.

13

И отучить не мог меня обман.
 Пустое сердце ныло без страстей,
 И в глубине моих сердечных ран
 Жила любовь, богиня юных дней;
 Так в трещине развалин иногда
 Береза вырастает молода
 И зелена, и взоры веселит,
 И украшает сумрачный гранит.

14

И о судьбе ее чужой пришлец
 Жалеет. Беззащитно предана
 Порыву бурь и зною, наконец
 Увянет преждевременно она;
 Но с корнем не исторгнет никогда
 Мою березу вихрь: она тверда;
 Так лишь в разбитом сердце может
 Иметь неограниченную власть. страсть

15

Под ношей бытия не устает
 И не хладеет гордая душа;
 Судьба ее так скоро не убьет,
 А лишь взбунтует; мщением дыша

Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
С такой душой ты бог или злодей...

16

Как нравились всегда пустыни мне.
Люблю я ветер меж нагих холмов,
И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.
Ярма не знает резвый здесь табун,
И кровожадный тешитя летун
Под синевою, и облако степей
Свободней как-то мчится и светлей.

17

И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый звук
Гармонии вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей судьбе.

18

Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится день,
На западе светило видит взор
И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,
Кругом всё горы чудной высоты,

Как после бури облака, стоят
И странные верхи в лучах горят.

19

И сердце полно, полно прежних лет,
И сильно бьется; пылка мечта
Приводит в жизнь минувшего скелет,
И в нем почти всё та же красота.
Так любим мы глядеть на свой портрет,
Хоть с нами в нем уж сходства больше
нет,
Хоть на холсте хранится блеск очей,
Погаснувших от время и страстей.

20

Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен земным.

21

Печален степи вид, где без препон,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучий аквилон
И пред собой свободно гонит пыль;
И где кругом, как зорко ни смотри,
Встречает взгляд березы две иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой.

22

Так жизнь скучна, когда боренья нет.
В минувшее проникнув, различить
В ней мало дел мы можем, в цвете лет
Она души не будет веселить.
Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать.

23

Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь всё как-то коротка
И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! — жажда бытия
Во мне сильнее страданий роковых,
Хотя я презираю жизнь других.

24

Есть время — леденеет быстрый ум,
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен; усыпленье дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна,
Находишь корень мук в себе самом
И небо обвинить нельзя ни в чем.

25

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог

Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном всё чисто, а в другом всё зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

26

Никто не получал, чего хотел
И что любил, и если даже тот,
Кому счастливый небом дан удел,
В уме своем минувшее пройдет,
Увидит он, что мог счастливей быть.
Когда бы не умела отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко берегу возвратиться не сильна.

27

Когда гонима бурей роковой
Шипит и мчится с пеною своей,
Она всё помнит тот залив родной,
Где пенилась в приютах камышей,
И, может быть, она опять придет
В другой залив, но там уж не найдет
Себе покоя: кто в морях блуждал,
Тот не заснет в тени прибрежных скал.

28

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь творец;
Но равнодушный мир не должен знать.
И не забыт умру я. Смерть моя

Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

29

Все. Нет, не все: созданье есть одно
Способное любить — хоть не меня;
До этих пор не верит мне оно,
Однако сердце полное огня
Не увлечется мненьем, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем и молвой
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда.

31

И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль
Его встревожит, он посмотрит вдаль,
Увидит облака с лазурью волн,
И белый парус, и бегучий челн.

И мой курган! — любимые мечты
Мои подобны этим. Сладость есть
Во всем, что не сбылось, — есть красоты
В таких картинах; только перенести
Их на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна, как игра детей,
Как арфы звук в молчании ночей!
1831

ЖЕЛАНИЕ

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?

На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом,
И смахнул бы я пыль с них крылом;

И арфы шотландской струну бы задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним, и одним пробужден,
Как раздался, так смолкнул бы он.

Но тщетны мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний душой...
О! зачем я не ворон степной?..

1831

ЧАША ЖИЗНИ

Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами;

Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадает,
И всё, что обольщало нас,
С завязкой исчезает;

Тогда мы видим, что пуста
Была золотая чаша,
Что в ней напиток был — мечта,
И что она — не наша!

1831

К ЦОЦУХИНОИ

Подражание Байрону

У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней;
Так память, демон-властелин,
Всё будит старину,
И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!

Принадлежишь другому ты,
Забыв певец тобой;
С тех пор влекут меня мечты
Прочь от земли родной;
Корабль умчит меня от ней
В неизвестную страну,
И повторит волна морей:
Люблю, люблю одну!

И не узнает шумный свет,
Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
Я памятью томим;
И где бы я ни стал искать
Былую тишину,
Всё сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну!

* * *

Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее народы!..
Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пеленой,
И так она свежа, и так родня с душой,
Как будто создана лишь для свободы...

Но эта степь любви моей чужда;
Но этот снег летучий, серебристый
И для страны порочной — слишком чистый
Не веселит мне сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гряда
И позабытый прах, но мне, но мне
бесценный.

1831

АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел,
И месяц и звезды и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

1831.

* * *

Ужасная судьба отца и сына —
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника иметь
На родине с названьем гражданина!
Но ты свершил свой подвиг, мой отец,
Постигнут ты желанною кончиной;
Дай бог, чтобы, как твой, спокоен был конец
Того, кто был всех мук твоих причиной! —
Но ты простишь мне! я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мне судить, виновен ты иль нет —
Ты светом осужден? но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных.
Собрание похвал незаслуженных
И стольких же насмешливых клевет.

М. Ю. Лермонтов-студент.

Далёко от него, дух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт землей;
Ты счастливей меня; перед тобой
Как море жизни — вечность роковая
Неизмеримую открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалеешь ныне
О днях, потерянных в тревоге и слезах?
О сумрачных, но вместе милых днях,
Когда в душе искал ты, как в пустыне,
Остатки прежних чувств и прежние мечты?
Ужель теперь совсем меня не любишь ты?
О если так, то небо не сравню
Я с этою землей, где жизнь влачу мою;
Пускай на ней блаженства я не знаю,
По крайней мере я люблю!

1831.

* * *

Я не для ангелов и рая
Всесильным богом сотворен;
Но для чего живу страдаю,
Про это больше знает он.

Как демон мой, я зла избранник,
Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный странник,
Для мира и небес чужой;

Прочти, мою с его судьбою
Воспоминанием сравни,
И верь безжалостной душою,
Что мы на свете с ним одни.

1831

К Д.

Будь со мною, как прежде бывала.
О, скажи мне хоть слово одно,
Чтоб душа в этом слове сыскала,
Что хотелось ей слышать давно;

Если искра надежды хранится
В моем сердце — она оживет;
Если может слеза появиться
В очах — то она упадет.

Есть слова — объяснить не могу я,
Отчего у них власть надо мной;
Их услышав, опять оживу я,
Но от них не воскреснет другой;

О, поверь мне, холодное слово
Уста оскверняет твои,
Как листки у цветка молодого
Ядовитое жало змеи!

1831

К***

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец — не твой венец.

Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду как свободой;
Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло, и перед злом
Ты гордым не поник челом.

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.
1830—1831

К СЕБЕ

Как я хотел себя уверить,
Что не люблю ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.

Мгновенное пренебреженье
Ее могущества опять
Мне доказало, что влеченье
Души нельзя нам побеждать;

Что цепь моя несокрушима,
Что мой теперешний покой
Лишь глас залетный херувима
Над сонной демонов толпой.
1830—1831

* * *

Хоть давно изменила мне радость,
Как любовь, как улыбка людей,
И померкнуло прежде, чем младость,
Светило надежды моей;
Но судьбу я и мир презираю,
Но нельзя им унижить меня,
И я хладно приход ожидаю
Кончины иль лучшего дня.
Словам моим верить не станут,
Но клянуся в нелживости их:
Кто сам был так часто обманут,
Обмануть не захочет других.
Пусть жизнь моя в бурях несется,
Я беспечен, я знаю давно,
Пока сердце в груди моей бьется,
Не увидит блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила,
Чтобы мог его мир полюбить.

1830—1831

СТАНСЫ

Не могу на родине томиться,
Прочь отсель, туда, в кровавый бой.
Там, быть может, перестанет биться
Это сердце, полное тобой.

Нет, я не прошу твоей любви,
Нет, не знай губительных страстей;

Видеть смерть мне надо, надо крови,
Чтоб залить огонь в груди моей.

Пусть паду как ратник в бранном поле.
Не оплакан светом буду я,
Никому не будет в тягость боле
Буря чувств моих и жизнь моя.

Юных лет святые обещанья
Прекратит судьба на месте том,
Где без дум, без вопля, без роптанья
Я усну давно желанным сном.

Так, но если я не позабуду
В этом сне любви печальный сон,
Если образ твой всегда, повсюду
Я носить с собою осужден;

Если там, в пределах отдаленных,
Где душа должна блаженство пить,
Тяжких язв, на ней напечатленных,
Невозможно будет излечить, —

О, взгляни приветно в час разлуки
На того, кто с гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умрет за честь страны родной;

Кто, бывало, в тайном упоенье,
На тебя вперив свой влажный взгляд,
Возбуждал людское сожаленье
И твоей улыбке был так рад.

МОЙ ДЕМОН

Собранье зол его стихия;
Носясь меж темных облаков,
Он любит бури роковые
И пену рек и шум дубров;
Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи,
Безвестные слезам и сну.

К ничтожным хладным толкам света
Привык прислушиваться он,
Ему смешны слова привета
И всякий верящий смешон;
Он чужд любви и сожаленья,
Живет он пищею земной,
Глощает жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.

Родится ли страдалец новый,
Он беспокоит дух отца,
Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица;
Когда же кто-нибудь нисходит
В могилу с трепетной душой,
Он час последний с ним проводит,
Но не утешен им больной.

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;

Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.
1830—1831

* * *

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто
Толпе мои расскажет думы?
Я — или бог — или никто!
1832

К *

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилася с душою;
Хоть пути не кончить им вдвоем!

Так поток весенний отражает
Свод небес далекий голубой,
И в волне спокойной он сияет
И трепещет с бурною волной.

Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть тогда гремят они меж нами,
Я рожден, чтобы не жить без них.

Я рожден, чтоб целый мир был
зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч-путеводитель,
Что хвала иль гордый смех людей!

Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.

1832

* * *

Поцелуями прежде считал
Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я от счастья устал,
Но теперь никого не люблю.

И слезами когда-то считал
Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любил и желал;
А теперь никого не люблю!

И я счет своих лет потерял
И крылья забвенья ловлю:
Как сердце унести бы им дал!
Как бы вечность им бросил мою!

1832

* * *

Я жить хочу! хочу печали
 Любви и счастью назло;
 Они мой ум избаловали
 И слишком сгладили чело.
 Пора, пора насмешкам света
 Прогнать спокойствия туман;
 Что без страданий жизнь поэта?
 И что без бури океан?
 Он хочет жить ценою муки,
 Ценой томительных забот.
 Он покупает неба звуки,
 Он даром славы не берет.

1832

* * *

Приветствую тебя, воинственных славян
 Святая колыбель! пришлец из чуждых стран,
 С восторгом я взирал на сумрачные стены,
 Через которые столетий перемены
 Безвредно протекли; где вольности одной
 Служил тот колокол на башне вечевой,
 Который отзвонил ее уничтоженью
 И сколько гордых душ увлек в свое

паденье!..

— Скажи мне, Новгород, ужель их больше
 нет?

Ужели Волхов твой — не Волхов прежних лет?

1832

ДВА ВЕЛИКАНА

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ;
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец, —
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковую
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.
1832

* * *

Слова разлуки повторяя,
Полна надежд душа твоя;
Ты говоришь: есть жизнь другая
И смело веришь ей... но я?..

Оставь страдальца! — будь покойна:
Где б ни был этот мир святой,
Двух жизней сердцем ты достойна!
А мне довольно и одной.

Тому ль пускаться в бесконечность,
Кого измучил краткий путь?
Меня раздавит эта вечность,
И страшно мне не отдохнуть!

Я схоронил навек былое,
И нет о будущем забот.
Земля взяла свое земное,
Она назад не отдает!..

1832

* * *

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной,
О! как страстно я лобзал бы
Золотистый мой песок,
Как надменно презирал бы
Недоверчивый челнок;
Всё, чем так гордятся люди,
Мой набег бы разрушал;
И к моей студеной груди
Я б страдальцев прижимал;
Не страшился б муки ада,
Раем не был бы прельщен;
Беспокойство и прохлада
Были б вечный мой закон;

Не искал бы я забвенья
В дальном северном краю;
Был бы волен от рожденья
Жить и кончить жизнь мою!
1832

ПАРУС

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом.
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?

Играют волны, ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит.
Увы, — он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой.
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!
1832

* * *

На серебряные шпоры
Я в раздумии гляжу;
За тебя, скакун мой скорый,
За бока твои дрожу.

Наши предки их не знали
И, гарцуя средь степей,

Толстой плеткой погоняли
Недоезжанных коней.

Но с успехом просвещенья,
Вместо грубой старины,
Введены изобретенья
Чужеземной стороны;

В наше время кормят, холют
Берегут спинную честь...
Прежде били — нынче колют!..
— Что же выгодней? — бог весть!..
1833—1834

УМИРАЮЩИЙ ГЛАДИАТОР

I see before me the gladiator lie...

*Byron*¹

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена;
А он — пронзенный в грудь — безмолвно он
лежит,

Во прахе и крови скользят его колена...
И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец его сенатор
Венчают похвалой победу и позор...
Что знатным и толпе сраженный гладиатор?
Он презрен и забыт... освистанный актер.

И кровь его течет — последние мгновенья
Мелькают, — близок час... вот луч
воображенья

¹ Я вижу перед собой лежащего гладиатора... *Байрон*

РУСАЛКА

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок золотые гуляют стада,
Там хрустальные есть города;

И там на подушке из ярких песков
Под тенью густых тростников
Спит витязь, добыча ревнивой волны,
Спит витязь чужой стороны...

Расчесывать кольца шелковых кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный час
Целовали красавца не раз;

Но к страстным лобзаньям, не знаю
зачем,
Остается он хладен и нем,
Он спит, — и склонившись на перси
ко мне,
Он не дышит, не шепчет во сне».

Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака.

1836

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Из Байрона

Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!
Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшись по ней.
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,
Они в груди моей проснутся.
И если есть в очах застывших капля слез —
Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика. — Как мой
венец,

Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страдальями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь она полна.
Как кубок смерти, яда полный.

1836

В АЛЬБОМ

Из Байрона

Как одинокая гробница
 Вниманье путника зовет,
 Так эта бледная страница
 Пусть милый взор твой привлечет.

И если, после многих лет,
 Прочтешь ты, как мечтал поэт,
 И вспомнишь, как тебя любил он,
 То думай, что его уж нет,
 Что сердце здесь похоронил он.
 1836

БОРОДИНО

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром
 Москва, спаленная пожаром,
 Французу отдана.
 Ведь были ж схватки боевые,
 Да, говорят, еще какие!
 Недаром помнит вся Россия
 Про день Бородина!»

— Да, были люди в наше время,
 Не то, что нынешнее племя:
 Богатыри — не вы!
 Плохая им досталась доля:
 Немногие вернулись с поля...
 Не будь на то господня воля,
 Не отдали б Москвы.

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью:
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в такой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
    Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил, весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
    Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
    Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
    Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
    Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
    Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
    И всё на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
    Все побывали тут.

Бородино.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена как тени,
    В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
    Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
    Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
    Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Завтра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы.

1837

СМЕРТЬ ПОЭТА

Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Погиб поэт! — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..
Не вынесла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!

Убит!.. к чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор,
И жалкий лепет оправданья? —
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздували
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... — он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как светоч, дивный гений,
Увял торжественный венок

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. из далёка,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но милый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.

Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

1837

**ПЕСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА,
МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА И УДАЛОГО КУПЦА
КАЛАШНИКОВА**

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твое любимого опричника,
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный лад,
Мы певали ее под гуслирный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного,
А боярыня его белолица
Поднесла нам на блюде серебряном.
Полотенцо новое, шелком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи,
И всё слушали — не наслушались.

i

Не сияет на небе солнце красное,
Не любятся им тучки синие:

То за трапезой сидит во златом венце,
Сидит грозный царь Иван Васильевич.
Позади его стоят стольники,
Супротив его всё бояре да князья,
По бокам его всё опричники;
И пирует царь во славу божию,
В удовольствие свое и веселие.

Улыбаясь царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный мóлодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку грудь —
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты небес
На молодого голубя сизокрылого, —
Да не поднял глаз молодой боец.
Вот об землю царь стукнул палкою,
И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечником, —
Да не вздрогнул и тут молодой боец.
Вот промолвил царь слово грозное, —
И очнулся тогда добрый мóлодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная прискучила?
Когда всходит месяц — звезды радуются,
Что светлей им гулять по поднёбесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушаться; —
А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малютиной!»...

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

«Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную — не запотчевать!
А прогневал я тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову;
Тяготит она плечи богатырские
И сама к сырой земле она клонится».

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да об чем бы тебе молодцу кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромал худо кованный?»

Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая;
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.
Как я сяду-поеду на лихом коне
За Москву-реку покатамся,
Кушачком подтянуся шелковым,
Заломлю на бочок шапку бархатную,
Черным соболем отороченную, —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки
И любятся, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядит, не любится,
Полосатой фатой закрывается...

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно — будто лебедушка,
Смотрит сладко — как голубушка,
Молвит слово — соловей поет,
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе божим;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,

С грудью белою целуются
Во семье родилась она купеческой, —
Прозывается Аленой Дмитривной.

Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачатся очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удальство свое?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?

Отпусти меня в степи Приволжские,
На житье на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;
И разделют по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую,
И седельце браное черкасское.
Мои очи слезные коршун выклюет,
Мои кости сырые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..»

И сказал смеясь Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенок ты мой яхонтовый
Да возьми ожерелье жемчужное.

Прежде свахе смышленной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитриевне:
Как полюбишься — празднуй свадебку,
Не полюбишься — не прогневайся».

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому...

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярню его белолицую!

II

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный мóлодец Степан Парамонович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых церквах;
За Кремлем горит заря туманная;
Набегают тучки нá небо,

Гонит их метелица распеваючи;
Опустел широкий гостиный двор.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовою
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошел он домой, призадумавшись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.

И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,
А свеча перед образом еле теплится.
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алена Дмитревна?
А что детки мои любезные —
Чай, забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?» —

«Господин ты мой Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерни пошла Алена Дмитревна;
Вот уж поп прошел домой с молодой
попадьей,
Засветили свечу, сели ужинать, —
А по-сю-пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви не вернулась.
А что детки твои малые

Почивать не легли, не играть пошли —
Плачем плачут, всё не унимаются».

И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу —
А на улице ночь темнехонька;
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Вот он слышит, в сенях дверью хлопнули,
Потом слышит шаги торопливые;
Обернулся, глядит — сила крестная!
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,
Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шаталася?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пиновала ты,
Чай, с сынками все боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобою, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялись..
Как запру я тебя на железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтоб свету божьего ты не видела,
Мое имя честное не порочила...»

И услышав то, Алена Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, как листочек осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи — будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютыя,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нониче
Вдоль по улице одинёшенька.
И послышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулася — человек бежит.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки
И сказал мне так тихим шопотом:
«Что пугаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной...»
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня целовать-ласкать,
И цалуя, всё приговаривал:
«Отвечай мне, что тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!

Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью
грешною:

Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»

И ласкал он меня, цаловал меня:
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показывали.

Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бросилась;
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок, твой подарочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную —
И что скажут злые соседушки
И кому на глаза покажусь теперь?

Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка;
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка;

А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонушке пропал без вести,
А меньшей мой брат — дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алена Дмитриевна,
Горючьми слезами заливалась.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш брат,
Что с тобой случилось, приключилося,
Что послал ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?» —

«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилася:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому;
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,
И я выду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до последних сил;
А побьет он меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежэй силою,
На вас меньше грехов накопилось,
Так авось господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднёбесьи,
Туда мчатся и тучки послушные;
Когда сизый орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются.
Ты наш старший брат, нам второй отец:
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, родного, не выдадим».

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

III

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной,
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми;
Как красавица, глядя в зеркальцо,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыналася?
На какой ты радости разыгралася?

Иван Грозный

Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.
И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в двадцать пять сажень,
Для охотничьего бою, одиночного.
И велел тогда царь Иван Васильевич
Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые мóлодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку,
Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь наградит;
А кто будет побит, того бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бархатную;
Подпершился в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкой клич прокликали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небось, призадумались!
Так и быть, обещаюсь для праздника,

Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников.
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрят пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает,
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду-племени,
Каким именем прозываешься?
Чтоб знать, по ком панихиду служить,
Чтобы было чем и похвастаться».
Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
Об одном из нас будут панихиду петь,
И не позже, как завтра в час полуденный;

И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи;
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын, —
Вышел я на страшный бой, на последний
бой!»

И услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...

Вот молча оба расходятся, —
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала; —
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-последнего!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.
И опричник молодой застонал слегка,

Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.
И увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватить удалого купца
И привести его пред лицо свое.

Как возговорил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нѣхотя
Ты убил на смерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?» —

«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что про что — не скажу тебе,
Скажу только богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову,
Да двух братьев моих своей милостью...» —

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня

По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно,
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит, воеет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному
Во рубахе красной с яркой запонкой,
Со большим топором наостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалого бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алене Дмитриевне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать;
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,

Помолитесь сами в церкви божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатила.

Схоронили его за Москвой-рекой
На чистом поле промеж трех дорог,
Промеж Тульской, Рязанской,
Владимирской,
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою;
И проходят мимо люди добрые, —
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют песенку.

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кончайте,
Каждому правдою и честью воздайте!
Тароватому боярину слава!
И красавице боярыне слава!
И всему народу христианскому
Слава!

1837

ВЕТКА ПАЛЕСТИНЫ

Скажи мне, ветка Палестины,
Где ты росла, где ты цвела,
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

Молитву ль тихую читали,
Иль пели песни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бедные сыны?

И пальма та жива ль поныне?
Всё так же ль манит в летний зной
Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листы...

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?

Иль божьей рати лучший воин
Он был, с безоблачным челом,

М. Ю. Лермонтов.

Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством?..

Заботой тайною хранима,
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой.

Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой...
Всё полно мира и отрады
Вокруг тебя и над тобой.
1837

УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет весел и игрив,
Хвост по ветру распустил...

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом.
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучномерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.
1837

СОСЕД

Кто б ни был ты, печальный мой сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет,
Тебя, товарищ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
Стеной теперь, а после — тайной.

Когда зари румяный полусвет
В окно тюрьмы прощальный свой привет
Мне, умирая, посылает;
И опершись на звучное ружье,
Наш часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпает;

Тогда, чело склонив к сырой стене,
Я слушаю — и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются.
О чем они? не знаю — но тоской
Исполнены — и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льются.

И лучших лет надежды и любовь —
В груди моей всё оживает вновь,
    И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит — и слезы из очей,
    Как звуки, друг за другом льются.

1837

* * *

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он, —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога!..

1837

Так храм оставленный — всё храм,
Кумир поверженный — всё бог!

1837

* * *

Никто моим словам не внемлет... я один.
День гаснет... красными рисуясь полосами,
На запад уклонились тучи, и камин
Трещит передо мной. — Я полон весь
мечтами

О будущем... и дни мои толпой
Однообразною проходят предо мной,
И тщетно я ищу смущенными очами
Меж них хоть день один, отмеченный
судьбой!

1837

* * *

Гляжу на будущность с боязнию,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнию,
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать — что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;

Начать готов я жизнь другую,
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,
И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.
1837

* * *

Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь бог да совесть!..

Им сердце в чувствах даст отчет;
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мои мученья;

Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пускай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;

Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец угрюмый,
И кроме бури да громов
Он никому не вверит думы...
1837

* * *

Не смейся над моей пророческой тоскою;
 Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
 Я знал, что голова, любимая тобою,
 С твоей груди на плаху перейдет;
 Я говорил тебе: ни счастья, ни славы
 Мне в мире не найти; настанет час кровавый,
 И я паду; и хитрая вражда
 С улыбкой очернит мой недоцветший гений;
     И я погибну без следа
     Моих надежд, моих мучений;
 Но я без страха жду довременный конец.
 Давно пора мне мир увидеть новый;
 Пускай толпа растопчет мой венец —
     Венец певца, венец терновый!..
 Пускай! я им не дорожил.

. . . . .
 1837

* * *

Слышу ли голос твой
 Звонкий и ласковый,
 Как птичка в клетке
 Сердце запрыгает;

Встречу ль глаза твои
 Лазурно-глубокие,
 Душа им навстречу
 Из груди просится.

И как-то весело.
 И хочется плакать,

И так на шею бы
Тебе я кинулся.

1837

* * *

Она поет — и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит — и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли — все ее движенья,
Иль молвит слово — все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

1837

КИНЖАЛ

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расставанья,
И в первый раз не кровь вдоль по тебе
текла,
Но светлая слеза — жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мне,
Исполнены таинственной печали,

Как сталь твоя при трепетном огне,
То вдруг тускнели, то сверкали:

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный;
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

1837

* * *

Спеша на север из далёка,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.

Чалмою белою отвеса
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.

Но сердца тихого моление
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владенье,
К престолу вечному Аллы.

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Молю, чтоб буря не застала,
Гремя в наряде боевом,

В ущелье мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем.

Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!

Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца после многих лет?

Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?

О если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.

1837

ДУМА

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познанья

и сомненья,

В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,

Ошибками отцов и поздним их умом,
 И жизнь уж нас томит, как ровный путь
 без цели,

Как пир на празднике чужом.

К добру и злу постыдно равнодушны,
 В начале поприща мы вянем без борьбы;
 Перед опасностью позорно-малодушны,
 И перед властью — презренные рабы.

Так тощий плод, до времени созрелый,
 Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
 Висит между цветов, пришлец осиротелый,
 И час их красоты — его паденья час!

Мы иссушили ум наукою бесплодной,
 Тая завистливо от ближних и друзей
 Надежды лучшие и голос благородный
 Неверием осмеянных страстей.

Едва касались мы до чаши наслажденья,
 Но юных сил мы тем не сберегли,
 Из каждой радости, бояся пресыщенья,
 Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искусства
 Восторгом сладостным наш ум не шевелят;
 Мы жадно бережем в груди остаток
 чувства —

Зарытый скупостью и бесполезный клад.
 И ненавидим мы, и любим мы случайно,
 Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
 И царствует в душе какой-то холод тайный,
 Когда огонь кипит в крови.

И предков скучны нам роскошные забавы,
 Их добросовестный, ребяческий разврат;

И к гробу мы спешим без счастья
и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovitой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи
и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

1838

ПОЭТ

Отделкой золотой блистает мой кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный закал —
Наследье бранного востока.

Наезднику в горах служил он много лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он страшный след
И не одну прорвал кольчугу.

Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным;
В те дни была б ему богатая резьба
Нарядом чуждым и постыдным.

Он взят за Тереком отважным казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножен, избитых на войне,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на стене,
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычною, заботливой рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает.

В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился
над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый твой язык,
Нас тешат блески и обманы;

Как ветхая краса, наш ветхий мир привык
Морщины прятать под румяны.

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

1838

* * *

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин!
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как божий херувим!
Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных дум;
Пускай глядит он без упрека
На ложный блеск и ложный мира шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!

1839

МОЛИТВА

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:

Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

1839

НЕ ВЕРЬ СЕБЕ

Que nous font après tout les vulgaires atois
De tous ces charlatans qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

*A. Barbier*¹

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы бойся вдохновенья...
Оно — тяжелый бред души твоей больной
Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не ищи:
То кровь кипит, то сил избыток!
Скорее жизнь свою в заботах истощи,
Разлей отравленный напиток!

¹ Какое нам, в конце концов, дело до грубого дая всех этих кричащих шарлатанов, торговцев пафосом и изготовителей напыщенных слов, и всех паяцев, танцующих на фразе?

А. Барбье

Случится ли тебе в заветный, чудный миг
Открыть в душе давно-безмолвной
Еще неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный, —
Не вслушивайся в них, не предавайся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом ледяным
Не передашь ты их значенья.

Закрадется ль печаль в тайник души твоей,
Зайдет ли страсть с грозой и выугой, —
Не выходи тогда на шумный пир людей
С своею бешеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гневом, то тоской послушной,
И гной душевных ран надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что нам знать твои волненья,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след
забот,
Слезы не встретишь неприличной.

А между тем из них едва ли есть один,
Тяжелой пыткой неизмятый,
До преждевременных добравшийся морщин
Без преступления иль утраты!..

Поверь: для них смешон твой плач и твой
укор,

С своим напевом заучённым,
Как разруганный трагический актер,
Махающий мечом картонным.

1839

ТРИ ПАЛЬМЫ

Восточное сказание

В песчаных степях аравийской земли .
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь
увядать?»

Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые вьюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюды за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на-скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей.
И щедро поит их студеный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,

Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

1839

ДАРЫ ТЕРЕКА

Терек воет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:

«Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,

Отдохнуть пора бы мне.
Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,
Стадо целое пригнал».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;

И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!
Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С томно-бледными плечами,
С светло-русою косою.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красотке-молодице
Не тоскует над рекой
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного,
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косою размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти
Темно-синие глаза.

Он взыграл, веселья полный —
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.
1839

ПАМЯТИ А. П. ОДОЕВСКОГО

Я знал его — мы странствовали с ним
В горах востока... и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям родным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалось законной чередой;
А он не дождался минуты сладкой:
Под бедную походную палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений...

Он был рожден для них, для тех надежд,
Поэзии и счастья... но, безумный —
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной,
И свет не пощадил — и бог не спас!
Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и среди пустынь безлюдных
В нем тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную.

Но он погиб далёко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша
В немом кладбище памяти моей.
Ты умер, как и многие — без шума,
Но с твердостью. Таинственная дума

Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза закрылись вечным сном;
И то, что ты сказал перед кончиной,
Из слушавших тебя не понял ни единый...

И было ль то привет стране родной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам! твоих последних слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... Дела твои, и мненья,
И думы, всё исчезло без следов,
Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уносит...
Куда они, зачем? — откуда? — кто их
спросит...

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадёжной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы нежной!..
Что за нужда!.. пускай забудет свет
Столь чуждое ему существованье:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему, ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье

синей степи —

И мрачных гор зубчатые хребты...
И вокруг твоей могилы неизвестной

Всё, чем при жизни радовался ты,
 Судьба соединила так чудесно.
 Немая степь синеет, и венцом
 Серебряным Кавказ ее объемлет;
 Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
 Как великан склонившись над щитом,
 Рассказам волн кочующих внимая,
 А море Черное шумит не умолкая.

1839

МЦЫРН¹

Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю.

1-я Книга царств

1

Немного лет тому назад
 Там, где сливаясь шумят,
 Обнявшись, будто две сестры,
 Струи Арагвы и Куры,
 Был монастырь. Из-за горы
 И нынче видит пешеход
 Столбы обрушенных ворот,
 И башни, и церковный свод;
 Но не курится уж под ним
 Кадильниц благовонный дым,
 Не слышно пенье в поздний час
 Молящих иноков за нас.
 Теперь один старик седой,
 Развалин страж полуживой,
 Людьми и смертию забыт,

¹ М ц ы р н — на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника». — *Примеч. Лермонтова.*

Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь в такой-то год
Вручал России свой народ.

И божья благодать сошла
На Грузию! — она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал.
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог. Не перенес
Трудов далекого пути.
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился — даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах
Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.

Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел вздыхая на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нем

Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли;
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал,
И с каждым днем приметно вял;
И близок стал его конец.
Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Всё лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь.
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать,
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть —
Одну, но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.

Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.
Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской,
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощеньи не молю.

4

«Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов: отец и мать.
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен.
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь

Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы, теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

«Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине,
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живей
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл; ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил — я также мог бы жить!

6

«Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежую толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал,
Мне было свыше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объятья каменные их
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года,
Им не сойтиться никогда.
Я видел горные хребты,
Причудливые как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег;
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних стран!
В дали я видел сквозь туман
В снегах, горящих как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,

Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней.

7

«И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и как сон
Всё это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец! он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор —
И молодых моих сестер:
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущельи там бежал поток,
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,

Когда они, перед дождем,
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир еще пышней.

8

«Ты хочешь знать, что делал я
На воле? — Жил, и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда столпясь, при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад.
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил.
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой
Меж бурным сердцем и грозой?»

М. Ю. Лермонтов в 1840 году.

9

«Бежал я долго, где, куда?
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов —
И только! Много я часов
Бежал и, наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей.
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней,
Но страх не сжал груди моей,
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

10

«Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотен голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,

Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудой камней:
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы:
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю,
Мне стало страшно: на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал,
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

11

«Кругом меня цвел божий сад.
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерёв
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал,
И снова вслушиваться стал

К волшебным, странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли.
И все природы голоса
Сливались тут. Не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всё, что я чувствовал тогда,
Те думы, — им уж нет следа,
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

12

«Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом,
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,

Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг голос — легкий шум шагов...
Мгновенно скрывшись меж кустов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд
И жадно вслушиваться стал.
И ближе, ближе всё звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настаёт,
Незримый дух её поёт.

13

«Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был её наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой

Лицо и грудь ее; и зной
Дышал от уст ее и щек.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. — Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла, хоть тише, — но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей! —
Недалеко в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой:
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль,
И если б мог, — мне было б жаль!
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

«Трудами ночи изнурен,
Я лег в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольню мне...

И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть
И пробудился. — Уж луна
Вверху сияла — и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своей,
Объятя жадные раскрыв.
Мир темен был и молчалив,
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной,
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонек
То трепетал, то снова гас...
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну,
Пройти в родимую страну,
Имел в душе — и превозмог
Страданье голода как мог;
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой,
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

«Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой

Терновник, спутанный плющом.
Всё лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом черных глаз
Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста.
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева,
Но даже на краю небес
Всё тот же был зубчатый лес. —
Тогда я на землю упал,
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли;
И слезы, слезы потекли
В нее горючею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык!

16

«Ты помнишь, в детские года
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? — лишь темный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг по ней

Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость,
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц; и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы — сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да! рука судьбы
Меня вела иным путём...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

17

«Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный как стон,
Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,

Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. — Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой широкою волной,
Бой закипел, — смертельный бой!

18

«Ко мне он кинулся на грудь,
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом — и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг.
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков,
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом

Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

«Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей:
Еще они не заросли
И не закрылись — но земли
Сырой покров их освежит,
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И вновь, собрав остаток сил,
Побрел я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

«Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край казался мне знаком.
И страшно было мне — понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;

Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И всё зачем?.. чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет
При звучном ропоте дубрав,
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал, это страшный сон,
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине...
И тут всё ясно стало мне;
О! я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..

И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

21

«Да, заслужил я жребий мой.
Могучий конь в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий путь...
Что́ я пред ним? — напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила — таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, всё ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесен
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия.
Но что ж? — Едва взошла заря,
Палящий луч ее обжог
В тюрьме воспитанный цветок...

22

«И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу;
Иссохший лист ее венцом

Терновым над моим челом
Свивался — и в лицо огнем
Сама земля дышала мне.
Сверкая, быстро в вышине
Кружились искры — с белых скал
Струился пар. Мир божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась! или ручья
Ребячий лепет!.. — лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно — потом,
Играя, нежась на нем,
Тройным свивалася кольцом;
То будто вдруг обожжена
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

23

«И было всё на небесах
Светло и тихо — сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатую стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,

По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать: передо мной
Всё закружилось с быстротой!
Хотел кричать: язык сухой
Беззвучен и недвижим был.
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред:

Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И жажду вечную поя,
Как лед холодная струя
Журча вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, —
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне,
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны,
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась, чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. — Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
И — надивиться я не мог! —

Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.

Он говорил: «Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой.

Я созову моих сестер!
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

Усни! постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

О милый мой, не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, как вольную струю,
Люблю, как жизнь мою...»

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Сливалась тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

«Так я найдён и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил, верь моим словам
Или не верь, мне всё равно.
Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.

25

«Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней
Таяся жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожег свою тюрьму
И возвратился вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в раю,
В святом, заоблачном краю,
Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

«Когда я стану умирать,
— И, верь, тебе не долго ждать —
Ты перенести меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа!
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

1839—1840

В себя ли заглянешь? — там прошлого нет
и следа,
И радость, и муки, и всё так ничтожно.

Что страсти? — ведь рано иль поздно их
сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка,
И жизнь, как посмотришь с холодным
вниманьем вокруг —
Такая пустая и глупая шутка!

1840

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;

Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Гребенская казачка.

* * *

На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла,

Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.

Как ночи Украины,
В мерцании звезд незакатных,
Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных,

Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки;
Как ветер пустыни,
И нежат и жгут ее ласки.

И зреющей сливы
Румянец на щечках пушистых,
И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.

И следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на бога
Хранит она детскую веру;

Как племя родное,
У чуждых опоры не просит,

И в гордом покое
Насмешку и зло переносит.

От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожаром.

Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.

1840

* * *

Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно! —
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.

Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;

Но в храме, средь боя,
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.

Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,

И брошусь из битвы
Ему я навстречу.
1840

СОСЕДКА

Не дожждаться мне, видно, свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высокó над землей,
И у двери стоит часовой!

Умереть бы уж мне в этой клетке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.

Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду.
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подыметя вдруг.

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок.

Но бледна ее грудь молодая.
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Всё тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь — отворится клетка,
И, как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к дверям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.
1840

<М. П. СОЛОМИРСКОЙ>

Над бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читает на воротах рая
Узоры надписи святой.

И часто тайную отраду
Находит муке неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Так, разбирая в заточенье
Досель мне чуждые черты,
Я был свободен на мгновенье
Могучей волею мечты.

Залогом вольности желанной,
Лучом надежды в море бед
Мне стал тогда ваш безымянный,
Но вечно-памятный привет.
1840

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

(Из Цедлица)

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы и тайные мели
И бури ему нипочем.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Сон Наполеона.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,

Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только-что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнем.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:

Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок.

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

1840

ОТЧЕГО

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.
За каждый светлый день иль сладкое

мгновенье

Слезами и тоской заплатишь ты судьбе.
Мне грустно... потому что весело тебе.

1840

51*

БЛАГОДАРНОСТЬ

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За мечь врагов и клевету друзей,
За жар души, растроченный в пустыне,
За всё, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще благодарил.
1840

ИЗ ГЁТЕ

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.
1840

А. О. СМЕРНОВОЙ

Без вас хочу сказать вам много,
При вас я слушать вас хочу;
Но молча вы глядите строго,
И я в смущении молчу.
Что ж делать?.. Речью неискусной

Занять ваш ум мне не дано...
Всё это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...

1840

ТУЧИ

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно-холодные, вечно-свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

1840

* * *

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ.

Быть может, за хребтом Кавказа
Укроюсь от твоих пашей,

От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.
1840

* * *

Я к вам пишу: случайно! право.
Не знаю, как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, боже правый,
Вы это знаете давно.
И вам, конечно, всё равно.

И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!
Да и притом что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на срок,
Но я вас помню — да, и точно,
Я вас никак забыть не мог!

Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,

Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаяньи бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет;
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию — но вас
Забыть мне было невозможно.

И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья.
То иль другое наказанье?
Не всё ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин,
За всё я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу
И молча зло переносу.
Быть может, небеса востока
Меня с ученьем их пророка
Неволью сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Всё, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз;
Кругом белеются палатки;

Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга,
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне:
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам;
И вижу я неподалёку
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету наговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу — дальний выстрел! прожужжала
Шальная пуля... славный звук...
Вот крик — и снова всё вокруг
Затихло... но жара уж спала,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. «Где вторая рота?
Что, вьючить? — что же капитан?
Повозки выдвигайте живо!
Савельич! Ой ли. — Дай огниво!» —

При Валерике. Рисунок Лермонтова.

Подъем ударил барабан —
Гудит музыка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал
Вперед со свитой поскакал...
Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показались значки
Там на опушке — два, и боле.
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет — где отважный?
Кто выдет с ним на смертный бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке черной
Казак пустился гребенской;

Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий дым...
Эй вы, станичники, за ним...
Что? ранен!.. — Ничего! безделка...
И завязалась перестрелка...

Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовались на них,
Без кровожадного волнения,
Как на трагический балет;
Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет...

Раз — это было под Гихами,
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживились леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз
В поляну, дело началось;
Чу! в арьбергарт орудья просят;

Вот ружья из кустов [вы]носят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки; —
И градом пуль с вершин дерёв
Отряд осыпан. Впереди же
Всё тихо — — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблестало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь всё спряталось в траве.
То было грозное молчанье,
Не долго длилось оно,
Но в этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... глядим: лежат рядами
Что нүжды? здешние полки —
Народ испытанный... В штыки,
Дружнее! — раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгну́ть с коня...
Ура — и смолкло. — Вон кинжалы,
В приклады! — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,
Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.

Набег.

Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выраженье лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть

Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал..
«Спасите, братцы. — Тащат в горы..
Постойте, — ранен генерал..
Не слышат...» Долго он стонал,
Но всё слабей и понемногу
Затих и душу отдал богу;
На ружья опершись, кругом
Стояли усачи седые..
И тихо плакали.. потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый
Им вслед смотрел [я] недвижимый.
Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли:
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.
Уже затихло всё; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по камням,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной

Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем? —
Галуб прервал мое мечтанье.
Ударив по плечу; он был
Кунак мой: я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: *Валерик*,
А перевесь на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми. —
— А сколько их дралось примерно
Сегодня? — Тысяч до семи. —
— А много горцы потеряли? —
— Как знать? — Зачем вы не считали!

Да! будет, кто-то тут сказал,
Им в память этот день кровавый!
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Но я боюсь вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть. В самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужденьи?

Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть малость,
Я буду счастлив. А не так? —
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чужак!..

1840

ЗАВЕЩАНИЕ

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:

На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навывет в грудь
Я пулей ранен был;
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... всё равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалея;
Пусть она поплачет...
Ей ничего не значит!

ДЕМОН

Восточная повесть

ЧАСТЬ I

I

Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы! —

II

Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,

Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья —
И зло наскучило ему.

III

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел — и горный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;
И золотые облака
Из южных стран, издалека,
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы —
У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны! —
И дик, и чуден был вокруг
Весь божий мир, — но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,

И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

IV

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали;
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразные раины,
Звонко-бегущие ручьи
По дну из камней разноцветных,
И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчаные плющом,
Пещеры, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений!
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звезды, яркие как очи,
Как взор грузинки молодой!..
Но кроме зависти холодной
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил;
И всё, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

Грузинские девушки

V

Высокий дом, широкий двор
 Седой Гудал себе построил...
 Трудов и слез он много стоил
 Рабам, послушным с давних пор.
 С утра на скат соседних гор
 От стен его ложатся тени.
 В скале нарублены ступени;
 Они от башни угловой
 Ведут к реке; по ним мелькая,
 Покрыта белою чадрой¹,
 Княжна Тамара молодая
 К Арагве ходит за водой.

¹ Покрывало. — *Примеч. Лермонтова.*

VI

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом;
Но пир большой сегодня в нем —
Звучит зурна¹ и льются вины —
Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг:
Средь игр и песен их досуг
Проходит. — Дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг;
В ладони мерно ударяя,
Они поют — и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, — глядит —
И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья детского полна.
Но луч луны, по влаге зыбкой
Слегка играющий порой,
Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь, как молодость, живой.

¹ Вроде волынки. — *Примеч. Лермонтова.*

VII

Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока;
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей жемчужною росой
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор как мир лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела.

VIII

В последний раз она плясала.
Увы! завтра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна, чуждая поныне,
И незнакомая семья.
И часто тайное сомненье
Темнило светлые черты;
И были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны милой простоты,
Что если б Демон, пролетая,
В то время на нее взглянул,

То, прежних братьий вспоминая,
Он отвернулся б — и вздохнул...

IX

И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг.
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук —
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!..
И долго сладостной картиной
Он любовался — и мечты
О прежнем счастье, цепью длинной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой грустью стал знаком;
В нем чувство вдруг заговорило
Родным когда-то языком.
То был ли признак возрожденья?
Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забуть? — забвенья не дал бог:
Да он и не взял бы забвенья!..

. . . . .

X

Измучив доброго коня,
На брачный пир к закату дня
Спешил жених нетерпеливый.
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.

Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звенят.
Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван.
Ремнем затянут ловкий стан;
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи¹, — кругом она
Вся галуном обложена.
Цветными вышито шелками
Его седло; узда с кистями;
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти, золотой.
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушми и, полный страха,
Храпя, косится с крутизны
На пену скачущей волны.
Опасен, узок путь прибрежный!
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. — На вершине снежной
Румянец гаснет; встал туман...
Прибавил шагу караван.

XI

И вот часовня на дороге...
Тут с давних лет почиет в боге

¹ Верхняя одежда с откидными рукавами. — Примеч. Лермонтова

Какой-то князь, теперь святой,
Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на битву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил;
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
Но презрел удалой жених
Обычай прадедов своих.
Его коварною мечтою
Лукавый демон возмущал:
Он в мыслях, под ночною тьмою,
Уста невесты целовал.
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше — выстрел! — что такое?..
Привстав на звонких¹ стремях,
Надвинув на брови папах²,
Отважный князь не молвил слова;
В руке сверкнул турецкий ствол,
Нагайка щелк — и, как орел,
Он кинулся... и выстрел снова!
И дикий крик, и стон глухой
Промчались в глубине долины —
Недолго продолжался бой: —
Бежали робкие грузины!

XII

Затихло всё; теснясь толпой,
На трупы всадников порой

¹ Стремена у грузин вроде башмаков из звонкого железа. —
Примеч. Лермонтова.

² Шапка вроде ериванки. — *Примеч. Лермонтова.*

Верблюды с ужасом глядели;
И глухо в тишине степной
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван;
И над телами христиан
Чертит круги ночная птица!
Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт;
Не придут сестры с матерями,
Покрыты длинными чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами,
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги над скалою
На память водрузится крест;
И плющ, разросшийся весною,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;
И, своротив с дороги трудной,
Не раз усталый пешеход
Под божьей тенью отдохнет...

XIII

Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется, будто к брани;
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая;
То разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.

На нем есть всадник молчаливый!
Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводами,
Задвинул ноги в стремяна;
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун лихой, ты господина
Из боя вынес, как стрела:
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала!

XIV

В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный
И пал на камни у ворот?
Кто этот всадник бездыханный?
Хранили след тревоги бранной
Морщины смуглого чела.
В крови оружие и платье;
В последнем бешеном пожатье
Рука на гриве замерла.
Недолго жениха молодого,
Невеста, взор твой ожидал:
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал...
Увы! но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого!..

XV

На беззаботную семью,
Как гром, слетела божья кара!

Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:
«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет:
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет;
Он далеко, он не узнает,
Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны,
И стон, и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творенья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой».

«На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неувимых
Волокнистые стада.
Час разлуки, час свиданья —

Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия
И беспечна, как они!»

«Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит;
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травюю,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей;
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распухнет ночью;
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет, —
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»

XVI

Слова умолкли в отдаленье,
Вослед за звуком умер звук.
Она, вскочив, глядит вокруг...
Невыразимое смятенье
В ее груди; — печаль, испуг,

Восторга пыл — ничто в сравненье.
Все чувства в ней кипели вдруг;
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробегал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, всё еще звучал.
И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил;
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел-небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик — о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет!..

ЧАСТЬ II

I

«Отец, отец, оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу: видишь эти слезы...
Уже не первые они.
Напрасно женихи толпою

Спешат сюда из дальних мест...
Немало в Грузии невест!
А мне не быть ничьей женою!..
О, не брани, отец, меня.
Ты сам заметил: день от дня
Я вяну, жертва злой отравы!
Меня терзает дух лукавый
Неотразимую мечтой;
Я гибну, сжался надо мной!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою;
Там защитит меня спаситель,
Пред ним тоску мою пролью.
На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осеня,
Пусть примет сумрачная келья,
Как гроб, заранее меня...»

II

И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчой,
Всё незаконною мечтой
В ней сердце билось, как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы торжественного пенья,
Знакомая, среди моленья,
Ей часто слышалася речь.
Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда

Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама;
Сиял он тихо, как звезда;
Манил и звал он... но куда?..

III

В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинар и тополей рядами
Он окружен был — и порой,
Когда ложилась ночь в ущельи,
Сквозь них мелькала, в окнах кельи,
Лампада грешницы молодой.
Кругом, в тени дерев миндальных,
Где ряд стоит крестов печальных,
Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц.
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной
И под нависшею скалой,
Сливаясь дружески в ущельи,
Катились дальше, меж кустов,
Покрытых инеем цветов.

IV

На север видны были горы.
При блеске утренней авроры,
Когда синеющий дымок
Курится в глубине долины,
И, обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэззины,
И звучный колокола глас
Дрожит, обитель пробуждая;

В торжественный и мирный час,
Когда грузинка молодая
С кувшином длинным за водой
С горы спускается крутой, —
Вершины цепи снеговой
Светло-лиловою стеной
На чистом небе рисовались,
И в час заката одевались
Они румяной пеленой;
И между них, прорезав тучи,
Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.

V

Но, полно думою преступной,
Тамары сердце недоступно
Восторгам чистым. — Перед ней
Весь мир одет угрюмой тенью;
И всё ей в нем предлог мученью —
И утра луч и мрак ночей.
Бывало, только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,
Перед божественной иконой
Она в безумье упадет
И плачет; — и в ночном молчанье
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье;
И мыслит он: «То горный дух
Прикованный в пещере стонет!»
И, чуткий напрягая слух,
Коня измученного гонит...

VI

Тоской и трепетом полна,
Тамара часто у окна
Сидит в раздумьи одиноком,
И смотрит вдаль прилежным оком,
И целый день, вздыхая, ждет...
Ей кто-то шепчет: он придет!
Недаром сны ее ласкали,
Недаром он являлся ей,
С глазами, полными печали,
И чудной нежностью речей.
Уж много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святым захочет ли молиться —
А сердце молится ему;
Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна:
Подушка жжет, ей душно, страшно,
И вся, вскочив, дрожит она;
Пылают грудь ее и плечи,
Нет сил дышать, туман в очах,
Объятья жадно ищут встречи,
Лобзанья тают на устах...

. . . . .
. . . . .

VII

Вечерней мглы покров воздушный
Уж холмы Грузии одел.
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел.
Но долго, долго он не смел

Святыню мирного приюта
Нарушить. — И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.
Задумчив, у стены высокой
Он бродит: от его шагов
Без ветра лист в тени трепешет.
Он поднял взор: ее окно,
Озарено лампадой, блещет;
Кого-то ждет она давно!
И вот средь общего молчанья
Чингара¹ стройное бряцанье
И звуки песни раздались;
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена!
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкой слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз;
Он хочет в страхе удалиться..
Его крыло не шевелится!
И чудо! из померкших глаз
Слеза тяжелая катится..
Поныне возле кельи той
Насквозь прожженный виден камень,

¹ Чингар — род гитары. — *Примеч. Лермонтова.*

Слезою жаркою как пламень,
Не человеческой слезой!..

VIII

И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожиданья,
Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.
То было злое предвещанье!
Он входит, смотрит — перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом,
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом;
И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор:

IX

«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полночной?
Твоих поклонников здесь нет,
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.

Кто звал тебя?» —

Ему в ответ
 Злой дух коварно усмехнулся;
 Зарделся ревностью взгляд;
 И вновь в душе его проснулся
 Старинной ненависти яд.
 «Она моя! — сказал он грозно. —
 Оставь ее, она моя!
 Явился ты, защитник, поздно,
 И ей, как мне, ты не судья.
 На сердце, полное гордыни,
 Я наложил печать мою:
 Здесь больше нет твоей святыни,
 Здесь я владею и люблю!..» —
 И ангел грустными очами
 На жертву бедную взглянул
 И медленно, взмахнув крылами,
 В эфире неба потонул.

. . . . .

Х

Т а м а р а

О! кто ты? речь твоя опасна!
 Тебя послал мне ад иль рай?
 Чего ты хочешь?..

Д е м о н

Ты прекрасна!

Т а м а р а

Но молви, кто ты? отвечай...

Д е м о н

Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы,
И, видишь, я у ног твоих!
Тебе принес я в умиление
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первые мои.
О! выслушай, из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом.
О! только выслушай, молю,
Я раб твой, я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидел,
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертие и власть мою.
Я позавидовал невольно
Неполной радости земной;
Не жить, как ты, мне стало больно,
И страшно — розно жить с тобой.
В бескровном сердце луч нежданный

Опять затеплился живей,
И грусть на дне старинной раны
Зашевелилася, как змей.
Что, без тебя, мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм — без божества!

Т а м а р а

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу...
Творец... Увы! я не могу
Молиться... губительной отравой
Мой ум слабеющий объят!
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова — огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь?

Д е м о н

Зачем, красавица? — увы,
Не знаю!.. полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый;
Я всё былое бросил в прах:
Мой рай, мой ад — в твоих очах.
Люблю тебя не здешней страстью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты.
В душе моей, с начала мира,
Твой образ был напечатлён,
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.

Давно тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мне в раю
Одной тебя недоставало.
О! если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века — без разделепья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой,
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!
Всегда жалеть — и не желать,
Всё знать, всё чувствовать, всё видеть,
Стараться всё возненавидеть
И всё на свете презирать!..
Лишь только божие проклятье
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство;
Я видел брачное убранство
Светил, знакомых мне давно...
Они текли в венцах из злата;
Но что же? прежнего собрата
Не узнавало ни одно.
Изгнанников себе подобных
Я звать в отчаянии стал,
Но слов, и лиц, и взоров злобных,
Увы! я сам не узнавал.
И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался — но куда, зачем?

Не знаю... прежними друзьями
Я был отвергнут; как Эдем,
Мир для меня стал глух и нем.
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья;
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа,
Бог весть откуда и куда!
И я людьми не долго правил,
Греху не долго их учил,
Всё благородное бесславил
И всё прекрасное хулил;
Не долго... пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...
А стоили ль трудов моих
Одни глупцы да лицемеры?
И скрылся я в ущельях гор;
И стал бродить, как метеор,
Во мраке полночи глубокой...
И мчался путник одинокой,
Обманут близким огоньком;
И, в бездну падая с конем,
Напрасно звал — и след кровавый
За ним вился по крутизне...
Но злобы мрачные забавы
Не долго нравились мне!
В борьбе с могучим ураганом
Как часто, подымая прах,

Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятежной
Сердечный ропот заглушить,
Спасти от думы неизбежной
И незабвенное забыть!
Что повесть тягостных лишений,
Трудов и бед толпы людской
Грядущих, прошлых поколений
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? — что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут...
Надежда есть — ждет правый суд:
Простить он может, хоть осудит!
Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она — то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пламень,
То давит мысль мою, как камень, —
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей!..

Т а м а р а

Зачем мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...

Д е м о н

Против тебя ли?

Т а м а р а
Нас могут слышать!..

Д е м о н

Мы одне.

Т а м а р а
А бог!

Д е м о н

На нас не кинет взгляда:
Он занят небом, не землей!

Т а м а р а
А наказанье; муки ада?

Д е м о н

Так что ж? ты будешь там со мной!

Т а м а р а

Кто б ни был ты, мой друг случайный,
Покой навеки погубя,
Невольно я с отрадой тайной,
Страдалец, слушаю тебя.
Но если речь твоя лукава,
Но если ты, обман тая...
О! пощади! — Какая слава!
На что душа тебе моя!
Ужели небу я дороже
Всех, незамеченных тобой?
Они, увы! прекрасны тоже;
Как здесь, их девственное ложе
Не смято смертною рукой...
Нет! дай мне клятву роковую...

Скажи, — ты видишь: я тоскую;
Ты видишь женские мечты!
Невольно страх в душе ласкаешь...
Но ты всё понял, ты всё знаешь,
И сжалишься, конечно, ты!
Клянися мне... от злых стяжаний
Отречься ныне дай обет.
Ужель ни клятв, ни обещаний
Ненарушимых больше нет?..

Д е м о н

Клянусь я первым днем творенья,
Клянусь его последним днем,
Клянусь позором преступленья
И вечной правды торжеством,
Клянусь паденья горькой мукой,
Победы краткою мечтой;
Клянусь свиданием с тобой
И вновь грозящую разлукой;
Клянуся сонмищем духов,
Судьбою братьев мне подвластных,
Мечами ангелов бесстрастных,
Моих недремлющих врагов,
Клянуся небом я и адом,
Земной святыней и тобой;
Клянусь твоим последним взглядом,
Твоею первую слезой,
Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей;
Клянусь блаженством и страданьем,
Клянусь любовью моей, —
Отрекся я от старой мести,
Отрекся я от гордых дум;

Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня;
И мир в неведеньи спокойном
Пусть доцветает без меня!
О! верь мне: я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг;
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.
Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,
Подруга первая моя;
Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь? —
Волненье крови молодое.

Но дни бегут, и стынет кровь!
Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки,
И своенравия мечты?
Нет, не тебе, моей подруге,
Узнай, назначено судьбой
Увянуть молча в тесном круге
Ревнивой грубости рабой,
Средь малодушных и холодных,
Друзей притворных и врагов,
Боязней и надежд бесплодных,
Пустых и тягостных трудов!
Печально за стеной высокой
Ты не угаснешь без страстей,
Среди молитв, равно далеко
От божества и от людей.
О нет! прекрасное создание,
К иному ты присуждена;
Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина;
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе:
Пучину гордого познания
Взамен открою я тебе.
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам;
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной,
Его усыплю той росой;

Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью;
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою;
Всечасно дивною игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дам тебе всё, всё земное —
Люби меня!..

XI

И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам;
Соблазна полными речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи.
Он жег ее. — Во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал.
Увы! злой дух торжествовал!
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно в грудь ее проник.
Мучительный, ужасный крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было всё: любовь, страданье,
Упрек с последнею мольбой,
И безнадежное прощанье —
Прощанье с жизнью молодой.

XII

В то время сторож полуночный,
Один вокруг стены крутой
Свершая тихо путь урочный,
Бродил с чугуною доской,
И возле кельи девы юной
Он шаг свой мерный укротил,
И руку над доской чугуной,
Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Минутный крик и слабый стон.
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье,
И стихло всё; издалека
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло
Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитать,
Чтоб навожденье духа злого
От грешной мысли отогнать;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И, молча, скорыми шагами
Обычный продолжает путь.

. . . . .

XIII

Как пери спящая мила
Она в гробу своем лежала,
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы...
Но кто б, о небо! не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя, иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой.
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали...
Нет! смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!

XIV

Ни разу не был в дни веселья
Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд.
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
Над нею льют свой аромат
И, сжаты мертвою рукою,
Как бы прощаются с землею!
И ничего в ее лице
Не намекало о конце
В пылу страстей и упоенья;
И были все ее черты
Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,

Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ее устам.
О многом грустном говорила
Она внимательным глазам:
В ней было хладное презренье
Души, готовой отцвести,
Последней мысли выраженье,
Земле беззвучное: *прости*.
Напрасный отблеск жизни прежней,
Она была еще мертвей,
Еще для сердца безнадежней
Навек угаснувших очей.
Так в час торжественный заката,
Когда, растаяв в море злата,
Уж скрылась колесница дня,
Снега Кавказа, на мгновенье
Отлив румяный сохраняя,
Сияют в темном отдаленье.
Но этот луч полуживой
В пустыне отблеска не встретит;
И путь ничей он не осветит
С своей вершины ледяной!..

XV

Толпой соседи и родные
Уж собрались в печальный путь.
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая в грудь,
В последний раз Гудал садится
На белогривого коня,
И поезд тронулся. — Три дня,

Три ночи путь их будет длиться:
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.
Один из праотцев Гудала,
Грабитель странников и сел,
Когда болезнь его сковала
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На вышине гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоилися там;
И превратилася в кладбище
Скала, родная облакам:
Как будто ближе к небесам
Теплей посмертное жилище?..
Как будто дальше от людей
Последний сон не возмутится...
Напрасно! мертвым не приснится
Ни грусть, ни радость прошлых
дней...

XVI

В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых,
И душу грешную от мира
Он нес в объятиях своих.
И сладкой речью упованья

Ее сомненья разгонял,
И след проступка и страданья
С нее слезами он смывал.
Издалека уж звуки рая
К ним доносились — как вдруг,
Свободный путь пересекая,
Взвился из бездны адский дух.
Он был могущ, как вихорь шумный,
Блистал, как молнии струя,
И гордо в дерзости безумной
Он говорит: «Она моя!»

К груди хранительной прижалась,
Молитвой ужас заглуша,
Тамары грешная душа.
Судьба грядущего решалась,
Пред нею снова он стоял,
Но, боже! — кто б его узнал?
Каким смотрел он злобным взглядом,
Как полон был смертельным ядом
Вражды, не знающей конца,
И веяло могильным хладом
От неподвижного лица.

«Исчезни, мрачный дух сомненья!» —
Посланник неба отвечал:
«Довольно ты торжествовал;
Но час суда теперь настал,
И благо божие решенье!
Дни испытания прошли;
С одеждой брэнною земли
Оковы зла с нее ниспали.
Узнай! давно ее мы ждали!

Ее душа была из тех,
Которых жизнь — одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недостигаемых утех:
Творец из лучшего эфира
Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!
Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила —
И рай открылся для любви!»

И ангел строгими очами
На искушителя взглянул
И, радостно взмахнув крылами,
В сияньи неба потонул.
И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упованья и любви!..

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолвный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет.

Койшаурская долина.

Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет;
И голосов нестройный гул
Теряется, — и караваны
Идут звеня издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река.
И жизнью вечно молодой,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботная дитя.

Но грустен замок, отслуживший
Когда-то в очередь свою,
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.

И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда им праздник и свобода;
Жужжат, бегут во все концы.
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет;
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца;
То вдруг совется в три кольца,
То ляжет длинной полосой
И блещет, как булатный меч,
Забытый в поле давних сеч,
Ненужный падшему герою!..
Всё дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомнит ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!

Но церковь, на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властью святой,
Видна меж туч еще поныне.
И у ворот ее стоят
На страже черные граниты,
Плащами снежными покрыты;
И на груди их вместо лат
Льды вековечные горят.
Обвалов сонные громады

С уступов, будто водопады,
Морозом схваченные вдруг,
Висят, нахмурившись, вокруг.
И там метель дозором ходит,
Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,
То окликает часовых;
Услыша вести в отдаленье
О чудном храме в той стране,
С востока облака одне
Спешат толпой на поклоненье;
Но над семьей могильных плит
Давно никто уж не грустит.
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

1829—1841

РОДИНА

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой;
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам! —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...

Проселочным путем люблю скакать в телеге
 И, взором медленным пронзая ночи тень,
 Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
 Дрожащие огни печальных деревень;

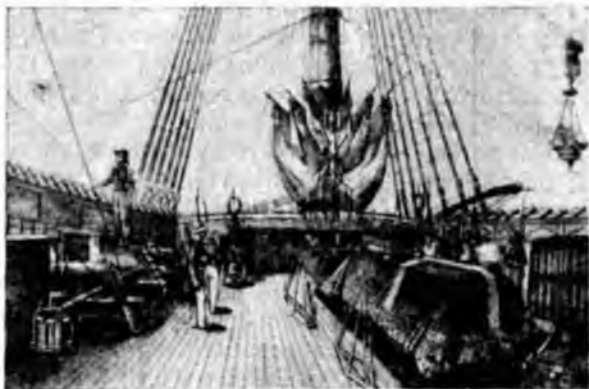
Люблю дымок спаленной жнивы,
 В степи ночующий обоз
 И на холме средь желтой нивы
 Чету белеющих берез.
 С отрадой, многим незнакомой,
 Я вижу полное гумно,
 Избу, покрытую соломой,
 С резными ставнями окно;
 И в праздник, вечером росистым,
 Смотреть до полночи готов
 На пляску с топаньем и свистом
 Под говор пьяных мужичков.

1841

ПОСЛЕДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ

Меж тем как Франция, среди рукоплесканий
 И кликов радостных, встречает хладный
 прах
 Погибшего давно среди немых страданий
 В изгнании мрачном и цепях;
 Меж тем как мир услужливой хвалою
 Венчает позднего раскаянья порыв
 И вздорная толпа, довольная собою,
 Гордится, прошлое забыв, —
 Негодование и чувству дав свободу,
 Поняв тщеславие сих праздничных забот,

Мне хочется сказать великому народу:
Ты жалкий и пустой народ!
Ты жалок потому, что Вера, Слава, Гений,
Всё, всё великое, священное земли
С насмешкой глупою ребяческих сомнений
Тобой растоптано в пыли.
Из Славы сделал ты игрушку лицемерья,
Из вольности — орудье палача,
И все заветные, отцовские поверья
Ты им рубил, рубил сплеча;
Ты погибал! — и Он явился, с строгим
взором,
Отмеченный божественным перстом,
И признан за вождя всеобщим приговором,
И ваша жизнь слилася в Нем;
И вы окрепли вновь в тени его державы,
И мир трепещущий в безмолвии взирал
На ризу чудную могущества и славы,
Которой вас Он одевал.
Один — Он был везде, холодный,
неизменный,
Отец седых дружин, любимый сын молвы,
В степях Египетских, у стен покорной Вены,
В снегах пылающей Москвы!
А вы, что делали, скажите, в это время?
Когда в полях чужих Он гордо погибал,
Вы потрясали власть избранныю как бремя?
Точили в темноте кинжал?
Среди последних битв, отчаянных усилий,
В испуге не поняв позора своего,
Как женщина Ему вы изменили
И как рабы вы предали Его.
Лишенный прав и места гражданина,

*Перенесение праха Наполеона с острова Св. Елены
в Париж.*

Разбитый свой венец Он снял и бросил сам.
И вам оставил Он в залог родного сына —

Вы сына выдали врагам!

Тогда, отяготив позорными цепями,
Героя увезли от плачущих дружин,
И на чужой Скале, за синими морями,

Забытый, Он угас один —

Один, — замучен мщением бесплодным,
Безмолвною и гордою тоской —

И как простой солдат в плаще своем

походном

Зарыт наемною рукой.

Но годы протекли, и ветреное племя
Кричит: «Подайте нам священный этот прах!

Он наш! Его теперь, великой жатвы семя,
Зароем мы в спасенных Им стенах!»
И возвратился Он на родину; безумно,
Как прежде, вокруг Него теснятся и бегут,
И в пышный гроб, среди Столицы шумной,
Остатки тленные кладут.

Желанье позднее увенчано успехом!
И краткий свой восторг сменив уже другим,
Гуляя топчет их с самодовольным смехом
Толпа, дрожавшая пред *Ним*.

И грустно мне, когда подумаю, что ныне
Нарушена святая тишина
Вокруг Того, Кто ждал в своей пустыне
Так жадно, столько лет спокойствия и сна!
И если Дух Вождя примчится на свиданье
С гробницей новою, где прах Его лежит,
Какое в Нем негодование
При этом виде закипит!
Как будет Он жалеть, печалию томимый,
О знойном острове, под небом дальних
стран,
Где сторожил Его, как Он непобедимый,
Как Он великий, Океан!

1841

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА

Пускай холодною землею
Засыпан я,
О друг! всегда, везде с тобою
Душа моя.

Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки —
Разлуки нет.
Я видел прелесть бестелесных
И тосковал,
Что образ твой в чертах небесных
Не узнавал.

Что мне сиянье божьей власти
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой.
Ласкаю я мечту родную
Везде одну;
Желаю, плачу и ревную,
Как встарину.

Коснется ль чуждое дыханье
Твоих ланит, —
Моя душа в немом страданье
Вся задрожит.
Случится ль, шепчешь засыпая
Ты о другом, —
Твои слова текут пылая
По мне огнем.

Ты не должна любить другого,
Нет, не должна,

Ты мертвецу, святыней слова,
Обручена.
Увы, твой страх, твои моления,
К чему оне?
Ты знаешь, мира и забвенья
Не надо мне!

1841

* * *

Из-под таинственной, холодной полумаски
Звучал мне голос твой отраднй, как мечта,
Светили мне твои пленительные глазки,
И улыбались лукавые уста.

Сквозь дымку легкую заметил я невольно
И девственных ланит и шеи белизну.
Счастливец! видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!..

И создал я тогда в моем воображенье
По легким признакам красавицу мою;
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.

И всё мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слышал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья.

1841

<С. П. КАРАМЗИНОЙ>

Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.

Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.

Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор,

Люблю я парадоксы ваши
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
С[мирновой] штучку, фарсу Саши
И Ишки М[ятлева] стихи...

1841

<Е. П. РОСТОПЧИНОЙ>

Я верю: под одной звездой
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны,
Но что ж! — от цели благородной
Оторван бурею страстей,
Я позабыл в борьбе бесплодной

Преданья юности моей.
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вверять...

Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный и томный,
Свой бурный шум, свой блеск заемный
И ласки вечные свои.

1841

* * *

Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье;
Люблю в тебе я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взором:
Таинственным я занят разговором,
Но не с тобой я сердцем говорю.

Я говорю с подругой юных дней;
 В твоих чертах ищу черты другие;
 В устах живых уста давно немые,
 В глазах огонь угаснувших очей.
 1841

* * *

<Из Гейне>

На севере диком стоит одиноко
 На голой вершине сосна
 И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
 Одеята как ризой она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой —
 В том крае, где солнца восход,
 Одна и грустна на утесе горячем
 Прекрасная пальма растет.

1841

УТЕС

Ночевала тучка золотая
 На груди утеса-великана;
 Утром в путь она умчалась рано,
 По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
 Старого утеса. Одиноко
 Он стоит, задумался глубоко
 И тихонько плачет он в пустыне.

1841

СПОР

Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор
У Казбека с Шат-горою¹
Был великий спор.
«Берегись! — сказал Казбеку
Седовласый Шат: —
Покорился человеку
Ты недаром, брат!
Он настроит дымных келий
По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
Загремит топор.
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь!
Уж проходят караваны
Через те скалы,
Где носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труден
Первый был скачок,
Берегися! многолюден
И могуч Восток!»
— Не боюсь я Востока, —
Отвечал Казбек. —
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин

¹ Ш а т — Эльбрус. — *Гримеч. Лермонтова.*

На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
Моет желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил;
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Всё, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
Нет, не дряхлому Востоку
Покорить меня! —

«Не хвались еще заране! —
Молвил старый Шат: —
Вот на Севере в тумане
Что-то видно, брат!»

Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущен,
И, смутясь, на Север темный
Взоры кинул он.
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум;

Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки.
Веют белые султаны,
Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль.
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут;
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют.
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И испытанный трудами
Бури боевой
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно-медленны, как тучи,
Прямо на восток.

И томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый —
И не счел врагов...
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,

Шапку¹ на́ брови надвинул
И навек затих.

1841

СОН

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана;
По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснились кругом,
И солнце жгло их желтые вершины
И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями
Вечерний пир в родимой стороне.
Меж юных жен, увенчанных цветами,
Шел разговор веселый обо мне.

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине той;
В его груди дымясь чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

1841

¹ Горцы называют шапкою облака, постоянно лежащие на вершине Казбека. — *Примеч. Лермонтова.*

ТАМАРА

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна как ангел небесный,
Как демон коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,
Манил он на отдых ночной.

И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всеильные чары,
Была непонятная власть.

На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух:
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.

На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя. — Шипели
Пред нею два кубка вина.

Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,

Черкес.

И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавались там.

Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.

Но только что утра сиянье
Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла
Гремя нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

1841

СВИДАНЬЕ

Уж за горой дремучею
Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущельи мгла и дым.

Летают сны-мучители
Над грешными людьми,
И ангелы-хранители
Беседуют с детьми.

Там, за твердыней старою,
На сумрачной горе
Под свежую чинарою
Лежу я на ковре.
Лежу один и думаю:
Ужели не во сне
Свиданье в ночь угрюмую
Назначила ты мне?
И в этот час таинственный,
Но сладкий для любви,
Тебя, мой друг единственный,
Зовут мечты мои.

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горят,
И колокольни черные
Как сторожи стоят;
И поступью несмелою
Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
Четы грузинских жен;
Вот улицей пустынною
Бредут, едва скользя...
Но под чадрою длинною
Тебя узнать нельзя!..

Тифлис.

Твой домик с крышей гладкою
Мне виден вдалеке;
Крыльцо с ступенью шаткою
Купается в реке;
Среди прохлады, веющей
Над синею Курой,
Он сетью зеленеющей
Опутан плющевой;
За тополью высокою
Я вижу там окно...
Но свечкой одинокою
Не светится оно!

Я жду. В недоумении
Напрасно бродит взор:
Кинжалом в нетерпении
Изрезал я ковер;
Я жду с тоской бесплодную,
Мне грустно, тяжело...
Вот сыростью холодную
С востока понесло,
Краснеют за туманами
Седых вершин зубцы,
Выходят с караванами
Из города купцы...

Прочь, прочь, слеза позорная,
Кипи, душа моя!
Твоя измена черная
Понятна мне, змея!
Я знаю, чем утешенный,
По звонкой мостовой
Вчера скакал как бешеный
Татарин молодой.
Недаром он красуется
Перед твоим окном,
И твой отец любит
Персидским жеребцом.

Возьму винтовку длинную,
Пойду я из ворот:
Там под скалой пустынную
Есть узкий поворот.
До полдня за могильною
Часовней подожду

И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
Я лег между камней;
Чу! близкий топот слышится...
А! это ты, злодей!

1841

* * *

Дубовый листок оторвался от ветки
родимой
И в степь укатился, жестокою бурей
гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот наконец докатился до Черного моря.
У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви
лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской
царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары
высокой;
Приюта на время он молит с тоскою
глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек
дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне
суровой.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух
леля,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.
1841

МОРСКАЯ ЦАРЕВИЦА

В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на меня!»

Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и дале плывет.

Слышит царевич: «Я — царская дочь!
Хочешь провести ты с царевною ночь?»

Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды.

Вышла младая потом голова;
В косу вплелась морская трава.

Синие очи любовью горят;
Брызги на шее как жемчуг дрожат.

Мыслит царевич: «Добро же! постой!»
За косу ловко схватил он рукой.

Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.

К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зовет:

«Эй вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча моя...

Что ж вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?»

Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий взгляд.

Видит, лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;

Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь, дрожит;

Пена струями сбегает с чела,
Очи одела смертельная мгла.

Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...

Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую дочь!
1841

ПРОРОК

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу
Как птицы, даром божьей пищи;

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм и худ и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

1841

П Р И М Е Ч А Н И Я

ПУШКИН

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Ночь — ночь. *Наяды* (миф.) — нимфы вод. *Минерва* (миф.) — богиня мудрости, искусства и войны. *Минерва русская* — Екатерина II. *Элизиум* (миф.) — обитель блаженных, рай. *Великая жена* — Екатерина II. Строфы 3-я и 4-я имеют в виду Екатерининский дворец в Царском Селе. *Льва сразив...* — Лев — герб Швеции. Имеется в виду победоносная война России со Швецией 1789—1790 гг. *Вознесся памятник...* — Чесменская колонна, воздвигнутая в честь победы русского войска в 1770 г. над турками при портовом турецком городе Чесме. *Памятник простой...* — Кагульский обелиск, воздвигнутый в честь победы русского войска над турками при реке Кагуле в 1770 г. В строфе 8-й перечислены герои русско-турецкой войны 1769—1774 гг.: граф А. Г. Орлов-Чесменский (1737—1808), под начальством которого была уничтожена эскадра турок при Чесме; граф П. А. Румянцев-Задунайский (1725—1796), разгромивший турок при Кагуле. *Перуном Зевсовым...* — молниями и громом. *Петров* — Василий Петров (1736—1799), поэт XVIII века, известный своими одами в честь побед русского оружия. *Вселенной бич* — Наполеон. Строфы, начиная с 10-й, посвящены воспоминаниям об Отечественной войне 1812 г. *Беллона* (миф.) — богиня войны. *Воитель поседельный* — М. И. Кутузов (1745—1813), главнокомандующий русской армией в 1812—1813 гг. *Вьи* — шеи. *Десница* — правая рука. *Сретают* — встречают. *Галлия* —

Франция. *Скальд* — скандинавский древний поэт-певец, воспевавший подвиги героев. *Скальд России* — В. А. Жуковский, воспевший героев войны 1812 г. в «Певце во стане русских воинов».

РОЗА

Лиля — лилия. Роза в классической поэзии — символ непрочности земного; лилия — символ утверждения жизни и отрицания смерти.

ПЕВЕЦ

Стихотворение написано под влиянием «Певца» Жуковского.

ЖЕЛАНИЕ

Стихотворение связано с увлечением Пушкина Е. П. Бакуниной

ВОЛЬНОСТЬ

По рассказам современников, ода «Вольность» была написана Пушкиным на квартире у братьев Тургеневых. Смотри из окна квартиры Тургеневых на высящийся напротив дворец Павла I (Инженерный замок), Пушкин прочел только что написанную оду присутствовавшим. В оде отразились радикальные настроения Пушкина. Это стихотворение вызвало ссылку Пушкина на юг. *Царица Цитеры* — греческая богиня красоты и любви Афродита. *Возвышенный галл* — по одному предположению, французский поэт Андре Шенье, современник Французской буржуазно-демократической революции XVIII века, по другому — французский поэт Экушар Лебрен, современник той же революции. В конце 6-й строфы Пушкин говорит о французском короле Людовике XVI, казненном 21 января 1793 г. по постановлению Конвента. *Злодейская порфира* — императорская власть Наполеона. *Галлы* — французы. *Пустынный памятник тирана* — Инженерный замок, дворец Павла I. *Клия* (миф.) — Клио, муза истории, история. *Калигула* — римский император, прославившийся особенной жестокостью и казнями. Имя Ка-

лигулы стало нарицательным. *Калигулы последний час*... — Калигулой Пушкин называет здесь Павла I. *Неверный часовой*... — В ночь убийства Павла (ночь на 11 марта 1801 г.) на часах стояли солдаты из полка, шефом которого был сын Павла Александр. *Янычары* — личная гвардия турецкого султана, прославившаяся в истории участием в дворцовых переворотах.

ДЕРЕВНЯ

При жизни Пушкина это стихотворение напечатано полностью не было и распространялось в рукописных списках. «Деревня» сыграла большую роль в пропаганде антикрепостнических идей в России. *Цирцеи* — красавицы, обольстительницы; *Цирцея* (миф.) — прекрасная богиня, очаровавшая Одиссея и превратившая при помощи волшебного напитка всех его спутников в свиней.

НЕРЕИДА

Таврида — Крым. *Нереида* — морская нимфа.

МУЗА

Цевница — свирель, дудка. *Фригийские пастухи* — пастухи фригийского племени, жившего на севере древней Греции и в древней Македонии.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Перун (миф.) — у древних славян верховный бог грома и молний. *Кудесник* — предсказатель. *Волхвы* — предсказатели. *Цареград* — Константинополь. *Тризна* — похоронный пир у древних славян-язычников.

ДЕМОН

В стихотворении изображен Александр Раевский. НЕДВИЖНЫЙ СТРАЖ ДРЕМАЛ НА ЦАРСТВЕННОМ ПОРОГЕ...

Владыка севера — Александр I. *Великий Кумир* и *Сей чудный муж* — Наполеон Бонапарт. *Боевой пе-*

рун — боевой огонь. Десница — правая рука. Внезапный гость в чертог царя предстал — Наполеон Бонапарт. Надеждой новою Германия кипела и т. д. — Имеется в виду революционное движение в Германии и Австрии, неаполитанская революция 1820 г. и испанская революция 1821—1824 гг.

К МОРЮ

Другой от нас умчался гений — Байрон.

СКАЗАЛИ РАЗ ЦАРЮ, ЧТО НАКОНЕЦ..

Эпиграмма направлена против графа М. С. Воронцова и является ответом на слова, сказанные Воронцовым Александру I при получении известия о взятии в плен и казни вождя испанской революции генерала Риго. Фердинанд — испанский король Фердинанд VII.

АКВИЛОН

Аквилон — северо-восточный ветер.

ЦЫГАНЫ

Царем когда-то сослан был полудня житель.. — Полудня житель — житель юга. Начиная с этого стиха старик-цыган рассказывает Алеко о римском поэте Овидии Назоне (43—17 гг. до н. э.), который был сослан императором Августом в город Томы, близ устья Дуная. В рассказе о печальной судьбе Овидия Пушкин иносказательно говорит о своей ссылке и возможности и для себя такой же горестной судьбы (см. умышленную модернизацию Пушкиным события: «Царем когда-то сослан был...» — римские императоры никогда не именовались царями). Кагул — река, приток Дуная. Денница — рассвет. *Где повелительные грани Стамбулу русский указал..* — Имеется в виду война России с Турцией 1806—1812 гг., закончившаяся победой России, к которой отошла по мирному договору Бессарабия. *Встречал я посреди степей..* — В годы кишиневской ссылки Пушкин неоднократно путешествовал по Бессарабии. Там он встречался с кочующими таборами цыган и, согласно легендарным свидетельствам,

в 1821 г., повстречав цыганский табор, присоединился к нему и некоторое время с ним путешествовал. Эпизод поэмы «Цыганы» подсказывает возможности автобиографических истолкований материала поэмы. Однако существующие сведения о том, что в основу поэмы положены автобиографические факты, недоуверены.

EX UNGUE LEONEM

Эпиграмма направлена против А. И. Измайлова, издателя журнала «Благонамеренный», написавшего, что его «напугало, что у господина сочинителя [Пушкина] есть когти», и намекавшего этим на длинный ноготь, который Пушкин носил на мизинце. *Я по ушам узнал... — По ушам узнают осла.*

ВАКХИЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Вакхическая песня — песня в честь бога вина, веселья и винограда Вакха (Диониса). *Вакхальны* (вакхальные) — иступленно жизнерадостные.

ЖЕНИХ

Переработка прозаической сказки братьев Гримм «Разбойник-жених».

ВЕРТОГРАД МОЕЙ СЕСТРЫ...

Вертоград — сад, виноградник. *Нард* — восточное растение, из которого добывается ароматическое вещество. *Алой* или *алоз* — африканское растение из семейства лилейных. *Киннамон* — корица.

19 ОКТЯБРЯ

Написано в ссылке, в Михайловском, и посвящено лицейской годовщине 19 октября 1825 г. 19 октября 1811 г. был открыт Царскосельский лицей, и воспитанники, поступившие в этом году, ежегодно собирались 19 октября праздновать очередную годовщину своего поступления в лицей. В 4-й строфе Пушкин говорит о композиторе Н. А. Корсакове, умершем в 1820 г. в Италии. В 5-й строфе — о Ф. Ф. Матюшкине, который по окончании лицея по-

ступил во флот и отправился в кругосветное путешествие. Последние слова взяты им из припева торжественной песни, сочиненной Дельвигом по случаю окончания лица. В строфах 9-й, 10-й и 11-й Пушкин вспоминает о своих встречах с посетившими его в 1825 г. лицейскими товарищами А. А. Дельвигом и И. И. Пушиным и о своей встрече в Пскове с товарищем по лицу А. М. Горчаковым в сентябре 1825 г. *Фортуна* — судьба. *Пермесские девы* — музы. *Вильгельм* — В. К. Кюхельбекер.

СЦЕНА ИЗ «ФАУСТА»

Сцена из «Фауста» — самостоятельное произведение, близкое к идеям и настроениям второй части «Фауста» Гёте.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Моя старушка — няня Пушкина Арина Родионовна (1758—1828).

ПРОРОК

Пушкин воспользовался библейским образом (пророк) для аллегии: поэт — пророк. Характерно, что первоначально он напечатал это стихотворение в журнале под заглавием «Поэт». *Серафим* — название одного из высших ангельских чинов. Серафимы обыкновенно изображаются шестикрылыми. *Зеница* — зрачок, глаз. *Горний* — вышний. *Десница* — правая рука. *Глагол* — слово, речь.

ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ СТРАНЫ СВОЕЙ РОДНОЙ...

Стихи написаны на смерть Амалии Ризнич, в которую Пушкин был влюблен в дни своей жизни в Одессе. Она умерла в 1825 г. от чахотки в Италии (она была полуитальянка по происхождению — отсюда: *страны родной*). *Пени* — от пеня: жалоба, сетование, укор.

И. И. ПУЩИНУ

В январе 1825 г. И. И. Пушин приехал к Пушкину в Михайловское. *Да озарит он заточенье...* — Декабрист Пушин был в 1826 г. осужден и сослан в Сибирь.

В СИБИРЬ

Послание это Пушкин переслал в Сибирь декабристам в начале 1827 г. На это послание отвечал стихами поэт-декабрист Александр Одоевский («Струн вещей пламенные звуки...»).

СТАНСЫ

В этом стихотворении Пушкин указывает Николаю I на Петра I как на пример для подражания, рекомендуя и Николаю также повести Россию путем преобразований. *От буйного стрельца...* — Имеются в виду стрелецкие бунты, происходившие в начале царствования Петра I, которые были подавлены с большою жестокостью. В последней строфе Пушкин просит амнистировать осужденных декабристов.

АРИОН

Арион — древнегреческий поэт и музыкант, живший в VII в. до н. э. О нем была сложена легенда, что, выброшенный в море разбойниками, он был спасен очарованным его пением дельфином. Под погибшими спутниками Пушкин понимает своих друзей-декабристов.

ТРИ КЛЮЧА

Кастальский ключ — источник на горе Парнасе в Греции, посвященный Аполлону и музам. В переносном смысле — источник вдохновения.

ПОЭТ

Глагол — слово, речь.

19 ОКТЯБРЯ

Написано на лицейскую годовщину 1827 г. *И в мрачных пропастях земли...* — Здесь Пушкин посылает привет своим друзьям-декабристам, работавшим на каторге, в рудниках, — В. Кюхельбекеру и

И. И. Пущину. За это стихотворение Пушкину было сделано правительственное «внушение».

ТАЛИСМАН

Талисман — золотой перстень с восьмиугольной сердоликовой печаткой, подаренный Пушкину женой М. С. Воронцова Е. К. Воронцовой.

ПОДРУГА ДНЕЙ МОИХ СУРОВЫХ...

Стихи обращены к няне Пушкина Арине Родионовне.

ЧЕРНЬ

Бельведерский кумир — знаменитая статуя Аполлона в Бельведерском дворце в Ватикане.

ВОСПОМИНАНИЕ

Стогны — площади. *Бденье* — бодрствование. *Вакх* (миф.) — бог вина и веселья. *Киприда* (миф.) — богиня любви и красоты.

ВОРОН К ВОРОНУ ЛЕТИТ...

Перевод народной шотландской песни из сборника шотландских песен, изданного Вальтер Скоттом.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

Пушкин ожидал в это время политического преследования в связи со следствием против него, возбужденным по поводу его «Гавриилиады» и так называемых стихов на 14 декабря. В литературе указывалось, что это стихотворение, видимо, посвящено А. А. Олениной.

ГОРОД ПЫШНЫЙ, ГОРОД БЕДНЫЙ...

Город — Петербург. В последней строфе Пушкин имеет в виду А. А. Оленину, которой он в это время был увлечен.

ДАР НАПРАСНЫЙ, ДАР СЛУЧАЙНЫЙ...

26 мая — день рождения Пушкина.

ПОРТРЕТ

Написано о графине А. Ф. Закревской.

В ПРОХЛАДЕ СЛАДОСТНОЙ ФОНТАНОВ...

Поэт той чудной стороны — грузинский поэт Шота Руставели, автор поэмы «Витязь в барсовой шкуре». *Гурии* — в магометанской религии красавицы, которыми населен рай.

НА ХОЛМАХ ГРУЗИИ ЛЕЖИТ НОЧНАЯ МГЛА...

Арагва — река, приток Куры.

ЭХО

Стихотворение представляет собой самостоятельную разработку темы стихотворения Барри Корнуолла «Прибрежное эхо».

ДЕЛИБАШ

Делибаш — у турок начальник конного отряда, буквально: удалец, сорви-голова. *Лава* — особый строй казачьей сотни во время атаки, при котором отряд строится в дугообразную шеренгу.

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ

Чума. — Во времена Пушкина чумой называли холеру. *Яр* — известный московский ресторан. *Мясницкая* — улица в Москве (ныне улица Кирова).

КАВКАЗ

Арагва — приток Куры.

ОБВАЛ

Эол (миф.) — бог ветров.

ДОН

Арпачай — река на границе России и Турции.

К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

Стихотворение — надпись к бюсту Александра I работы Торвальдсена. *Арлекин* — здесь в смысле: актер, лицемер.

КАК САТИРОЙ БЕЗЫМЯННОЙ...

Эпиграмма направлена против критика Н. И. Надеждина.

САПОЖНИК

Эпиграмма направлена против критика Н. И. Надеждина. *Апеллес* — греческий художник, живший в IV в. до н. э.

ЖИЛ НА СВЕТЕ РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ...

Романс этот Пушкин включил в «Сцены из рыцарских времен». Он был написан Пушкиным еще в 1829 г. и первоначально представлял собой ироническое стихотворение, кончавшееся кощунственными стихами:

Возвратясь в свой замок дальний,
Жил он будто заключен,
И влюбленный и печальный
Без причастья умер он.

Как с кончиной он сражался,
Бес лукавый подоспел,
Душу рыцаря собирался
Утащить он в свой предел.

Он-де богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Целый век-де волочился
Он за матушкой Христа.

Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

Для «Сцен из рыцарских времен» Пушкин переделал романс, придав ему совершенно иной, романтический смысл. Романс этот оказал огромное влияние на романтическую философию ряда крупнейших русских писателей и поэтов: Достоевского, Блока и др.

ЗИМНЕЕ УТРО

Аврора (миф.) — богиня зари.

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЕМ?..

Написано в альбом Каролины Собаньской в ответ на ее просьбу вписать в альбом свое имя.

ПОДЪЕЗЖАЯ ПОД ИЖОРЫ...

Посвящено Е. К. Вельяшевой. *Ижоры* — последняя станция на почтовой дороге из Москвы в Петербург.

СОНЕТ

Творец Макбета — Шекспир. *Таврида* — Крым. *Певец Литвы* — Адам Мицкевич.

ПЬЮ ЗА ЗДРАВИЕ МЕРИ...

Подражание стихотворению Барри Корнуола. Первая строка этого стихотворения взята Пушкиным как эпиграф.

МАДОНА

Сион — гора около Иерусалима, в библии — также и местопребывание бога, райская гора. Стихотворение обращено, вероятно, к Н. Н. Гончаровой, невесте Пушкина.

СТАМБУЛ ГЯУРЫ НЫНЧЕ СЛАВЯТ...

Первая часть этого стихотворения до слов «Алла велик» была вставлена Пушкиным в «Путешествие в Арзрум». *Пророк* — Магомет. *Запад* — разумеются европейские нравы и просвещение. *Харем* — гарем.

Гонимый янычар... — 14 июня 1826 г. в Константинополе произошло восстание янычар, привилегированной гвардии султана. Султан Махмуд подавил это восстание с необычайной свирепостью, уничтожив весь корпус янычар.

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Написано о статуе «Девушка с кувшином» работы Соколова в Царском Селе (ныне г. Пушкин).

румяный критик мой, насмешник толстопузый...

Борей — северный ветер. *Индийская зараза* — холера. В 1830 г. в России свирепствовала сильная эпидемия холеры, и вся страна была покрыта карантинами.

ДЛЯ БЕРЕГОВ ОТЧИЗНЫ ДАЛЬНОЙ...

Стихи посвящены памяти Амалии Ризнич. См. также «Под небом голубым страны своей родной...»

ОТРОК

Отрок — М. В. Ломоносов.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ

Парки (миф.) — три старухи, прядущие нити человеческой жизни.

НА ПЕРЕВОД «ИЛИАДЫ»

Написано на вышедший в 1829 г. перевод «Илиады» Гомера, сделанный Н. И. Гнедичем.

<ПОСВЯЩЕНИЕ ИЗ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»>

«Евгений Онегин» был посвящен П. А. Плетневу.

ТРУД

Этим стихотворением Пушкин отметил окончание своей работы над «Евгением Онегиным». *Аврора* (миф.) — богиня зари, заря. *Пенаты* (миф.) — боги домашнего очага, души предков.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

«Моя родословная», как нам удалось установить, подражание и отчасти переработка стихотворения французского поэта Беранже «Vilain». Стихотворение является ответом на пасквильную статью Ф. Булгарина, в которой он писал, что Пушкин «хвалится своим происхождением от негра Аннибала, которого продали в Кронштадте за бутылку рома!»

В «Моей родословной» Пушкин противопоставляет себя новой знати, подчеркивая бунтарский и независимый характер своих предков. В 1-й — 3-й строфах Пушкин смеется над карьерой новой русской аристократии: *лейб-кучер* — кучер Александра I И. Байков, получивший дворянство; *ассессор* — гражданский чин; *по кресту не дворянин* — чиновник, награжденный крестом Владимира 4-й степени, получал вместе с орденом и личное дворянство; *не торговал мой дед блинами* — фаворит Петра I А. Д. Меншиков, в детстве торговавший блинами; *не ваксил царских сапогов* — камердинер Павла I И. П. Кутайсов, сделавшийся при Павле крупнейшим вельможей; *не пел с придворными дьячками* — А. Г. Разумовский, морганатический, то есть тайный, муж императрицы Елизаветы Петровны, был в детстве деревенским пастухом, а затем придворным певчим; *в князя не прыгал из хохлов* — украинец А. А. Безбородко, вельможа, сделавший карьеру при Екатерине II. *Радша* или *Рача* — легендарный предок рода Пушкиных, приехавший в Новгород при великом князе Александре Невском. *Нижегородский мещанин* — Минин. *Страдальца сын* — царь Михаил, сын митрополита Филарета, долгое время протомившегося в плену у поляков. *В Мещанской дворянин...* — Мещанская улица в Петербурге, где во времена Пушкина были кабаки и притоны. Слово «мещанин» во всем этом произведении упреждается в ироническом смысле и служит заменой понятия «простолюдин», то есть обыкновенный человек. Так тема собственного аристократизма у Пушкина обращается в тему защиты человеческого достоинства, проникается не сословным, а общечеловеческим содержанием.

ЧЕМ ЧАЩЕ ПРАЗДНУЕТ ЛИЦЕЙ...

Написано на лицейскую годовщину 1831 г. *Шесть мест упраздненных стоят...* — о шести умерших лицейских товарищах: Ржевском, Корсакове, Костенском, Саврасове, Дельвиге и Есакове.

БОГ ВЕСЕЛЫЙ ВИНОГРАДА...

Грации (миф.) — три сестры, богини красоты, спутницы Афродиты. *Морфей* (миф.) — бог сна.

МАЛЬЧИКУ

Пьяной горечью Фалерна... — Фалерно славилось своим вином. *Бахус* (миф.) — Вакх (Дионис), бог вина и виноградарства в древней Греции.

КРАСАВИЦА

Написано в альбом графине Е. М. Завадовской (1807—1874).

ГУСАР

Переработка украинской народной сказки.

ОСЕНЬ

Армида — героиня поэмы «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо, волшебница, владелица очарованного сада, заманивавшая и увлекавшая героев; в переносном смысле — кокетливая красавица, обольстительница.

БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ

Литвин — литовец. *Бердыш* (польск.) — старинное холодное оружие, топор с закругленным в виде полумесяца лезвием.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Переработка прозаической сказки братьев Гримм. *Кичка* — старинный праздничный головной убор замужней женщины. *Чупрун* — вихор.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Стоял он дум великих полн — он — Петр I. *Поконный царь* — Александр I. Стихи о Хвостове имеют издевательский смысл. *Потешных Марсовых полей...* — На Марсовом поле в Петербурге происходили парады гвардии. *Петрополь* (греч.) — град Петра. *Тритон* (миф.) — морское божество, сын бога морей Посейдона. *Стогны* — площади.

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

В сюжете сказки Пушкин использовал рассказ американского писателя Вашингтона Ирвинга. В сказке содержатся политические намеки на столкновения Пушкина и Николая I.

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН

В 1827 г. в Париже вышла книга под названием «*La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croitie et l'Herzégovine*» («Гузла, или сборник иллирийской поэзии, собранный в Далмации, Боснии, Кроатии и Герцеговине»). Автором этой книги на самом деле был французский писатель Мериме, выдавший свои подражания славянской поэзии за переводы. При своем появлении сборник не вызвал никаких сомнений в его подлинности. Пушкин перевел из сборника одиннадцать стихотворений, присоединил к ним еще пять и объединил их под заглавием: «Песни западных славян». «Похоронная песня из Иакинфа Маглановича», «Вурдалак» и «Конь» — переводы из Мериме. Источник «Песни о Георгии Черном» не найден.

< ИЗ АНАКРЕОНА. ОДА LV >

Парфяне — жители Парфии, великого древнего государства, столица которого находилась в Крыму.

<ИЗ АНАКРЕОНА. ОДА I.VI>

Парка (миф.) — одна из трех старух, прядущих нити человеческой жизни. *Тартар* (миф.) — подземное царство мертвых, ад.

ПОЛКОВОДЕЦ

Полководец — Барклай-де-Толли. У русского царя в чертогах есть палата... — Имеется в виду военная галерея Зимнего дворца, в стены которой вделаны портреты военных деятелей войны 1812 г.; эти портреты писаны художником Доу.

ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО

Отъятый край у шведа — устье Невы. *Брантов бот* — «дедушка русского флота» английский бот, который, по приказу Петра I, был исправлен и оснащен голландским мастером Брантом, после чего торжественно был приведен в Петербург. *Великана исполина чернобровая жена* — Екатерина I. Стихотворение является попыткой ходатайства за декабристов в связи с наступившим десятилетием со дня восстания.

ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ...

Пушкин посетил Михайловское в 1835 г. и провел там около месяца (часть сентября и октября).

ПОЭТ ИДЕТ: ОТКРЫТЫ ВЕЖДЫ...

Стихотворение это читает итальянец-импровизатор во второй главе «Египетских ночей» Пушкина.

ХУДОЖНИКУ

Стихотворение обращено к скульптору Б. И. Орловскому (1792—1833). *Зевс* (миф.) — отец богов, верховный бог у древних греков. *Сатир* (миф.) — лесное божество, изображавшееся с бородой, покрытое козлиной шерстью и с козлиными ногами. *Цевница* — свирель. *Барклай* — Барклай-де-Толли. *Кутузов* — М. И. Голенищев-Кутузов. *Аполлон* (миф) — бог света и искусств у древних греков. *Ниобея* (миф.) — мать шести сыновей и дочерей; в наказа-

ние за то, что она чрезмерно гордилась своими детьми, боги умертвили их всех у нее на глазах.

МИРСКАЯ ВЛАСТЬ

Стихотворение написано по поводу того, что на выставке картины К. П. Брюллова «Распятие» около картины ввиду больших скоплений публики поставлены были часовые.

ИЗ ПИНДЕМОНТИ

Указание на источник (*Ипполит Пиндемонти* (1753—1828) — итальянский поэт) сделано для того, чтобы ослабить внимание цензуры. Стихотворение является оригинальным произведением Пушкина, а не переводом.

БЫЛА ПОРА: НАШ ПРАЗДНИК МОЛОДОЙ...

Написано на лицейскую годовщину 1836 г. Стихотворение осталось незаконченным. На этой годовщине, как рассказывают ее участники, Пушкин «начал читать стихи на 25-летие лицей, но от волнения не сумел дочитать их до конца». *А. П. Куницын* (1783—1841) преподавал в лицее «нравственные и политические науки». Он выступил на открытии лицей с либеральной речью. *Агамемнон* — в «Илиаде» Гомера верховный вождь греческих дружин, осаждавших Троию. *Наш Агамемнон* — Александр I.

ПОРА, МОЙ ДРУГ, ПОРА! ПОКОЯ СЕРДЦЕ ПРОСИТ...

Стихотворение обращено к жене.

Я ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ НЕРУКОТВОРНЫЙ...

Источником стихотворения послужила знаменитая ода Горация «К Мельпомене», которой подражал до Пушкина Державин в своем «Памятнике» (см. в нашей «Антологии», т. I, стр. 143). Эпиграф к стихотворению взят из той же оды Горация «К Мельпомене». *Александрийский столп* — знаменитый в древности Александрийский маяк. В литературе о Пушкине распространено мнение, что Пушкин, говоря об

Александрийском столпе, имел в виду Александровскую колонну против Зимнего дворца в Петербурге, памятник Александру I. Первоначально пушкинский «Памятник» имел другую редакцию 4-й строфы:

И долго буду тем любезен я народу,
 Что звуки новые для песен я обрел,
 Что вслед Радищеву восславил я свободу
 И милосердие воспел.

ДЕЛЬВИГ

ПУШКИНУ

Авзония — поэтическое название Италии. *Арей* (миф.) — бог войны. *Ланиты* — щеки. *Паллада* (миф.) — древнегреческая богиня мудрости Афина Паллада. *Аполлон* (миф.) — бог света и искусств. *Олимп* — гора в Греции; древние греки считали ее местом жительства богов.

К МАЛЬЧИКУ

Бахус (миф.) — бог вина и веселья Вакх (Дионис).

ЭПИТАФИЯ

Стихотворение представляет собой автоэпитафию.

ПОДРАЖАНИЕ БЕРАНЖЕ

Саваоф — одно из наименований бога. *Пигмеи* — карлики. *Буффоны* — шуты. *И. Ф. Гладкий* — петербургский обер-полицмейстер в 1820-е гг.

РОМАНС («ТОЛЬКО УЗНАЛ Я ТЕБЯ...»)

Подражание немецкой песне, переведенной В. А. Жуковским («К ней»).

ВДОХНОВЕНИЕ

Пиит — поэтический синоним слова «поэт».

Н. М. ЯЗЫКОВУ

Парнас — горный хребет в Греции, в древности посвященный Аполлону и музам, синоним поэзии и искусств. *Амур* (миф.) — бог любви. *Камена* (миф.) — муза. *Певец Пиров* — Е. А. Баратынский, автор поэмы «Пиры».

РОМАНС («ДРУЗЬЯ! ДРУЗЬЯ! Я НЕСТОР МЕЖДУ ВАМИ...»)

Нестор — старейший. *Мелецкий* — поэт конца XVIII в. Ю. А. Нелединский-Мелецкий, автор сентиментальных любовных романсов, подражавший народным песням.

РУССКАЯ ПЕСНЯ («СОЛОВЕЙ МОЙ, СОЛОВЕЙ. .»)

По свидетельству современника, *Дельвиг* под «соловьем» подразумевал уехавшего на юг в ссылку А. С. Пушкина.

ИДИЛЛИЯ

Эрот (миф.) — бог любви. *Нимфы* — мифические существа. По верованиям древних греков, существовали орады, или нимфы гор, наяды, nereиды и океаниды — нимфы рек, морей и океанов, и дриады — нимфы лесов.

СМЕРТЬ, ДУШИ УСПОКОЕНЫЕ!.

Вакх (миф.) — бог вина и веселья.**БАРАТЫНСКИЙ**

ДЕЛЬВИГУ

Гораций (65—8 гг. до н. э.) — знаменитый римский поэт. Баратынский называет Горацием Дельвига. *Грации* (миф.) — богини красоты. *Сын милый Венеры* — Амур, бог любви. *Пафос* — греческий город и *Цитера* — греческий остров, где особенно был распространен культ богини любви Афродиты (Венеры). *Лавр* (лавровый венок) — символ славы. *Мирт* (миртовый венок) — носился древними во время празднеств и пиршеств; мирт считался посвященным

Афродите (Венере) и служил эмблемой любви. *Кивер* — военный головной убор. *Марс* (миф.) — бог войны. *Пинд* — горная цепь в древней Греции, в состав которой входили Геликон и Парнас служившие, по мифологии, местопребыванием Аполлона и муз. *Развод* — церемония смены военного караула. *Пииты* — поэты. *Камены* (миф.) — музы *Хариты* (миф.) — богини красоты (то же, что Грации). *Аониды* (миф.) — музы.

ФИНЛЯНДИЯ

Зерцало — зеркало. *Один* — высшее божество скандинавской мифологии. *Скальд* — в скандинавских странах древний народный поэт, воспевавший подвиги богов и героев.

ОТЪЕЗД

Феб (миф.) — бог света, солнца, поэзии, музыки, искусства.

РАЗЛУКА

Подражание французскому поэту Парни (1753—1814).

ВОДОПАД

Аквилон — древнеримское название северного или северо-восточного холодного ветра.

ЛЁТА

Перевод стихотворения французского поэта Мильвуа (1782—1816) *Лёта* (миф.) — река забвения в подземном царстве мертвых. *Элизей* (миф.) — царство мертвых.

ДВЕ ДОЛИ

Часть — здесь в смысле: участь, доля, жребий, удел. *Волхв* — по-древнеславянски мудрец, обладающий даром предсказания.

ИСТИНА

Рек — сказал.

ЗВЕЗДА

Очеса — очи, глаза.

ПЕСНЯ

Денница — утренняя заря. *Эфир* — воздух.

ДЕВУШКЕ, ИМЯ КОТОРОЙ БЫЛО АВРОРА

Обращено к Авроре Шернваль (1808—1902). *Аврора* (миф.) — утренняя заря.

ЭЛИЗИЙСКИЕ ПОЛЯ

Элизийские поля (*Элизей*) (миф.) — царство мертвых. *Киприда* (миф.) — богиня любви. *Аид* (миф.) — подземное царство, жилище теней умерших. *Дафна* и *Темира* — условные женские имена, часто встречающиеся в элегической поэзии начала XIX в. *Закоцитная сторона* — то есть лежащая за *Коцитом* (миф.), одной из рек, окружающих подземное царство мертвых. *Катулл* (около 87—55 гг. до н. э.) — знаменитый римский поэт. *Парни* (1753—1814) — французский поэт. *Орковы поля* (миф.) — подземное царство мертвых. *Вакх* (миф.) — бог вина и веселья. *Зевес* — главное божество греческой мифологии. *Аидес* — то же, что *Аид*, подземное царство мертвых.

ПИРЫ

Соломон — древнееврейский царь (царствовал с 1020 по 980 г. до н. э.), прозванный «Мудрым»; ему приписывается выражение: «Все в мире суета сует и томление духа». *Ком* (миф.) — бог веселого пира. *Десерт* — фрукты или сладости, подзаваемые в конце обеда. *Аи* — марка шампанского. *Анахорет* — отшельник, пустынный, вообще нелюдим.

А. А. ВОЕЙКОВОЙ

Воейкова Александра Андреевна (1797—1829) — жена журналиста и поэта А. Ф. Воейкова, воспетая В. А. Жуковским под именем *Светланы*.

НАЯДА

Наяда (миф.) — речная нимфа, полубожество, олицетворявшее живые силы природы.

к *** («НЕ БОЙСЯ ЕДКИХ ОСУЖДЕНИЙ...»)

Обращено, вероятно, к знаменитому польскому поэту Адаму Мицкевичу (1798—1855), жившему в 1825—1829 гг. в Москве. *Камена* (миф.) — муза. *Лавровый венок* — символ славы. *Пегас* (миф.) — крылатый конь, служивший музам; один из символов поэтического вдохновения.

СТАНСЫ

Стихотворение это было написано Баратынским после освобождения от солдатчины, когда он с женой и новорожденной дочерью приехал в свое тамбовское имение Мару, где родился и вырос. *Далече бедствуют иные, и в мире нет уже других...* — о сосланных и казненных декабристах.

СМЕРТЬ

Дщерь — дочь. *Ополчу* — вооружу. *Олива* (оливковая ветвь) — символ мира и покоя. *Согласье прям его лия...* — Слово «прям» — дательный падеж множественного числа от слова «пря» (распря). *Вспячь* — обратно.

НЕ ПОДРАЖАЙ: СВОЕОБРАЗЕН ГЕНИЙ...

Стихотворение было написано, вероятно, по поводу поэмы польского поэта Адама Мицкевича (1798—1855) «Конрад Валленрод», созданной под заметным влиянием Байрона. *Дорат* (Дорá) *Жозеф* (1734—1780) — мелкий французский поэт. *Шекспир Вильям* (1564—1616) — величайший английский поэт-драматург. *Израиль* (по-древнееврейски: «борец с богом») — имя, данное легендарному прародителю еврейского народа Иакову после его борьбы с богом, описанной в библии (отсюда у Баратынского: «Да не творит себе кумира он!»)

ПОДРАЖАТЕЛЯМ

Стихотворение направлено против мелких поэтов, беззастенчиво подражавших Пушкину, Жуковскому, самому Баратынскому и др. *Лепта* — милостыня, подающая.

К. А. СВЕРБЕЕВОЙ

Стихотворение было написано по поводу отъезда Е. А. Свербеевой (ум. в 1892 г.) за границу.

НА СМЕРТЬ ГЁТЕ

Гёте Иоганн-Вольфганг (1749—1832) — величайший поэт Германии. *Зане́* — потому что, так как.

НАСЛАЖДАЙТЕСЬ: ВСЁ ПРОХОДИТ!.

Криле — крылья.

СВОЕНРАВНОЕ ПРОЗВАНЬЕ...

Стихотворение обращено к жене поэта.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЭТ

Эллада — Греция. *Понт* — море. *Омир* — Гомер. *Кастальский ключ* (миф.) — источник поэтического вдохновения на Парнасе. *Уrania* (миф.) — муза астрономии. *Эол* (миф.) — бог ветров, повелитель бурь. *Афродита* (миф.) — богиня любви и красоты. *Очеса* — очи, глаза. *Персты* — пальцы. *Вертеп* — пещера. *Аполлон* (миф.) — бог света и солнца. *Скала Левкада, Сафо и Фаон*. — Греческая поэтесса Сафо, жившая в конце VII и первой половине VI в. до н. э.; по преданию, влюбившись в прекрасного юношу Фаона, не отвечавшего ей взаимностью, бросилась в море с Левкадской скалы. *Питомец Аполлона* — поэт.

БОКАЛ

Аи — марка шампанского.

ОСЕНЬ

Зерцало — зеркало. *Эол* (миф.) — бог ветров, победитель бурь. *Оратай* — пахарь. *Стезя* — путь. *Класы* — колосья.

РИФМА

Олимпийские игры — древнейшие и наиболее торжественные из национальных празднеств в древней Греции, устраивавшиеся ежегодно в отведенной для

этой цели местности Олимпии и состоявшие из религиозных обрядов и состязаний гимнастов, поэтов и певцов *Стены* — площади. *Музыкальный* — музыкальный. *Метр* — стихотворный размер. *Амвон* — возвышение со ступеньками. *Фортуна* — счастье. *Вития* — оратор, искусный говорун. *Глагол* — слово, речь. *Форум* — центральная площадь в древнеримских городах, место средоточия общественной и политической жизни города. *Подобно голубю ковчега...* — По библейскому преданию о всемирном потопе, праведник Ной, спасшийся со своим семейством от потопа, выпустил из ковчега голубя. Когда голубь вернулся к нему с масличным листом в клюве, Ной узнал, что вода сошла с земли.

ЧТО ЗА ЗВУКИ? МИМОХОДОМ...

Камена (миф.) — муза. *Горний* — небесный, вышний. *Клир* — хор.

СКУЛЬПТОР

В основу стихотворения положена древнегреческая легенда о скульпторе Пигмалионе, влюбившемся в созданную им статую морской нимфы Галаген. Богиня любви Афродита оживила статую, и она стала женой Пигмалиона.

ЛЮБЛЮ Я ВАС, БОГИНИ ПЕНЬЯ!..

Камены (миф.) — музы. *Фортуна* (миф.) — богиня судьбы. *Персты* — пальцы. *Перуны* — громы и молнии.

СПАСИБО ЗЛОБЕ ХЛОПОТЛИВОЙ...

Летийские струи — струи Леты, по мифологии — реки забвения в подземном царстве мертвых. *Боготизбранный еврей* — Иисус Навин, по библейскому преданию остановивший солнце. *Флакк* — Квинт Гораций Флакк (65—8 гг. до н. э.) — знаменитый римский поэт.

НА ПОСЕВ ЛЕСА

Вежды — глаза. *Пиит* — поэт.

КОГДА ТВОЙ ГОЛОС, О ПОЭТ...

Аонида (миф.) — муза. *Зоил* — завистливый, язвительный и мелочный критик (по имени Зоила, греческого оратора, философа и критика, жившего в IV—III вв. до н. э.).

ПИРОСКАФ

Пироскаф — пароход. *Марсель* — французский порт на Средиземном море. *Длани* — руки. *Днесь* — сегодня, нынче. *Фетида* (миф.) — старшая из морских нимф — nereид. *Ливурна* — Ливорно, итальянский город на Средиземном море. *Емлет* — берёт. *Элизий* — здесь в смысле: рай.

КОЗЛОВ

ПЛЕННЫЙ ГРЕК В ТЕМНИЦЕ

В стихотворении говорится о вожде греческой революции Александре Ипсиланти, бежавшем в Австрию и заключенном там в тюрьму.

ВЕНЕЦИАНСКАЯ НОЧЬ

Брента — река, в устье которой расположена Венеция. *Торквата* — Торквато Тассо, великий итальянский поэт, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим», написанной октавами. *Баркарола* — венецианская песнь гондольеров с медленным, плавным ритмом. *Красавица младая* — сестра герцога Феррары, в которую был влюблен Торквато Тассо. *Перси* — грудь.

НА ПОГРЕБЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО ГЕНЕРАЛА СИРА ДЖОНА МУРА

Английский генерал Джон Мур был убит в сражении с войсками наполеоновской Франции в 1809 г., в Португалии.

РОМАНС ДЕЗДЕМОНЫ

Перевод знаменитого романа из трагедии «Отелло» Шекспира.

ЯЗЫКОВ

ПЕСНЬ БАРДА

В первой части стихотворения имеются в виду походы русских князей против греков: Олега на Царьград, Владимира на Корсунь и др. Во второй части стихотворения Языков, конечно, имел в виду свое время; сделанное в заглавии указание на эпоху татарского ига носило защитный характер в силу тогдашних цензурных условий. *Бард* — певец, песнопевец. *Баяны* — поэты, певцы и музыканты в древней Руси. *Персты* — пальцы. *Длани* — руки. *Вотще* — напрасно. *Железы* — оковы.

ЧУЖБИНА

Стихотворение было написано Языковым на чужбине, в Дерпте.

ПЕСНЯ (*МЫ ЛЮБИМ ШУМНЫЕ ПИРЫ...*)

Наш Август — Александр I. (Август — первый римский император, в переносном смысле — вообще государь.)

МУЗА

Длань — рука.

ЭЛЕГИЯ (*СВОБОДЫ ГОРДОЙ ВДОХНОВЕНЬЕ!..*)

Вья — шея.

ЭЛЕГИЯ (*ЕЩЕ МОЛЧИТ ГРОЗА НАРОДА...*)

Рамена — плечи.

РОДИНА

Меченосцы — немецкий рыцарский орден, основанный в покоренной немцами Ливонии в 1202 г. для насильственного обращения местного населения в христианство и для укрепления в стране господства немецкого рыцарства. В 1561 г. орден меченосцев прекратил свое существование.

ЭЛЕГИИ

Камена (миф.) — муза.

ГЕНИЙ

Елисей — один из библейских пророков, по библейскому преданию бывший единственным очевидцем «вознесения на небо» своего учителя — пророка Илии.

ДВЕ КАРТИНЫ

Мрежи — сети.

А. С. ПУШКИНУ

Стихотворение было написано Языковым вскоре после его возвращения из имения Тригорское (Псковской губернии), где он впервые встретился с Пушкиным. Пушкин ответил на эти стихи посланием «Языков, кто тебе внушил твое посланье удалое?..» *Плоды сладостной Мессины* — апельсины и лимоны (Мессина — область и город на острове Сицилия, в Италии). *Геба* (миф.) — богиня вечной юности, служительница старших богов; она разливала богам священный напиток нектар. Под «нашей Гебой» имеется в виду одна из девушек, живших в Тригорском, — Евпраксия Вульф, варившая для Пушкина и Языкова жженку. *Вече* — народное собрание, которому принадлежала верховная власть в древних русских городах (Новгороде, Пскове). *Хвостов Д. И., гр.* (1757—1835) — бездарный поэт, жестоко осмеянный современниками. *Москва... приготовляет торжества...* — о предстоявшей в Москве коронации Николая I. *Скрижаль вдохновений* — по объяснению самого Языкова, аспидная доска, на которой он писал стихи. *Сороть* — река, на берегу которой расположено Тригорское.

ТРИГОРСКОЕ

Осипова П. А. (1781—1859) — владелица имения Тригорское, соседка и приятельница Пушкина. *Куда великая Ганза...* — Имеется в виду торговля древних русских городов Новгорода и Пскова с Ганзейским союзом — объединением немецких торговых городов (Любека, Гамбурга, Бремена и др.), сложившимся в XIII—XIV вв. *Пока московская гроза не пересиливала вече...* — о разгроме вольного Новгорода москов-

ским самодержавием при Иване III. Когда ливонски знамена... — о военном столкновении новгородцев и псковичей с ливонскими рыцарями (меченосцами) в XIII в. Стефан — польский король Стефан Баторий, в 1581—1582 гг. предпринимавший завоевательные походы на Псков, которые кончились для него неудачей. Приют свободного поэта... — очевидно, имеется в виду расположенное возле Тригорского сельцо Михайловское, где жил Пушкин в годы ссылки. Богини кастальских берегов — музы. Камена (миф.) — муза. Денница — утренняя заря. Певец Руслана и Людмилы — А. С. Пушкин. Жилище граций — дом в Тригорском, где проживали приятельницы Пушкина и Языкова — девицы Вульф и Осиповы. Эвтерпа (миф.) — муза музыки и пения. Говоря о «дарах Эвтерпы», Языков вспоминал об игре на рояле девиц Вульф и Осиповых. Персты — пальцы. Лёта (миф.) — река забвения в подземном царстве.

К няне А. С. ПУШКИНА

С няней Пушкина, Ариной Родионовной, Языков познакомился во время своего пребывания в Тригорском и Михайловском. Град профессоров и скуки — Дерпт. Камена (миф.) — муза. Изгнанник-поэт — Пушкин. Ареевых наук питомец молодой... — А. Н. Вульф (1805—1881), приятель Языкова и Пушкина. Выйдя из университета в 1826 г., Вульф решил посвятить себя военной службе. Арей (миф.) — бог войны. Брашна — кушанья.

ВОДОПАД

Крутояры — крутой скат. Ниагара — величайший водопад в Северной Америке.

НА СМЕРТЬ няни А. С. ПУШКИНА

Во 2-й строфе описано село Михайловское, где жил Пушкин в годы ссылки. В 4-й строфе дано точное описание комнаты в доме, где жил Пушкин. Нас... было трое... — Имеются в виду Пушкин, Языков и А. Н. Вульф (см. о нем выше — примечание к

стихотворению «К няне А. С. Пушкина»). *Брашна* — кушанья. *Токай* — венгерское вино. *Коловратно* — изменчиво, ненадежно.

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ СХХХVI

Тема этого библейского псалма переосмыслена Языковым в революционном плане. В псалме речь идет о разгроме Иудейского царства вавилонянами (в 586 г. до н. э.) и уводе евреев в вавилонский плен. Подражание Языкова воспринималось современниками как намек на русскую действительность 1820-х гг. *Тимпан* — древний музыкальный инструмент вроде бубна. *Сион* — гора в Иерусалиме, на которой была расположена крепость иудейских царей; здесь — вообще Иерусалим, Иудейское царство. *Сыны Эдома* — иудеи. *Поженем* — уничтожим, сгубим. *Десница* — правая рука. *Израиль* — здесь вообще иудеи. *Сторицей* — во сто раз больше.

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ

Стихотворение обращено к известной в свое время в Москве исполнительнице цыганских песен, цыганке Татьяне Дмитриевне.

Д. В. ДАВЫДОВУ

Фиал — чаша, сосуд. *Кля* (миф.) — муза истории. *Там, в той стране полу-немецкой...* — в Дерпте.

АЛЕКСАНДР ОДОЕВСКИЙ

ТАИТСЯ ЗВУК В БЕЗМОЛВНОЙ ЛИРЕ...

Стихотворение было написано Одоевским во время заключения в Петропавловской крепости.

<ОТВЕТ НА ПОСЛАНИЕ ПУШКИНА «В СИБИРЬ»>

Стихотворение Пушкина «В Сибирь» см. на стр. 134 этого тома. *Бард* — поэт, певец. *Строка Из искры возгорится пламя* была взята эпиграфом для задуманной и организованной В. И. Лениным

газеты «Искра», служившей органом Российской социал-демократической рабочей партии и издававшейся за границей с декабря 1900 г. по ноябрь 1903 г.

ТРИЗНА

Тема этого стихотворения — неудачная борьба независимых князей с королем Харальдом в IX веке. Победенные в битве при Хафрсфьуре (*бой Гафурский*), князья бежали в Исландию. Переосмысливая эту тему, Одоевский имел в виду судьбу декабристов. *Тризна* — обряд языческих поминок по умершим. *Вадковский Ф. Ф.* (1800—1844) — декабрист, товарищ Одоевского по каторге. *Скальды* — древнескандинавские певцы и поэты. *Валкирии* — воинственные божественные девы в скандинавской мифологии.

УЗНИЦА ВОСТОКА

Восток — здесь Восточная Сибирь, куда были сосланы на каторгу многие декабристы. *Муханов П. А.* (1799—1854) — декабрист, товарищ Одоевского по каторге. *Западные племена* — народы Западной Европы.

М. Н. ВОЛКОНСКОЙ

В этом стихотворении описано, как М. Н. Волконская (1805—1863) и другие жены сосланных декабристов, следовавшие за ними в Сибирь, приходили к ограде острога и передавали заключённым письма и известия «с воли». *Обзор* — горизонт.

<ПРИ ИЗВЕСТИИ О ПОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ>

В 1831 г. в Польше вспыхнуло восстание с целью освобождения страны от русского владычества. Ссылные декабристы радостно восприняли известие о восстании в Польше как о революционном движении, направленном против русского самодержавия. *Лях* — поляк. *И в шуме битв поет за упокой...* — Польские повстанцы отслужили в Варшаве панихиду по казненным декабристам. *Пять жертв* — пять повешенных декабристов: Пестель, С. Муравьев-Апостол,

Бестужев-Рюмин, Рылеев и Каховский. *Вья* — шея. *Кутья* — кушанье из крупы с медом или из риса с изюмом, которое ели на похоронах.

ПО ДОРОГЕ СТОЛБОВОЙ...

Стихотворение было написано по поводу приезда в Сибирь невесты сосланного декабриста В. П. Ивашева. *Туга* — стеснение сердца, скорбь.

ТЫ ЗНАЕШЬ ИХ, КОГО Я ТАК ЛЮБИЛ...

Стихотворение было написано Одоевским по пути из Сибири на Кавказ.

КУДА НЕСЕТЕСЬ ВЫ, КРЫЛАТЫЕ СТАНИЦЫ?..

Чакал — шакал.

МОЯ ПЕРИ

Пери — фея в персидской мифологии.

ПОЛЕЖАЕВ

ЕЩЕ НЕЧТО

Стихотворение вызвано арестом Полежаева и отдачей его под суд в 1828 г.

ПЕСНЬ ПЛЕННОГО ИРОКЕЗЦА

Ирокезцы — племя индейцев, которое долгое время вело жестокую войну за свою независимость с колонизаторами Америки.

ПРОВИДЕНИЕ

Эреб (миф.) — пространство вечного мрака в подземном царстве, в аду. *Люцифер* — в библии гордый ангел зла, сатана. *Лжесофист* — ложный мудрствователь. Софистами обычно называют людей, при помощи словесных уловок стремящихся доказать любое положение.

ОСУЖДЕННЫЙ

Эпиграф взят из «Братьев-разбойников» А. Пушкина.

кина. *Пафос* — древняя финикийская колония на острове Кипр, известная храмом в честь богини красоты Афродиты, вокруг которого росли в изобилии розы. *Гурии* — в мифологии магометан прекрасные женщины, живущие в раю.

ТАБАК

Кальян — восточный курительный прибор, посредством которого табачный дым пропускается через воду и охлаждается. *Шербет* — на Востоке прохладительный напиток.

РОМАНС

Бешмет — татарский стеганный полукафтан.

ЦЫГАНКА

Вакханка — в древней Греции жрица бога вина и веселья Вакха (Диониса). *Фараонка*. — В XVIII и начале XIX в. существовало убеждение, что цыгане происходят от древних египтян; фараон — царь в древнем Египте.

К СВОЕМУ ПОРТРЕТУ

Стихи представляют подпись к портрету Полежаева, нарисованному Е. И. Бибиковой.

НЕГОДОВАНИЕ

Эгида — охрана, покровительство. *Немезида* (миф.) — богиня возмездия.

ВЕНЕВТННОВ

К ПУШКИНУ

Пророк свободы смелой — Байрон. *Похищенный Галл* — французский поэт Андре Шенье (1762—1794). *Камены* (миф.) — музы. *Еще один невец* — Гёте.

ТРИ РОЗЫ

Эдем — рай. *Кашемир* — долина в Индии; у поэтов-романтиков употреблялось в смысле «райская долина». *Зефир* — легкий ветерок.

ЭЛЕГИЯ

Элегия посвящена кн. З. Волконской (1792—1862). *Жаркая отчизна красоты* — Италия, из которой вернулась в 1826 г. в Москву З. Волконская.

УТЕШЕНИЕ

Прометей (миф.) — титан, похитивший с неба у богов огонь и даровавший его людям; в наказание был осужден верховным богом Зевсом на мучения: он был прикован на Кавказе к скале цепью, и его печень непрерывно клевал орел. *Пигмалион* или *Пигмалион* — мифический древнегреческий скульптор, изваявший статую девушки — Галатею; он влюбился в эту статую, и, тронутая силой его чувства, богиня Афродита оживила статую; Галатея стала его женой.

НОВГОРОД

Карал и рыцарей и шведа... — Имеется в виду эпоха знаменитых побед Александра Невского над шведами и немецкими рыцарями.

К МОЕМУ ПЕРСТНЮ

Обращено к чугунному перстню, подаренному Веневитинову кн. З. Волконской перед его отъездом в Петербург. Веневитинов носил его на часах и говорил, что наденет его на свадьбу или перед смертью. *Ты был открыт...* — Перстень этот, по преданию, был найден при раскопках города Геркуланума, погибшего во время извержения Везувия. В 1932 году, во время перенесения праха Веневитинова, перстень этот был обнаружен на его пальце. Ныне он хранится в библиотеке имени Ленина в Москве.

ШЕВЫРЕВ

СОН

Сретенье — встреча. *Егова* — бог. *Серафимы* — высшие ангельские чины. *Горé* — вверх, в небо.

ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА

В конце XVIII и начале XIX в. было распространено убеждение, что цыгане — потомки египтян. *Вакханка* — жрица бога вина и веселья Вакха (Диониса). *Цевница* — свирель. *Денница* — рассвет.

МЫСЛЬ

Рамена — плечи.

НОЧЬ

Стихи 21—24 и 28, запрещенные царской цензурой, печатаются впервые, по тексту автографа Гослитмузея в Москве, подготовленному к печати К. П. Богаевской.

ПЕТРОГРАД

Стихотворение это послужило источником для вступления к «Медному всаднику» Пушкина *Рифей* — Урал. *Млат* — молот. *Блата* — болота.

ТИБР

Тибр — река, на берегах которой расположен Рим.

СТАНСЫ РИМУ

Стихи 15 и 16, запрещенные царской цензурой, печатаются впервые, по тексту автографа Гослитмузея в Москве, подготовленному к печати К. П. Богаевской.

Лествица — лестница. *Перунами* — молниями. *Коллизей* — знаменитый древнеримский цирк, от которого сохранились величественные развалины. *Пантеон* — храм в древнем Риме, в котором венчали героев и великих государственных деятелей. *Храм Петра* — католический собор в Риме.

ШИРОККО

Широкко — сирокко, сухой ветер.

ЭПИГРАММА-ОКТАВА

Эпиграмма-октава представляет шутку над собственной попыткой реформировать русское стихосложение. Последние два стиха взяты из переведенной Шевыревым 7-й песни «Освобожденного Иерусалима» Тассо. В этих двух стихах представлен образец стиховой техники, которую Шевырев хотел ввести взамен общепринятой в пушкинскую эпоху в русской поэзии силлабо-тонической системы стиха.

ХОМЯКОВ

ДВА ЧАСА

Вотще — напрасно. *Феб* (миф.) — бог поэзии, музыки и искусств.

ЗИМА

Марица — река на Балканском полуострове; на ее берегу расположен город Адрианополь. *Эдърне* — турецкое название Адрианополя. *И брата и певца, любимца чистых муз...* — Имеется в виду Д. В. Веневитинов.

ИНОСТРАНКЕ

Стихотворение обращено к А. О. Россети-Смирновой (1809—1882), приятельнице Пушкина, Жуковского, П. А. Вяземского, Гоголя и многих других писателей.

КИЕВ

Руси чистая купель! — В Днепре в 988—989 гг. происходило «крещение Руси» при принятии киевлянами христианской религии. *Эвксин* (Эвксинский понт) — греческое название Черного моря. *Мрак пещер твоих безмолвный...* — Часть монашеских келий в Киево-Печерской лавре (монастыре) была расположена в пещерах. *Сыны Волыни и Галича* — западные славяне, подпавшие под власть Польши и впоследствии Австрии.

ВИДЕНИЕ

Ланиты — щеки. *Тимпан* — древний музыкальный инструмент вроде бубна.

БЕЗЗВЕЗДНАЯ ПОЛНОЧЬ ДЫШАЛА ПРОХЛАДОЙ...

Лаба — славянское название реки Эльбы. *Прага* — главный город Чехии, религиозный и культурный центр западного славянского мира. *Морава* — главная река Моравии. *Сава* — река, один из притоков Дуная. *Петчин* — район Праги. *Кирилл* (827—869) — греческий миссионер, вместе со своим братом Мефодием проповедовавший христианство среди славян (моравов).

БЕНЕДИКТОВ

к полярной звезде

Плеяды — созвездие. *Альдебаран* — самая яркая звезда в созвездии Быка. *Очеса* — очи.

кудри

Диадима — диадема.

ЕРШОВ

КОНЕК-ГОРБУНОК

Сенник — навес для свалки и хранения сена. *Ма-лахий* — долгополая одежда. *Те* — тебе. *Пласть* — пласт. *Жомы* — тиски.

КОЛЬЦОВ

НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ...

В литературе высказывалось предположение, что стихотворение это написано после получения известия о смерти Дуняши.

ЛЕС

Бова — богатырь, герой сказки, которая многократно выпускалась в народных лубочных изданиях XVIII в. Имя его в литературе стало нарицательным для обозначения доблестного, благородного рыцаря.

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА

Талан — счастье, удача.

что ты спишь, мужичок?..

Прясло — изгородь вокруг полев.

ЛЕРМОНТОВ

ЖАЛОБЫ ТУРКА

В стихотворении говорится о России.

КРЕСТ НА СКАЛЕ

Стихотворение посвящено поэтессе Е. П. Сушковой, впоследствии Ростопчиной (1811—1858).

<ГРОБ ОССИАНА>

Оссиан — легендарный шотландский поэт-певец, якобы живший в III в. *В горах Шотландии моей...* — Предок Лермонтова (Георг Лермонт) был выходцем из Шотландии, почему поэт и считал ее своей родиной. Ср. стихотворение Лермонтова «Желание».

к *** (*НЕ ДУМАЙ, ЧТОБ Я БЫЛ ДОСТОИН СОЖАЛЕНЬЯ...)

Из пометок самого Лермонтова на рукописи известно, что это стихотворение было написано им под впечатлением прочитанной биографии Байрона. Ср. ниже стихотворение «Нет, я не Байрон, я другой...»

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Стихотворение было написано под впечатлением событий, развернувшихся в 1830 г.: Июльской революции во Франции и холерной эпидемии, охватившей почти всю среднюю Россию и сопровождавшейся народными волнениями («холерными бунтами»).

10 июля

Стихотворение было написано, вероятно, по поводу революционных событий во Франции.

НОВГОРОД

Сыны снегов, сыны славян... — Очевидно, имеются в виду декабристы. *Ваш тиран* — очевидно, Николай I. *Бедный град* — Новгород, бывший в древности вольным городом.

К Л (ОПУХИНОЙ)

Обращено к В. А. Лопухиной, в которую Лермонтов был влюблен. Вольный перевод «Стансов» Байрона.

УЖАСНАЯ СУДЬБА ОТЦА И СЫНА...

Стихотворение было написано по поводу смерти отца поэта — Ю. П. Лермонтова. Трагические обстоятельства его жизни, на которые намекает поэт, остаются невыясненными.

Я НЕ ДЛЯ АНГЕЛОВ И РАЯ...

Стихотворение было написано Лермонтовым как своего рода послесловие к поэме «Демон» (во второй редакции).

К *** («О, ПОЛНО ИЗВИНЯТЬ РАЗВРАТ!...»)

К кому обращено это стихотворение, окончательно не выяснено. *Порфира* — пурпурная мантия, символ царской власти.

ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, ВОИНСТВЕННЫХ СЛАВЯН...

Было написано в Новгороде. *Волхов* — река в Новгороде.

ДВА ВЕЛИКАНА

Стихотворение было написано в годовщину Отечественной войны 1812 г. *Старый русский великан и русский витязь* — народ, отстаивший в 1812 г. свою свободу и независимость. *Трехнедельный удалец* —

Наполеон. *Неведомый гранит* — остров Св. Елены, место ссылки низверженного Наполеона.

УМИРАЮЩИЙ ГЛАДИАТОР

Первая половина стихотворения является вольным переложением строф из поэмы Байрона «Чайльд-Гарольд», откуда взят и эпитаф. *Гладиаторы* — в древнем Риме специально обученные бойцы, набравшиеся из рабов и военнопленных, которые сражались друг с другом (иногда со зверями) на арене цирка на потеху римской знати.

РУСАЛКА

Перси — грудь.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Персты — пальцы.

БОРОДИНО

Стихотворение было написано Лермонтовым к двадцатипятилетию Отечественной войны 1812 г. и Бородинского сражения. *Редут* — полевое укрепление с наружным рвом и валом. *Лафет* — станок под артиллерийское орудие. *Кибер* — военный головной убор.

СМЕРТЬ ПОЭТА

Стихотворение было написано по поводу смерти Пушкина. Эпитаф взят из трагедии французского поэта XVII в. Ротру «Венцеслав». *Из далёка, подобный сотням беглецов...* — Убийца Пушкина, француз Дантес, бежал с родины после Июльской революции 1830 г. *Как тот певец, неведомый, но милый* — герой романа Пушкина «Евгений Онегин» поэт Владимир Ленский, убитый на дуэли Онегиным.

ПЕСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА...

Иван Васильевич — Иван IV (1530—1584), по прозвищу Грозный, московский великий князь и царь. *Стольник* — придворное звание в древней Руси.

Опричник — служилый дворянин, состоявший в войсках опричины. *Опричина* — в царствование Ивана IV часть государства, выделенная в непосредственное управление царя; опричиной называли также личную гвардию царя Ивана IV, служившую ему опорой в борьбе с крупным боярством за укрепление самодержавной власти. *Скуратовы* — боярский род, из которого особенно известен Г. Л. Малюта-Скуратов (умер в 1572 г.), любимый опричник Ивана IV.

ВЕТКА ПАЛЕСТИНЫ

Иордан — река в Палестине. *Ливан* — горная цепь в Сирии. *Солим* — Иерусалим. *Кивот* — кнот, божница, застекленный шкаф для икон.

УЗНИК. СОСЕД

Эти стихотворения были написаны Лермонтовым, когда он находился под арестом за стихотворение на смерть Пушкина.

КОГДА ВОЛНУЕТСЯ ЖЕЛТЕЮЩАЯ НИВА...

Сага — сказание, былина в древней скандинавской поэзии.

НЕ СМЕЙСЯ НАД МОЕЙ ПРОРОЧЕСКОЙ ТОСКОЮ...

Было написано, очевидно, под впечатлением репрессий, которым подвергся Лермонтов за стихотворение на смерть Пушкина.

СПЕША НА СЕВЕР ИЗ ДАЛЁКА...

Стихотворение было написано Лермонтовым на обратном пути с Кавказа в Россию. *Алла* (аллах) — бог мусульманской религии.

НЕ ВЕРЬ СЕБЕ...

Барбье Огюст (1805—1882) — французский поэт.

ТРИ ПАЛЬМЫ

Фарис — арабский наездник.

ДАРЫ ТЕРЕКА

Коран — священная книга мусульман. *Гребенской казачина* — казак Гребенского войска, несшего сто-рожевую службу на Гребне — по берегу Терека.

МЦЫРИ

1-я «Книга царств» — одна из книг, составляющих Библию. *Арагва* и *Кура* — реки в Грузии. *Такой-то царь* — царь Грузии Ираклий II, в 1783 г. отдавший свою страну под покровительство России. *Аул* — деревня кавказских горцев. *Чернец* — монах. *Сакля* — жилище кавказских горцев.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Чечен — чеченец.

НА СВЕТСКИЕ ЦЕПИ...

Стихотворение обращено к кн. М. А. Щербатовой, которой был увлечен Лермонтов. Щербатова была родом из Украины.

СОСЕДКА

Стихотворение было написано Лермонтовым, когда он содержался под арестом за дуэль с де-Барантом.

<М. П. СОЛОМИРСКОЙ>

Стихотворение было написано Лермонтовым после освобождения из-под ареста.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

Цедлиц Иосиф-Христиан (1790—1862) — австро-немецкий поэт. *Император* — Наполеон. *Угас его царственный сын...* — Единственный сын Наполеона, герцог Рейхштадтский умер от чахотки на двадцать втором году жизни (в 1832 г.).

А. О. СМИРНОВОЙ

Смирнова А. О. (урожденная Россети; 1809—1882) — приятельница Пушкина, Жуковского, П. А. Вяземского, Гоголя и других писателей.

ПРОЩАЙ, НЕМЫТАЯ РОССИЯ...

Это стихотворение и предыдущее («Тучи») были написаны Лермонтовым накануне отъезда на Кавказ во вторую ссылку. *Мундиры голубые* — мундиры голубого цвета носили жандармы.

Я К ВАМ ПИШУ; СЛУЧАЙНО! ПРАВО...

В этом стихотворении описано кровопролитное сражение русских войск с чеченцами, происходившее 11 июля 1840 г. у реки Валерик (в переводе: «Речка смерти»). Лермонтов принимал участие в этом сражении и подвергался серьезной опасности: его товарищ, декабрист Лихарев, шедший рядом с ним, был убит. *Ермолов А. П.* (1772—1861) — генерал, командовавший русскими войсками на Кавказе с 1817 по 1827 г. *Намаз* — молитва мусульманина. *Наговицы* (ноговицы) — принадлежность обуви или одежды, закрывающая голень с коленом. *Мюрид* — мусульманин, последователь религиозного движения среди горских народов Кавказа, объявивших «священную войну» России. *Казак гребенской* — см. выше примечание к стихотворению «Дары Терека». *Гихи* — деревня недалеко от Валерика. *Арьергард* — передовая часть воинского отряда.

ДЕМОН

Первый набросок этой поэмы относится еще к 1829 г., а последняя его обработка — к 1841 г. «Восточной повестью», действие которой происходит на Кавказе, «Демон» стал только в 1838 г.; до этого место действия в поэме было неопределенным. *Демон* — по христианской мифологии, злой дух, дьявол. У Лермонтова демон — падший ангел, изгнанный из рая. *Раина* — пирамидальный тополь. *Синодал* — такой местности в Грузии нет. Очевидно, Лермонтов изменил название Цинсдала, имения грузинских князей Чавчавадзе, где он бывал. *Карабах* — область на Кавказе, где разводили особенно редких лошадей. *Денница* — утренняя заря. *Власьяница* — грубая одежда из волос какого-нибудь живот-

ного, которую носили с целью религиозного покаяния и смирения. *Муэzzин* или *муэдзин* — служитель при мечети у мусульман, возглашающий с минарета часы установленных молитв. *Пери* — фея в персидской мифологии.

ПОСЛЕДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ

Стихотворение было написано Лермонтовым по поводу торжественного перенесения праха Наполеона с острова Св. Елены в Париж. *Вы сына выдали врагам!* — После падения Наполеона его сын был увезен в Австрию, где и умер.

<С. Н. КАРАМЗИНОЙ>

Карамзина С. Н. (1802—1856) — старшая дочь историка и писателя Н. М. Карамзина. *Смирнова А. О.* — см. о ней выше, примечание к стихотворению «Смирновой». *Саша* — вероятно, брат С. Н. Карамзиной, А. Н. Карамзин (1815—1888). *Мятлев И. П.* (1796—1844) — поэт и остряк, автор шуточных и юмористических стихотворений, имевших большой успех в светской среде.

<Е. П. РОСТОПЧИНОЙ>

Ростопчина Е. П., гр. (1811—1858) — поэтесса.

НА СЕВЕРЕ ДИКОМ СТОИТ ОДИНОКО...

Перевод стихотворения Генриха Гейне.

СПОР

Во второй части стихотворения речь идет о «замирении» Кавказа русскими войсками. *Мертвая страна* — Палестина. *Генерал седой* — А. П. Ермолов, командовавший русскими войсками на Кавказе с 1817 по 1827 г.

АМАРА

В основу стихотворения положена грузинская народная легенда о прекрасной и коварной царице Дарье (Лермонтов изменил ее имя). *Пери* — фея в

персидской мифологии. *Тризна* — обряд языческих поминок по умершим.

СВИДАНЬЕ

Твердыня — крепость. *Чадра* — покрывало, которое носили женщины на Востоке. *Кура* — река в Тифлисе. *Пустынная* — здесь в смысле: одинокая.

